

**Программа Сотрудничества ЕС
и России (Тасис)**

**Promotion of Tolerance and
Improving Interethnic Relations,
Russia**

**Улучшение межэтнических
отношений и развитие
толерантности в России**

Гюнтер Шлее

**Управление конфликтами:
теория и практика**

Москва
2004

Проект
финансируется ЕС

Сеть этнологического
мониторинга и раннего
предупреждения
конфликтов (EAWARN)

Проект реализуется
Консорциумом, возглавляемым
Немецко-русским обменом
(Германия)

Программа Сотрудничества ЕС и России (ТАСИС)

Promotion of Tolerance and
Improving Interethnic Relations,
Russia

Улучшение межэтнических
отношений и развитие
толерантности в России

Гюнтер Шлее

Управление конфликтами: теория и практика

*перевод с английского и немецкого
С.В. Соколовского*

Москва 2004

Проект
финансируется ЕС

Сеть этнологического
мониторинга и раннего
предупреждения
конфликтов (EAWARN)

Проект реализуется
Консорциумом,
возглавляемым Немецко-
русским обменом (Германия)

Публикация осуществлена при финансовой поддержке Европейского Союза в рамках проекта Программы сотрудничества ЕС и России (Тасис) «Улучшение межэтнических отношений и развитие толерантности в России» (№ 2002/030-499).

Содержание настоящей публикации является исключительно мнением Немецко-русского обмена и может не совпадать с официальной позицией Европейского Союза.

ISBN 5-201-00947-6

© Deutsch-Russischer Austausch e.V. 2004
© Schlee 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
<i>Как организована эта книга.....</i>	9
Зачем нам нужна теория конфликтов	10
• Проблема	24
• Теория принятия решений и идентификация	34
• Необходимость стратегий включения и исключения	37
• Концептуальный инструментарий включения и исключения: социальные категории и их переплетение	46
• О социологизации экономики и экономизации социологии	56
• Рынки насилия и свобода выбора	59
Этническая символика, диакритики и маркеры идентичности: несколько примеров из Восточной Африки	66
Чистота и власть в мусульманских и немусульманских обществах и спектр фундаментализма	82
1. Введение	82
2. Другие примеры из неисламской Африки	85
3. Различные уровни «ужесточения» в исламе	91
• Суфизм	93
• Случай сакуйе (Sakuye)	94
• Суфизм и джихад в Восточной Африке	97
• Взгляды на Египет и Судан в 1990-х гг.	101
4. Заключение.....	105
Язык и этничность.....	107
Разрешение конфликтов: опыт организации мирного процесса в Сомали	114
1. Введение	114
2. Описание ситуации: недавняя история и современный мирный процесс	117

3. Личный опыт в «Комитете по земле и правам собственности» ..	145
4. Прокламируемые потребности:	
что Сомали ожидает от международного сообщества	152
• Демобилизация, разоружение и реинтеграция.....	152
• Земельные права и права собственности	152
• Экономическое восстановление, развитие институтов и мобилизация ресурсов	154
• Региональные и международные отношения	155
5. Продолжающиеся программы	
в области технической поддержки	155
• Демобилизация, разоружение и реинтеграция.....	155
• Земельные права и права собственности	158
• Экономическое восстановление, развитие институтов и мобилизация ресурсов	160
• Региональные и международные отношения	163
6. Уроки Сомалиленда	163
7. Вопросы, общие для всех комитетов (расходы и налоги)	165
8. Рекомендуемые действия при успехе процесса Мбагати	167
9. Существующие возможности при провале процесса Мбагати ..	170
10. Рекомендуемые действия при любом исходе процесса	171
О методах: что значит быть специалистом	
по разрешению конфликтов	173
• Введение	173
• Процесс УИРО (Участие в Интегрированном Развитии Общины) и анализ конфликта: наложение и взаимодополнение методов	174
• Материальная поддержка деятельности аналитика	176
• Рабочие семинары по разрешению конфликтов	178
• Географический масштаб и уровни организации	180
• Региональная мирная конференция	184
Библиография	186
Об авторе	200

Введение

Европейский эксперт, африканский опыт и российские проблемы

В. Тишков, член-корреспондент РАН, директор Института этнологии и антропологии, директор Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN)

Публикуемая в библиотеке проекта Программы сотрудничества ЕС и России (Тасис) «Улучшение межэтнических отношений и развитие толерантности в России» книга профессора Г. Шлее может представлять большой интерес для самого разного читателя, но прежде всего она интересна для специалистов в области изучения, предотвращения и разрешения так называемых этнических конфликтов. Гюнтер Шлее — один из ведущих социально-культурных антропологов Германии, специалист по этническим проблемам в Африке, содиректор Института социальной антропологии Общества Макса Планка и руководитель научной программы этого института по этническим конфликтам. У него большой опыт полевых исследований в ряде стран Африки (Сомали, Камерун, Бенин) и в других регионах мира. Этот опыт уже использовался им для экспертного обеспечения политических проектов по разрешению конфликтов в Сомали. Помимо конкретного знания, автор обладает широким теоретическим кругозором, и предлагаемые анализ и рекомендации ученого имеют уникальную ценность. Однако попробуем разъяснить, почему важна эта книга для российского специалиста. Неужели Африка может представлять компаративную ценность для лучшего понимания российских проблем?

Действительно, довольно часто можно услышать обидные ремарки отечественных политиков и ученых по поводу столь дальних и казалось бы экзотических сравнений: «не надо нас сравнивать с Африкой!», «мы же — не Африка!», «у нас нации, а не африканские племена!» и т.п. Эта реакция строится на представлении об африканском континенте как заповеднике отсталости и дикости и поэтому сравнения с Квебеком, Северной Ирландией или Страной басков льстят российскому обывателю, а сравнения с Африкой или Азией кажутся обидными. Кстати, сходные представления о «варварской России» можно встретить среди азиатских и африканских интеллектуалов, которым наша страна кажется непонятной и также для сравнений не подходящей.

На самом же деле в мире гораздо больше схожести в проявлении многих сторон человеческого поведения, включая и происходящие коллизии на основе этнических, расовых и религиозных коллизий. Тем более схожи логики вовлечения людских коллективов в насильственные конфликты, поведение людей в условиях конфликтов и пути выхода из конфликтов. Более того, иногда можно поражаться, как люди, общественные активисты и политики, совершают одни и те же ошибки или же попадают в тяжелейшие ситуации, будучи уверенными, что эти ситуации уникальны и не существует никаких ответов на их проблемы, кроме тех, что они ищут или знают на основе только собственного опыта. Именно незнание уже совершенных аналогичных ошибок или отсутствие информации о возможных путях разрешения общественных коллизий без насилия становятся чаще всего причиной саморазрушительных действий.

Общие закономерности распространяются не только на экономическую или политическую деятельность людей в разных регионах и странах мира. Они проявляются и в сфере взаимодействия людей, когда разные группы, проживая в одной стране или местности, имеют разные культурные традиции, языки и религиозные убеждения. По некоторым общим принципам живут и общества, в которых имеются эти различия. Мировая наука и политика накопили определенный опыт, как должна строиться жизнь в таких обществах и как эти общества должны управляться. Это не означает, что все ситуации схожи и все конфликты имеют единую природу и одну логику развития. Безусловно, в разных странах и в разных ситуациях очень многое зависит от уровня социально-экономического развития, зрелости гражданского общества и эффективности государственного управления. Многие многоэтнические общества, особенно в западной Европе, уже имеют опыт и ресурсы, которые позволяют на протяжении длительного времени мирно сосуществовать и развиваться культурно сложным человеческим коллективам. В свое время за этот опыт было заплачено жестокими войнами и отдельными человеческими драмами. И хотя иногда говорят, что история ничему не учит, на самом деле это не так. В равной мере поучителен и современный опыт других стран, даже если эти страны кажутся совсем разными и трудными для восприятия полезных сравнений. Чем же интересен для россиян анализ европейца Г. Шлее опыта этнических конфликтов на основе африканских материалов?

Во-первых, сам подход к феномену этничности у этого автора отличается от того, который доминирует в российском общественном сознании. Ученые и политики в России убеждены, что этничность является фунда-

ментальной формой организации человеческих коллективов и каждый человек есть прежде всего представитель «своего народа», под которым имеется в виду этническая группа (или этнос). Автор стоит на позиции, что этническая идентичность не носит столь фундаментальную характеристику и далеко не для всех людей она является обязательной, а тем более – главной в наборе многих идентификаций человека по той или иной групповой принадлежности. Культурные (языковые, религиозные, расовые, этнические, кланово-племенные) различия существуют, но сами люди очень часто пересекают эти групповые границы или совмещают в себе гораздо более сложные характеристики. В конфликтных ситуациях групповые границы могут становиться очень жесткими, но именно сам конфликт, особенно открытое насилие, вызывают к жизни непреодолимые различия, а не различия вызывают конфликт.

Во-вторых, автор подвергает сомнению тезис, что именно глубина различий или даже «уровней цивилизационного развития» (если пользоваться терминами некоторых российских специалистов) определяет силу конфликта и невозможность его мирного разрешения. Более того, имеется много данных, которые говорят о том, что малые культурные различия могут вызывать не менее жестокие конфликты. Ссылки на близость или даже на культурную родственность тех или иных народов не являются гарантией против жестоких столкновений. Люди начинают убивать друг друга не потому, что они говорят на разных языках или молятся разным богам, а по каким-то другим причинам, но используют в качестве аргумента именно ссылки на культурные различия. Но тогда какие это причины?

В-третьих, автор привлекает наше внимание к более скрытым причинам, которые лежат в основе так называемых этнических конфликтов. Г. Шлее строит свое объяснение на основе теории рационального выбора со стороны отдельных лиц или групп и обращается к таким обстоятельствам, как соперничество за власть и за ресурсы. Он обращает внимание также на рекрутирование в конфликт тех, кто оказывается в плену тех или иных идеологических проектов, ставящих своей целью разрушение существующего положения насильственными методами. Но самое важное – это обращение к уровню индивидуального человеческого поведения и к уровню принятия политических решений, которые чаще всего оказываются отправными точками при производстве конфликта. Амбиции лидеров, невыполненные обещания со стороны государства, закрытие возможностей в жизненном продвижении, желание через обретение средств насилия решить вопросы обретения статуса и социального благополучия – вот те

мотивы, которые часто служат скрытыми причинами поведения, которое облекается в громкие лозунги и священные призывы.

Все эти и многие другие положения очень важны для понимания российской ситуации. Именно амбиции лидеров и надменность силы становились первопричиной конфликтов, а не социальная обездоленность или этническая дискриминация. «Деколонизация» или исламский джихад (священная война) — это только лозунговая и эмоциональная поверхность конфликта, а не его подлинная суть. И чем лучше понимается та или иная конкретная ситуация, тем больше возможностей она предоставляет политикам и обществу в целом предотвратить конфликт или выйти из конфликта, если он уже случился.

Пожалуй, только одна важная сторона в теории конфликта Г. Шлее осталась без должного внимания. Это роль внешних факторов и, прежде всего геополитического соперничества, которое до сих пор присутствует в сообществе государств и их больших коалиций. Конфликты не происходят в геополитическом и идеологическом вакууме. Инициаторы конфликтов и их исполнители почти всегда обращаются к внешним ресурсам и используют их. Более того, часто бывает так, что конфликты перестают быть собственностью заявленных конфликтующих сторон. За ними оказываются мощные внешние силы, которые поставляют аргументы, материальную и моральную поддержку и даже самих исполнителей насилия. Проблема приватизации конфликтов внешними силами становится часто ключевой для разрешения конфликта, ибо слишком велики получаемые дивиденды от совершаемого насилия, будь это дестабилизация региона или государства или же тривиальные доходы от войны и разрушений.

Сегодня невозможно построить теорию конфликта только на основе внутренних факторов, т.е. объяснения поведения непосредственных участников. Очень часто главные участники находятся не на поле сражений, а сидят в комфортабельных офисах государственных и неправительственных департаментов, или же прячутся в молельных домах и в дальних горных пещерах. Мобильная связь, банковские трансферы, информационные системы, диаспоральные коммуникации — это такой же конкретный ландшафт современного конфликта, без учета которого невозможно понять и объяснить происходящее. Такую всестороннюю и универсальную теорию конфликта еще предстоит создать. Но уже то, что предлагает в своей книге профессор Г. Шлее, заслуживает внимания и помогает построить такую теорию.

Как организована эта книга

В серии глав в этой книге будет представлена попытка формального описания различных возможностей идентификации в ситуациях конфликта и развита теория решений, которая объясняет, при каких условиях выбираются те или иные идентификации (то есть, кто и какую сторону принимает в конфликте). Будут рассмотрены несколько измерений социальной идентификации, такие как язык, этничность, религия и клановая принадлежность и в тех случаях, когда они конкурируют друг с другом в рамках единого дискурса, и в тех, когда они используются одновременно. Пределы свободного выбора и социальные ограничения будут рассматриваться в главе *Рынки насилия и свобода выбора*.

В следующей главе *Этническая эмблематика, диакритики и маркеры идентичности: несколько примеров из Восточной Африки* будут рассмотрены маркеры коллективной идентичности в общей перспективе. Два измерения социальной идентичности — этничность и религия — избраны для более подробного рассмотрения. Глава, в которой речь пойдет о религии (и, в более общем случае — о ритуале и вере), озаглавлена *Чистота и власть в мусульманских и немусульманских обществах и спектр фундаментализма*. За ней следует глава *Язык и этничность*, в которой рассмотрены все сложности, связанные с языковой идентификацией и эмоциональной привязанностью к языку, которые могут выходить за рамки использования языка в качестве эмблемы идентификации.

За этими двумя главами следуют еще две, в которых рассматривается практика, и которые были написаны на основе опыта, полученного автором в Сомали. В первой главе, «Разрешение конфликтов: опыт организации мирного процесса в Сомали», рассматривается международная мирная конференция; во второй, «О методах: что значит быть специалистом по разрешению конфликтов», обсуждаются и методы поддержки мирных инициатив на низовом уровне.

Зачем нам нужна теория конфликтов*

От науки ожидается, что она предоставляет нам такие знания, которые невозможно извлечь из опыта повседневности. Систематический анализ понятий, методичность и особым образом отобранные данные призваны уточнять взгляды на скрытую сторону вещей. У представителей естественных наук не было особых проблем с размежеванием научного и обыденного знания. Только благодаря масштабу изучаемых явлений они вышли за пределы той области, которая доступна человеку без применения специальной аппаратуры, шла ли речь, например, о молекулах или о галактиках, их знания обретали известные особенности по сравнению с обыденными. У них не было и проблем с выделением науки как особой формы знания. Однако они сталкивались с проблемой нехватки понимания со стороны общества, поскольку им было трудно дать объяснение, чем именно они занимаются, для неосведомленной в данной дисциплине публики и дилетантов, в числе которых были и политики, от которых зависело субсидирование исследований. Их проблемой, таким образом, была проблема перевода научного языка на обыденную речь. Некоторые представители социальных наук занимаются прямо противоположным делом, переводя слова из повседневного опыта на особый жаргон, подвергая их своего рода «профессионализации». Тот, кто распознает эту игру, перестает им доверять и начинает сомневаться в приросте знаний за счет усилий ученых.

Проблема социальных наук заключается в том, что они, в отличие от естественных наук, не имеют особого предмета интересов, который бы отличал его от предмета интересов их ненаучного окружения. Представители социальных наук изучают богатство и бедность, любовь и смерть и многие другие вещи, которые представляют общечеловеческий интерес и о которых дилетанты могут рассказать не меньше, чем ученые. Имеют ли эти ученые вообще знание, которое в чем-либо превосходило бы мудрость знания обыденного? Только в этом случае было бы оправданным привлекать их, например, в качестве политических советников или экспертов в суде.

В этой небольшой книжке я хотел бы показать, что систематический анализ конфликтов приводит к иным заключениям, чем наблюдения

* Этот раздел основан на лекции «Политика идентичности и размер группы», произнесенной при вступлении в должность 30 июня 2004 г. в университете Халле им. Мартина Лютера (Martin-Luther-University, Halle/Saale) и отчасти на введении к работе Horstmann and Schlee (eds.), 2001.

обывателя. Я хочу тем самым показать, что в знаниях дилетантов есть изъяны. Это не является исключительно моим личным опытом: известно, что в такой области, как «этничность», научные знания и обывательские взгляды сталкиваются давно. В следующей главе я попытаюсь с помощью постановки фундаментальных вопросов выработать более обоснованную позицию.

«Этнические конфликты» стали, в особенности после краха социализма и отказа от рассмотрения конфликтов с позиций классовой борьбы, само собой разумеющейся фразой. Никто не задает вопроса, что собственно есть этническое в этнических конфликтах. Предполагается, что этничность (и в соответствии с этой моделью — любая форма различий, но в особенности — религия) является причиной конфликтов. Любой медиапотребитель постоянно узнает, что этнический фактор является причиной политической фрагментации, будь это Советский Союз или Югославия, в которых нашли свое продолжение те же самые процессы, что привели к распаду предшествующие государства — габсбургскую и османскую империи. Таким образом, этничность выступает здесь как постоянный генерирующий конфликты фактор. К сожалению, этот взгляд разделяют и политические элиты, что существенно затрудняет конструктивное обращение с этническими и конфессиональными конфликтами.

Убеждения, на которых основывается взгляд на этничность как причину расколов и дезинтеграции, можно обобщить в следующих шести утверждениях:

- Этнические различия («этничности») являются первопричиной этнических конфликтов;
- Противоречия между обычаями различных народов отражают древние унаследованные и глубоко укорененные антагонизмы;
- Этничность является универсальной, то есть любой человек принадлежит к какому-нибудь народу;
- Этничность аскриптивна, то есть, как правило, человек не может изменить свою этническую принадлежность;
- Народ представляет собой общность происхождения [Abstammungsgemeinschaft];
- Этнос территориален; они стремятся к занятию целостной территории и в итоге к национальному суверенитету.

За первый тезис, что этнические различия («этничности») являются первопричиной этнических конфликтов, говорило бы то обстоятельство, что большие различия между конфликтующими сторонами отражались

бы на интенсивности конфликтов. Наблюдения, однако, свидетельствуют о том, что величина таких различий ни в малейшей степени не влияет на течение и интенсивность конфликтов.

Образцовым примером первичности этнического фактора в качестве причины конфликта служит обычно экс-Югославия. Полагают, что противоречия, существовавшие здесь со средних веков, проявились вновь. И действительно, сербы ссылаются на битву на Косовом поле и называют мусульман в качестве своих тогдашних врагов. Считается, что древние этнические противоречия, лишь временно подавленные коммунистическим режимом, прорвались снова после его падения. Однако если этничность представляет собой форму социальной идентичности, то она должна проявляться в определении своих и чужих. Иными словами, невозможно принадлежать к какому-либо народу, который был бы неизвестен ни самому человеку, ни другим людям. Этничность связана с ее осознанием. У детей югославских иммигрантов в Германии такое самосознание, по меньшей мере, к концу 1980-х годов (то есть еще до конфликтов и распада Югославии) было полностью утрачено. Многие подростки не знали, к какой этнической группе они относятся и на каком языке говорят дома; они должны были узнавать об этом у своих родителей. Между тем сегодня очевидно, что все дети из бывшей Югославии, независимо от того, проживают они в Германии или где-нибудь еще, знают о своей этнической принадлежности. По крайней мере в таких случаях становится ясным, что этничность является здесь результатом новой конъюнктуры, а не первопричиной этнических конфликтов.

За счет разделения на республики, которые были названы по преобладающему народу, Югославия и Советский Союз сами создали условия для того, чтобы осознание принадлежности к определенному народу стало частью идентификации их граждан. Если этничность и выступает фактически в качестве фактора, лежащего в основе появления таких феноменов, то центральные власти в значительной степени этому содействовали. В ходе переписей систематически задавался вопрос о национальной принадлежности, и в неясных случаях людям приходилось выбирать. И даже при этом, около 5% опрошенных отказались идентифицировать себя с той или иной национальностью и ответили, что они — «югославы». Где теперь эти 5%?

В середине 1970-х гг. один американский антрополог написал книгу о боснийских мусульманах и назвал ее «Европейские мусульмане» (Lockwood 1975). Одним из его выводов было то, что в городском контексте этниче-

ские и религиозные идентификации становятся слабее. Его прогнозом было исчезновение югославянских этничностей, возникновение единого югославского народа и превращение его прежних этнических подразделений в исторические реминисценции и явления, представляющие интерес для фольклористов. Его вывод вполне вписывался в господствовавшую в то время теорию модернизации, в соответствии с которой все полагали, что с ростом модернизации этничность отступит в сельскую местность, где будет сохраняться еще некоторое время.

Определенно, об этом говорит и наш источник, хотя содержащиеся в нем прогнозы, что этничность в 1970-е годы играла меньшую роль и, казалось, убывала по сравнению с предшествующими временами, не сбылись. Политическая воля этому вполне соответствовала. Подавляющая часть боснийцев, то есть всего населения Боснии, а не представители той или иной этнической группы, вплоть до 1990-х гг. не придавали большого значения этническому фактору. В отличие от развития событий в Словении и Хорватии, они хотели сохранить плюралистический характер своей республики как «Югославии в миниатюре».

Десятки тысяч демонстрантов на улицах Сараево выступали за сохранение своего мультикультурного сосуществования. Эти демонстрации были разогнаны горсткой боевиков, и возникшая на этой основе спираль насилия уже хорошо известна. Сначала она привела к тому, что каждый оказался привязанным к своей этнической идентификации. Желание быть «югославами» не защищало от того, что их уничтожали или изгоняли точно так же, как и «хорватов», «сербов» или «мусульман», а позднее — «косовских албанцев», и чтобы как-то защитить себя, людям приходилось объединяться с теми, кто был им подобен в этническом отношении. Это явление, Диздаревич (Dizdarevic 1993) обозначил как заложничество у ополченцев.

Наблюдение за реальными или мнимыми культурными различиями между этническими группами в Боснии позволяет заключить, что языковые различия между ними были исчезающе малы. Все они говорили на сербско-хорватском с ничтожными вариациями. О происхождении того или иного человека из какого-нибудь хорватского или сербского региона узнавали по нескольким типичным словам. В противоположность этому, словенский явно отличался от сербско-хорватского как самостоятельный славянский язык. Если сравнить уровни насилия, которые сопровождали оба случая разделения, то придется заключить, что четко выделяющиеся в языковом отношении словенцы смогли отделиться от федеративной

Югославии относительно мирно, в то время как между едва отличающимися по языку сербами, хорватами и мусульманами дело дошло до такой степени жестокости, которая считалась невозможной для Центральной Европы.

Диалектные различия внутри сербско-хорватского значительно меньше, чем между различными диалектами немецкого, которые не мешают их носителям мирно проживать в рамках единого союзного государства. Случаи, когда низкий уровень различий сопровождается высокой интенсивностью конфликта, встречаются часто. Дело доходит до попыток постулирования отрицательной корреляции между культурными и языковыми различиями, с одной стороны, и уровнем насилия — с другой.

Единственным элементом различия между сербами, хорватами и мусульманами, который, как представляется, играл политическую роль, был фактор религии. У мусульман обозначение конфессии одновременно играло роль этнонима, то есть являлось эквивалентом таких же этнических обозначений, какими стали «сербы» или «хорваты» на противоположной стороне. Это означает, что югославы на протяжении нескольких десятилетий атеистического и антирелигиозного режима в значительной степени утратили вероисповедную практику и в сегодняшнем противостоянии опираются на веру своих дедов, а не на практикуемую ими самими религию. Это может быть продемонстрировано на примере боснийских мусульман: когда с ними солидаризовалась мусульманская умма, боснийские беженцы, оказавшиеся в Малайзии, вызвали удивление у местного населения своим полным незнанием религиозной практики.

Случай Сомали также подтверждает, что распадение на множество фракций и высокий уровень насилия сопровождаются незначительными или практически отсутствующими культурными отличиями. Сомали является государством с однородным в отношении культуры, языка и религии населением¹, которое часто именуется единственным нацией-государством на африканском континенте. По сведениям прессы и телевидения известно, что сегментация здесь происходит на уровне клановых подразделений. Конкретно это означает, что противники принадлежат линиям одного и того же клана, которые выделились несколько поколений назад и основатели которых известны. Ожидать в этих условиях языковых

¹ Это относится, прежде всего, к сторонам в конфликте. На юге страны проживает сельское бантуязычное население, которое отчасти выпадает из этой картины однородности, однако оно не входит в число сил, содействующих конфликту.

или культурных различий или религиозных расколов не приходится, как нет их и в действительности (Schlee 1996).

Культурная однородность не является, таким образом, гарантией мирного сосуществования. Исследовательница из Билефельда Мэри Кенни показала на примере Северной Ирландии, что враждующие группы разделяют до деталей совпадающую параллельную символику, которая находит одинаковое выражение в демонстрациях и шествиях, в иконографии насилия на стенах домов. Это конфликт, протекающий в рамках знаковой системы одной культуры. Здесь люди понимают друг друга даже слишком хорошо (Kenney 2002).

Относительно второго тезиса, в котором утверждается, что этнические конфликты основываются на глубоко укорененных противоречиях, которые временно оставались скрытыми и подавлялись в периоды коммунистического господства или колониализма, можно возразить, что этничность постоянно переопределяется, и это касается не только ее культурного содержимого, но и персонального состава этнической группы (Barth 1969). Граница между «мы» и «другими» постоянно устанавливается заново.

Что касается длительности конфликтов, то мы обнаруживаем здесь значительную вариативность. Если взять еще один пример – случай армян и азербайджанцев, описания конфликта между которыми занимают первые полосы газет на протяжении десятка лет, то можно утверждать, что точно такая же конфликтная конфигурация существует уже по меньшей мере тысячу лет. Таким образом, существуют такие застарелые конфликты, которые при естественно меняющихся условиях, линиях фронтов и в различных исторических ситуациях остаются узнаваемыми. Противоположным примером могут служить так называемые «календжин», который рассматривает Андреас ван Наль (Andreas van Nahl 1999: 306 ff.) «Календжин» представляют собой группу народов в Кении, однако пожилые люди из их числа в дни своей молодости не знали, что они являются «календжин». То обстоятельство, что происхождение *календжин* восходит всего лишь к колониальным временам и что только образованные люди среди них могли знать о классификации диалектов, разработанной европейскими лингвистами, определившими границы включающего их языкового единства, несколько не отменяет того факта, что сегодня они представляют собой высоко политизированную этническую общность. Это народ, из рядов которого вышел президент Даниэль арап Мои, привлекая значительное число представителей этой группы на высокие го-

сударственные посты, за счет чего многие другие кенийские этнические сообщества были отчуждены от власти. Номерные знаки кенийских правительственных автомобилей содержат аббревиатуру 'GK' (*Government of Kenya*). В народе ее прочитывают как *Government of Kalenjin* — правительство календжин.

Агрессивно выражаемая этничность может быть, таким образом, и совсем молодой и весьма древней; при этом ее возраст никак не связан с интенсивностью этнической мобилизации. Зачастую мы сталкиваемся с мнимой длительностью существования этнических различий и этнонационализма за счет проецирования (= ретроецирования?) их в прошлое. Любой национализм имеет тенденцию обращаться к древним противоречиям и различиям (Elwert 1989: 441). Обращение к древним и благородным историческим корням превратилось в отличительную черту любого национализма, который за счет самого этого обращения пытается удревнить и углубить свою родословную, точно также, как дерево укореняется в почве, а не вырастает из собственных корней. Похожее происходит и с историческими корнями: их постоянно углубляют в исторические пласты времени. Возраст конкретного этнонационализма может быть в действительности спорным, однако он не имеет отношения, в особенности в качестве фундаментальной причины, к интенсивности этнических конфликтов.

Третий тезис в этом обсуждении касается универсальности этничности, то есть утверждения, что любой человек принадлежит к какому-нибудь народу. Можно определенно утверждать, что, напротив, этничность ни в коем случае не является универсальным или естественным принципом деления человечества. В доколониальной Африке часто наблюдалась ситуация, когда представители конкретной группы считали принадлежащими к той же группе жителей соседних деревень, расположенных чуть к востоку и чуть к западу, а жителей следующих за ними деревень — уже чужаками. Если перейти в другую деревню и считать ее точкой отсчета, то она превращается в центр, из которого наблюдаются признаки сходства, то есть речь идет не об этнической группе с фиксированными границами, а о континууме в котором граница между «нами» и «другими» перемещается в зависимости от пункта наблюдения (Elwert 1989: 445). Этничность здесь возникла как следствие колониального управления, при котором районирование проводилось по границам расселения племен. Ее также следует рассматривать в связи со становлением современной науки и школьного обучения. Откуда, например, как не из этнографической ли-

тературы мог бы узнать эскимос из Гренландии о границах расселения всех эскимосов? Без школьного образования он вряд ли услышал бы об Аляске или северо-восточной оконечности Сибири. Именно так научные воззрения о сходствах и различиях, как верные, так и неверные, случайным образом были импортированы обратно — в местный политический дискурс и повлияли на оформление современных границ «чувства Мы». Это особенно типично для своеобразных «карьер» наименований языковых семей.

Следующий тезис — четвертый — гласит, что этничность аскриптивна, она является приписыванием, и, кроме того, приписыванием, которое невозможно изменить с точки зрения отдельного человека. Человек, как правило, не может изменить свою этническую принадлежность. На аридном севере Кении, населенном пастушескими кочевыми группами, которые говорят на различных языках кушитской семьи, часто существует оформленный правилами переход между различными этническими сообществами. Этот переход возможен, по крайней мере, для компетентных носителей местных культур, то есть для тех, кто знает эти отношения и возможности и может ими манипулировать. Материалы истории, подробное обсуждение которых здесь увело бы нас слишком далеко, демонстрируют нам, что различные кланы оказались поделенными между различными этническими группами. Иными словами, оказалось так, что разные языковые и культурные целостности, то есть этнические сообщества, в свою очередь состоят из субъединиц, которые они друг с другом делят. Во времена нужды, например при утрате скота из-за военных действий, представитель какого-либо конкретного клана из определенной этнической группы может обратиться к своим братьям по клану в соседней этнической группе за помощью или поселиться у них в качестве иммигранта и беженца и получить права на луга и воду. Если он и его семья остается там, то они обретают этническую принадлежность к данной группе. Таким образом «клановый мостик» позволяет менять этническую принадлежность, хотя иногда такой процесс может растянуться на несколько поколений.

В иных местах, как и в северной Кении, также могут существовать институализированные мосты, с помощью которых человек меняет свою этническую принадлежность, не изменяя сколько-нибудь значимо культурные характеристики взаимодействующих этнических групп. Меняется лишь состав их членства. Люди перемещаются из одной культурной оболочки в другую. Народы сохраняются, обмениваясь частью людей, из которых они состоят.

В нижнем течении реки Омо на юге Эфиопии Тертон (Turton 1994) констатировал, что такие территориально-политические группы как *мурси* и *сурма* состоят из одинаковых кланов, по видимости более древних, чем сами эти группы.

В случаях *мади* и *ахоли* в Северной Уганде (Allen 1994) документировано, что окрепшие в колониальное время «племена» создавались из одних и тех же подгрупп, факт тем более удивительный, что языки *мади* и *ахоли* принадлежат разным языковым семьям. Во всех этих случаях наличие общих кланов не исключает вооруженных конфликтов между группами.

Тезис 5 гласил, что народ представляет собой общность происхождения. В свете сказанного выше он начинает выглядеть как весьма относительный. Но и без институциональных мостов для перехода соотношение границ общностей происхождения и этнических границ оказывается часто весьма свободным. Зачастую круг лиц, с которыми можно заключать браки оказывается уже, чем этническая группа, но, с другой стороны, он может включать части других этнических групп.

Многие сравнивают этногенез с процессом видообразования у животных. Часто популяции животных в соответствии с этим понятием развиваются в самостоятельные подвиды и затем в отдельные виды, которые обладают четкими различиями на взаимных границах.² Однако в то время как у животных различающие их признаки обычно детерминируются генетически и выражаются телесно, у человека значительно более выражено, чем у других видов, похожие процессы протекают в области поведенческой (за счет научения). Этногенез представляет собой такой процесс, который можно было бы обозначить как псевдовидообразование, то есть как процесс, похожий на видообразование, но не связанный с сообществами происхождения.

Шестой тезис гласит, что этносы территориальны. Они стремятся к занятию целостной территории и в итоге к национальному суверенитету. На это можно возразить, что некоторые этнические группы имеют в качестве своих отличительных признаков профессиональную специализацию и вне сосуществования с другими этническими сообществами не смогли бы развиваться именно в этой форме. Территориальное государство и, в особенности, так называемое национальное государство, являются современными формами развития, которые возникли в Западной Европе. Они не представляют собой универсальной тенденции развития. Во многих

2 Примеры и контрпримеры см. в: Schlee 1995:197, примечания 9 и 10.

местах они остаются внешней формой, которая охватывает совершенно иные идентификации людей.

Наиболее успешной и часто и наиболее жестокой формой политического насаждения рассмотренных выше шести проблематичных тезисов является устройство национальных государств, которые в идеальном случае должны быть этнически однородными или в которых титульный народ имеет преобладающее большинство. Из примерно 180 «национальных» государств планеты этому идеалу соответствует лишь ничтожное меньшинство (Ra'anan 1989). В большинстве же случаев это порождает проблему как в организационных рамках «нации» следует обходиться с различиями. Часто она решается в форме территориальных или особых групповых прав или специализации отдельных этнических групп на рынке труда (за счет чего подавляется конкуренция или возникает дискриминация), защиты прав меньшинств и т. п. Все эти способы разрешения проблемы различий имеют ту общую характеристику, что индивиды, участвуя в общей политической системе, обретают права и соответствующие обязанности не за счет собственных заслуг, а за счет принадлежности к одной из конституирующих эту систему групп. Отдельный человек здесь должен постоянно обращаться к групповой принадлежности; и это происходит даже в случаях принятия самых прогрессивных мер по защите меньшинств или административных требований по поддержке мультикультурности. Свободами и правами здесь наделяются коллективы, а не отдельные люди.

Популярная теория, которую мы изложили выше, сформулировав ее шесть центральных тезисов, приводит, таким образом, к закреплению этнической идентичности. И это при том, что именно данная идентичность, которая сама по себе редко рассматривается здесь как несущая конфликты, в соответствии с этой же теорией считается коренной причиной конфликтов, а не формой их протекания.

Что упускает из виду эта популярная теория, так это бесчисленные формы изменения идентичности, как в микро-перспективе (индивид меняет свою групповую принадлежность ситуативно или в течение длительного времени), так и в макро-масштабе (группы наполняют свои отличительные признаки новым культурным содержанием и осваивают новые роли в более широком экономическом, социальном и политическом контекстах).

Кроме того, при таком рассмотрении из виду упускаются интегративные аспекты культурных различий: они расцениваются односторонне,

как несущие конфликт. Социальная интеграция на более высоком уровне облегчается как раз за счет различий; таким образом, аспект «интеграции через различия» здесь упускается.

В социальной антропологии этот взгляд отнюдь не нов. Отмежевываясь от одной из исследовательских традиций, в которой этнос выступает в качестве основного объекта этнологии (так называется дисциплина на континенте), и в которой отдельная культура или общество рассматривались изолированно, как закрытый космос, еще в 1954 году сэр Эдмунд Лич в своей книге «Политические системы Горной Бирмы» изложил совершенно иной взгляд на этнические различия. Он рассматривал различающиеся в культурном и языковом отношении долины горного мира Бирмы как единую «большую социальную структуру», в которой различия этих частей выступают в качестве конструктивного принципа целого: «... поддержка и особое внимание, уделяемое культурным различиям, могут стать сами по себе ритуальным действием, выражающим социальные отношения... В этом контексте такие характеристики культуры, как язык, одежда или ритуал становятся простыми символическими ярлыками, обозначающими различные секторы единой большой структурной системы.» (стр.17) Из этих суждений Лича вытекает следующее: различные культуры Горной Бирмы отличаются друг от друга многообразной культурной символикой. Символы, которые вводят одни, понимаются и интерпретируются другими и это происходит в замкнутой знаковой среде. Например, может произойти так, что элементы костюма, носящие в рамках культуры богатую информацию о возрасте и статусе их обладательницы или обладателя, извне рассматриваются только в качестве этнического идентификатора и маркера социальных границ. Существует, таким образом, особый уровень интерпретации, на котором отдельные культуры сообщаются в рамках общей мета-культуры. Если используется терминология английской традиции, то речь идет вместо культур об обществах и мета-обществе; а если используется терминология дискуссий об этничности — то можно говорить об этническом и мета-этническом системных уровнях. В рамках этого сверх-организованного уровня этносы взаимодействуют посредством своих различий. Они избегают конкуренции за счет того, что вписаны в различные профессиональные и жизненные пространства и действуют на основе разных норм и ценностей. Каждому — свое.

Барт (Barth 1969) приводит сходные примеры. Помимо этого, в его случае описывается и этнический переход из одного этноса в другой, в

данном случае из *фур* в одну из групп западно-суданских арабов – *баггара*, что обуславливается новой профессиональной специализацией. Каждый этнос здесь имеет своего рода право на экономическую или экологическую нишу. Это воспринимается как законное притязание. Желаящему проникнуть в нишу нужно было сменить этничность и принять существующие условия. Таким образом, мы здесь однозначно обнаруживаем в рамках единой межэтнической системы регулятивную функцию, опосредующую этнические различия. Сходным образом мы можем рассматривать и индийскую кастовую систему в ее историческом развитии, которая, по крайней мере отчасти, возникла за счет включения различных этнических сообществ в иерархизированную межэтническую систему, в рамках которой происходили стабилизация и функционализация этнических различий. Индийская кастовая система, быть может, и не соответствует западным представлениям о свободе и равенстве и противоречит универсальным правам человека. Однако следует констатировать и то обстоятельство, что она в течение длительных периодов истории служила инструментом относительно мирной интеграции и отнюдь не всегда за счет открытого насилия.

Описание Пфафф-Чарнецкой ситуации в Непале (Pfaff-Czarnecka 2001) напоминает о наблюдениях Лича этнического многообразия и межэтнической системе коммуникации посредством различий в Горной Бирме. Непальцы искушены в чтении таких знаков. Помимо элементов костюма и украшений, которые указывают на положение семьи, этническую и кастовую принадлежность, даже домашние животные и пища их хозяев также указывают на кастовую принадлежность.

Умение распознавать знаки социального положения друг друга и обладание общей метакультурой символов подчинения и господства и эмблематикой границ все же представляет собой крайне узкую форму общности. Она, вероятно, не является большей, чем общность, возникающая между старыми врагами или привыкшими друг к другу противниками в войне. Они так же располагают общим репертуаром угроз, тактик и стратегий, изученных их соперниками, формами пропаганды и иконографией насилия, совпадающими до деталей, вплоть до читаемых с точностью до наоборот предзнаменований. Понимать друг друга не всегда означает терпеть друг друга.

В Непале типичной чертой сосуществования является не вражда или дружба, но определенная дистанция между различными группами. Иерархизированный порядок, в котором избегание символизировало не

только ранг и социальный статус, но и создавало дистанцию и позволяло избегать столкновений, сегодня ставится под вопрос низкоранговыми группами, которые пытаются с помощью общепонятной символики представить себя еще более низкостатусными, за счет чего создается образ жертвы, используемый в этнической мобилизации.³ Однако до тех пор, пока дистанция и подчеркивание различий сохраняются, кастовая система может оставаться стабильной.

Характеристики, сходные с кастовой системой, в которой интеграция происходит на основе различий, имела и система миллетов в Османской империи, которая также являлась межэтнической системой и в которую были вовлечены именно немусульманские части населения, поскольку именно они являлись важнейшим источником доходов в системе налогообложения.

Можно сделать вывод, что в некоторых частях мира существуют условия, которые отсутствуют в других и которые содействуют воспроизводству различий и гетерогенности в территориально небольших сообществах. Если посмотреть на любую карту распространения языков и диалектов, которые часто представляют собой легко наблюдаемую характеристику отдельных культур, то можно удивиться сколь многое она скрывает. Например, западную Африку от Эфиопии до юго-запада пересекает пояс сегментации, в рамках которого сосуществуют, сталкиваясь и уживаясь рядом в тесном пространстве, не только множество мелких языков, но и языков относящихся к совершенно разным языковым семьям, которые различаются друг от друга столь же значительно как немецкий и китайский. Непосредственно к северу от этого пояса находится зона распространения семито-хамитских языков, которая пересекает весь континент, а к югу располагается относительно однородная бантуязычная языковая ветвь, практически занимающая весь юг континента. Помимо этого, есть еще две зоны, в которых сосуществуют сотни языков. Почему? Этот вопрос остается мало исследованным. Социологи заняты Европой, а этнологи изучают отдельные культуры, а не их констелляции. Однако я уверен, что и здесь создание ниш и функционализация различий играют важную роль. Существуют условия, поддерживающие гетерогенность. И идеологически они вписаны столь же жестко, как и у нас в случае мульти-

³ То, что практики, существовавшие в прошлом, сегодня описываются теми, кого они затрагивают как более дискриминирующие, чем они воспринимались прежде, и что группы в целях этнической мобилизации занижают свой реальный статус, по сравнению с существовавшим исторически, подтверждается и наблюдениями над боран и габра в Эфиопии (Schlee 1994 b: 131 f., Schlee und Shongolo 1995: 15).

культурализма, где это слово употребляется в положительном смысле и означает тесное сосуществование различных культур.

Помимо этих двух моделей — вражды и интеграции через различия — я хотел бы вкратце рассмотреть еще одну. Это случай простого сосуществования, в котором нет ни первого, ни второго в сколько-нибудь выраженной форме. Здесь я основываюсь на результатах недавней докторской диссертации, выполненной Пиусом Мути (Pius Mutie) из Билефельда, исследовавшего *масеев* и *камба* в Кении и применившего в качестве метафоры для анализа ситуации одну из экологических моделей конкуренции видов, использующих один и тот же вид ресурсов, что обуславливает невозможность их сосуществования в рамках одной экологической ниши. Когда один из таких видов менее эффективен в присвоении энергии, чем другой, он выживает, а второй либо вытесняется, либо вымирает. Должны, следовательно, существовать специальные условия, ограничивающие конкуренцию, чтобы обеспечить сосуществование. В случае вышеназванных групп, по отношению к которым он применил эту биологическую модель в качестве метафоры, он установил частичное пересечение ресурсной базы, так что модель конкуренции получала некоторое обоснование, однако не вполне подходила, поскольку, с другой стороны, наблюдался ограниченный обмен. Именно модель переменного взаимодополнения приводит к полной интеграции. Одни были чуть больше крестьянами, другие — кочевниками-скотоводами. Обе группы конкурировали, поскольку и у тех и у других был крупный рогатый скот и прочее, откуда и возникало частичное пересечение используемых ресурсов. Возникавшие время от времени насильственные конфликты, однако, не превышали определенного уровня эскалации. Для этого имелись соответствующие механизмы регулирования конфликтов; люди ограничивали свои интересы и приходили к компромиссам. Иногда даже можно было наблюдать объединение этих групп против третьих сил, поскольку на национальном уровне они выступали как малые этнические сообщества, населяющие полусухие степи и обладающие сходством интересов. В итоге, это сосуществование напоминает холодную войну, поскольку отношения между *масаями* и *камба* остаются напряженными и являются источником раздражения для обеих сторон. *Масаи* полагают, что без *камба* мир был бы лучше, и то же самое думают о *масаях камба*. Войне на взаимное уничтожение мешает целый ряд обстоятельств. Происходящий от случая к случаю обмен приносит представителям обеих сторон некоторые выгоды, а при возникающем противостоянии обе стороны знают друг друга очень

хорошо и всегда имеют возможность поквитаться и отрегулировать отношения. Они занимают одинаковое положение и в отношении политики со стороны государства. Если бы одна из сторон отсутствовала, то такая ситуация несла бы не только преимущества, но и имела бы ряд существенных недостатков, которые следует учитывать. Выигрыш, в случае уничтожения соперника, настолько мал, что он не сравним с ценой войны на уничтожение. Миром правит не столько любовь, сколько иные формы длительного сосуществования. Здесь вступают в силу разнообразные комбинации этничности не только с враждебностью, но и с мирным взаимодействием. Существует, таким образом, этничность как инструмент мобилизации, есть также интеграция через этническую принадлежность, но есть и беспокойное сосуществование различных этносов. Чего следует ожидать в каждом конкретном случае — предсказать нелегко. Мы должны будем рассмотреть и установить в каждом таком случае точные интересы вождей и их последователей, а не опираться на теории, которые превозносят или поносят этнические и культурные различия как таковые. Эти различия сами по себе — всего лишь сырой материал для политической риторики. То, что из них в результате делается, вовсе не зависит от размера этих различий.

Популярные теории этнических конфликтов и столкновения культур должны быть отставлены в сторону. Вместо них следует начать с фундаментальных и по видимости банальных вопросов: кто кому противостоит в данной конфликтной конфигурации и по каким критериям самоопределяется. Религия и этничность также найдут свое место в этой теории конфликта, однако не в качестве исходных пунктов.

Проблема*

Одна из разновидностей теорий конфликта обращает свое внимание на оспариваемые в нем ресурсы. Она показывает, что за возвышенными официальными целями войны, такими как защита прав человека или политическое освобождение народа, зачастую скрываются противоречия по поводу сырьевых ресурсов и т.п. Можно написать целые книги о конфликтах, в которых каждая из глав будет посвящена войнам по поводу конкретного ресурса: глава о войне за воду, глава о нефти и т.п. Такая книга уже написана и названа *Resource Wars* (Klare 2001). Не отрицая важ-

* В разделе использованы части инаугурационной лекции и публикации Schlee 2004c (более ранний вариант на немецком: Schlee 2000; Schlee 2003c).

ности ресурсно-ориентированного экономического и экологического анализа, я хочу сместить фокус рассмотрения от объектов к субъектам насильственных конфликтов. Моей главной темой будет вопрос об идентификации и принадлежности. По каким признакам люди объединяются в группы, образуя сложные социальные структуры, по каким они отличаются друзей и врагов и по каким заключают союзы и строят коалиции. Таким образом, нашими главными понятиями становятся *идентичность* и *различие* или, банально выражаясь, мы спрашиваем, кто за кого и кто против кого.

Если рассматривать конфликты на примере европейских войн – правительственных в XVIII веке или националистических гражданских войн XIX и XX веков, то наши вопросы выглядят действительно банально. Стороны в конфликте нам известны: Россия, Франция, Англия, Австрия и Пруссия, позднее – Германия. Модель для альянсов также ясна: англичане всегда выступают за баланс сил, объединяясь со вторым по силе государством на континенте против первого по силе. Это и в те времена было не секретом, но эксплицитно сформулированной политикой. Однако такого рода войны, с началом и завершением, с полностью определенными действующими лицами и письменными договорами о союзнничестве, становятся все более редкими. Практически во всех современных вооруженных конфликтах существует, по крайней мере, один, а чаще больше, негосударственных участников, да и государства борются друг с другом зачастую не открыто и прямо, но с помощью неофициальной поддержки освободительных движений. То, что вопрос «кто против кого» не является банальным, становится ясным при рассмотрении примера Эфиопии в 1990-х гг.

Речь идет о вооруженной борьбе, вспыхнувшей в результате нового административного разделения территории юга страны (и это лишь один из множества происходивших одновременно и взаимно связанных конфликтов) по критерию этнической принадлежности, что бы под нею не понималось. С местной точки зрения, с позиции простых ополченцев, речь шла о воде и лугах и действующим лицами были племена, как их совершенно чистосердечно именовали, то есть этнические структуры среднего размера, как, например, *боран* и *гарре*. Для политических вождей *боран* представляли собой часть *оромо*, а *гарре* часть *сомали*, то есть речь шла уже о более широких этнополитических общностях и о проведении границы между Оромией и эфиопской провинцией Сомали и, разумеется, в связи с этой новой границей – о новых доходных местах и должностях.

Политические движения, в которые они объединились, включили в свои наименования помимо этнонимов еще и элементы программ: «Демократическая организация народа оромо» (Oromo People's Democratic Organisation – OPDO) или «Освободительный фронт сомали або» (Somali Abo Liberation Front). Можно было подумать, что здесь сражаются против своих извечных противников демократы. То обстоятельство, что только часть *боран* были мусульманами, в то время как *гарре* — полностью, привело к использованию последними риторики джихада. Создавалось впечатление, что здесь идет война мусульман против язычников. Те, кто не знал, что во всех случаях речь идет об одних и тех же противоречиях, могли подумать, что в регионе бушуют четыре разные войны: одна межплеменная (*боран* против *гарре*), другая — межнациональная (*оромо* против *сомали*), третья — политическая (между партиями с различными программами), и четвертая — религиозная (мусульмане против язычников). С точки зрения различных участников, эти войны действительно существовали друг рядом с другом. Какой из этих взглядов отражал реальный конфликт и какой был выражением ложного сознания? Ответ может быть получен только эмпирически: в такого рода случаях следует узнать, какие интерпретации формируют широкий конфликт в большей степени, чем иные, или их совокупное воздействие невозможно разделить, поскольку они сложно взаимодействуют друг с другом и, возможно, приводят к результатам, которые не соответствуют намерениям ни одной из сторон.

Таким образом, эмпирически на вопрос о том, как происходит размежевание в конфликтных ситуациях, не всегда оказывается легко ответить. Одновременно здесь ощущается нехватка теории. Мы слишком мало знаем о закономерностях идентификации и о том, как люди объединяются в группы, формируют союзы, которые распадаются и перегруппировываются в ситуациях конфликта. Наши прогнозы для горячих точек относительно того, кто с кем и против кого объединится, часто не сбываются. Следовательно, вопрос о логике таких идентификаций и обуславливающих их причинах не может быть отброшен как тривиальный.

Следует задуматься о том, почему такой важный вопрос часто остается без удовлетворительного ответа. Как нам представляется, процессы идентификации протекают как под влиянием расчетов стоимости и потерь, так и при воздействии социальной структуры и ее когнитивных репрезентаций. Те представители социальных наук, которые используют экономическую теорию стоимости и потерь, и те, кто изучают социальные струк-

туры и их влияние, а также силу конвенций, которая зачастую заглушает влияние расчетов выгод, обычно оказываются разными людьми. Кроме того, они по-разному думают. В этой небольшой книжке мы попытаемся внести ясность в эти вопросы за счет объединения обоих подходов.

При изучении того, как и почему люди примыкают к той или иной стороне в насильственных конфликтах, обычно называют два типа причин: один из них опирается на рассмотрение понятий и категорий. Способ, с помощью которого люди классифицируют себя и других, обычно носит систематический характер; он подчиняется определенной логике и обладает структурой правдоподобности. Одного желания быть или не быть кем-то еще недостаточно; необходим правдоподобный повод для обретения права на ту или иную идентичность и правдоподобная причина для отказа в этом праве. Если правдоподобных альтернатив нет, то человеку приходится под влиянием собственной логики или ожиданий других присоединяться к определенной стороне в схватке.

Другой тип причин касается преимуществ и потерь, которые могут возникнуть в результате подобных идентификаций и решений присоединиться к одной из сторон, то есть, иными словами, связан с подсчетом потерь и приобретений. Уместно ожидать, что оба типа рассуждений в реальности переплетены. Там, где находится место для работы с идентичностью, то есть в ситуациях, когда люди могут обдумывать собственную идентичность и менять ее, категории могут заменяться, или их объем расширяться по потребности действующих лиц. Эти потребности часто связаны с размером группы или альянса: человек часто ищет или более широкого (многочисленного) альянса или пытается ограничить присоединение других, чтобы исключить для них пользование определенными преимуществами.

Помимо причин, можно рассмотреть и последствия. Решения о выборе стороны имеют последствия как для выбирающих, так и для тех, кто в этом выборе не участвовал. В последнем случае другие выбирают за них, или выбор других оказывает на них существенное влияние. Непредвиденные последствия, разумеется, могут повлиять на дальнейшие решения.

Поскольку одну из наиболее успешных объяснительных теорий в социологии называют теорией рационального выбора, обнаружив, что нам необходима теория принятия решений, мы должны прерваться и рассмотреть, что может быть рационального в этих решениях. Рациональность используется по-разному в том, как люди объединяются в группы. Можно примкнуть к группе на основании определенных причин. Такая по-

пытка может быть отвергнута на столь же рациональных основаниях. Группа может повышать свою однородность и согласованность своих целей и стратегий за счет исключения диссидентов, или, наоборот, она может изменить свои цели и самописание для того, чтобы привлечь новых членов. Люди обсуждают групповые границы, которые они проводят, они изобретают или отбирают предков и классифицируют языки и диалекты таким образом, чтобы продемонстрировать, что проведенные границы имеют особый смысл именно при избранной их конфигурации. Мелкие единицы, образованные с помощью таких границ, являются частями больших единиц, то есть мы имеем дело с системами категорий, таксономиями.

Ни когнитивные аспекты идентификации (логика категориального включения и исключения), ни перспектива рационального выбора при анализе того, кто объединяется с кем или с чем и почему, не были сколько-нибудь полно и систематически рассмотрены в антропологии. Одной из наиболее вдохновляющих работ в этой области исполнилось уже сорок лет (Barth 1959, 1981), но с тех пор не было систематического продвижения в этой области, и многие проблемы остались неисследованными.

Фокусировка внимания на категориальной рамке идентификации и элементах выбора между разными возможностями не означает, что мы предлагаем редуцировать анализ человеческих группировок к комбинации когнитивной антропологии с рациональным выбором. В этих процессах работает сила эмоций, которая не учитывается ни в одном из названных подходов. Если мы оставим термин «идентификация» для обозначения более рационального (или когнитивного) уровня категорий и классификаций, то для эмоциональной составляющей может быть использован термин *компания* [*bonding*].

Возможности выбора, а также наличие времени и эмоциональной свободы для их рассмотрения не является естественной данностью, но скорее — привилегией. Идентификация и формирование компаний часто происходит в ситуации быстрых изменений. Нам не придется отправляться слишком далеко, чтобы обнаружить выразительные подтверждения. Недавние изменения на политической карте Африканского Рога очевидны. Но даже там, где политическая карта не изменилась, как на большинстве территорий Африки, изменилась жизнь. В 1960-е и 1970-е годы африканцы росли с уверенностью, что получение образования принесет свои плоды. Африканские государства, многие лишь недавно обретшие независимость, создавали публичный сектор и осуществляли сначала

первую, а затем и вторую «декаду развития». Многие рабочие места были заняты относительно молодыми людьми, которые блокировали найм следующего поколения выпускников школ. Развитие должно было принести рост экономики и новые рабочие места, однако в большинстве случаев оно не приняло ожидаемых формы и содержания. Для молодого поколения выбор между фермерством и работой в городе уже не существовал. Рыночные отношения и нехватка земель сделали выбор в пользу села непривлекательным, и в то же время безработица в городах стала высокой. Появились иные формы выбора — между занятостью в неформальном секторе, собственным бизнесом и криминальным миром. Провал программ развития и коррупция (которая сама по себе во многих случаях привела к краху развития) дискредитировали государство и содействовали возникновению вооруженных противников. «Калашников» стал еще одним альтернативным образом жизни. Новые типы идентификации и уз следует рассматривать на фоне депривации по отношению и к прежним обещаниям развивающегося государства и, разумеется, к новым моделям потребления, которые стали глобальными за счет новых средств массовой информации, породивших новые потребности.

Бегство, которое почти не обсуждается в этой книге, однако заслуживает хотя бы упоминания, также представляет собой реакцию на эту ситуацию. Сомалийцы эмигрируют в Канаду. *Нуэры* и *анива* из южного Судана и западной Эфиопии переселяются из лагерей беженцев в Гамбеле — в США при поддержке специальной программы ООН (Falge 2001: 26). *Оромо* стали глобальной нацией. Диаспорные сообщества оказывают влияние на политику стран выхода за счет денег и пропаганды. Интернет становится полем битвы.

Исчезновение лояльности к институтам, которые не выполнили своих обещаний, является еще одной реакцией. Недоплачиваемые государственные чиновники прибегают к коррупции и вымогательству. Они могут оставаться лояльными по отношению к тем лицам у власти, которых их защищают, но они становятся нелояльными по отношению к своим конституционным ролям. Другие присоединяются к шайкам и ополчениям, избегающим государства или борющимся с ним. Государство должно обеспечивать поддержку лояльности и наказания за нелояльность и распадается, если эта способность отсутствует. Геллнер (Gellner 1981: 93 ff.) подчеркивает важность образования и потенции, которые оно содержит для развития современного национального государства. Откажитесь от местных особенностей и лояльностей, примите общена-

циональную культуру и язык, обеспечивающий широкую коммуникацию, и вас вознаградят местом работы и шансами на улучшение жизни. Однако если это обещание не выполняется, люди обращаются к иным лояльностям.

В одном из докладов на конференции (Simons 2000) связь между упадком государства и официальной экономики с ростом иных форм зависимости была сделана вполне очевидной: «[...] чем менее государству удастся защитить или обеспечить своих граждан, тем больше людей обращаются к тем, кому они могут доверять».

Молодые мужчины должны получать социализацию в группах, которые являются достаточно сплоченными, чтобы предложить своим членам безопасность и заслужить их лояльность и доверие. Экстремальной формой таких уз является готовность к самопожертвованию. Подготовка боевика в отряде боевиков должна быть темой для исследователей, интересующихся проблемой социального, «однако, — пишет Симонс, — у нас очень мало описаний такой подготовки, может быть потому, что предполагается, что все знают, в чем она заключается, или думают, что никакой подготовки в таких случаях не требуется. Однако требуется даже большее, чем просто подготовка — что-то делается, или используется, чтобы заставить боевиков быть вместе и подчиняться приказам».

В двух недавно опубликованных статьях рассматриваются некоторые вопросы социализации боевиков. Пурнака Л. Де Сильва задает вопрос, почему тамильские тигры (LTTE) в Шри Ланка представляют собой столь эффективную военную силу. «LTTE, являющаяся очень эффективной организацией, по своим суровым стандартам, готовит закаленные в боях кадры, которые натренированы на выполнение самых отчаянных действий, включая самоубийц с бомбами» (de Silva 2002: 226). Для объяснения мобилизации такой интенсивности де Сильва указывает на набор техник, использующихся для «культивирования ненависти». Эти техники включают поддержание памяти об антитамильских жестокостях, совершенных правительством, «о пытках, изнасилованиях, убийствах и разрушении собственности» (2002: 227). Заявления публичных лидеров со стороны сингалов также используются для той же цели. Мечь и ответная мечь приводят к воспроизводству конфликта.

Мэри Кенни (Mary Kenney 2002) предлагает сходный анализ народной истории в поддержании конфликта между католиками и протестантами в Северной Ирландии. Добровольные ассоциации, которые осуществляют социализацию молодых ирландцев в конфликт, можно сравнить с секрет-

ными обществами, возрастными союзами и другими подобными организационными формами мужских объединений в Африке.

Эмоции особенно связаны с минимальными различиями. Нас не заботит уважение людей, которые находятся очень далеко и не оказывают на нас влияния. Если нас предаёт некто, к кому мы никогда не испытывали доверия, это считается мягкой формой предательства. Именно близость создает почву для сильных эмоций и приводит к быстрой эскалации уровня насилия. Существуют параллели этому и в обыденной жизни: полиция осведомлена об опасностях близости — когда убит один из супругов, разве не становится первым подозреваемым муж или жена?

Мой собственный взгляд, предлагаемый в этой книге, можно критиковать как слишком рациональный. Я могу отклонить эту критику, сославшись на то обстоятельство, что я рассмотрел «ненависть» в другой своей работе (Schlee 2002), однако следует все же признать, что я уделяю рациональности большее внимание и испытываю относительные затруднения при анализе эмоций. Здесь достаточно сказать, что я учитываю существование эмоциональных факторов и приветствую работу по их анализу, считая ее существенной для анализа конфликтов. Что касается меня, то я попытаюсь проанализировать многие аспекты идентификации в конфликтных ситуациях, которые остаются открытыми для рационалистических объяснений и которые остаются недостаточно изученными. Что же должно следовать за тем, когда индивидуальные рациональности, лежащие в основе индивидуальных идентификаций и союзов-компаний объяснены? Очевидным ответом является исследование взаимодействия между процессами, протекающими на индивидуальном уровне, и поведением больших совокупностей людей; другими словами, проблема соотношения микро- и макро-уровней, по сей день остающаяся наиболее сложной в социальных науках.

Если обратиться за помощью к политической науке, то мы обнаружим, что в ней разработаны более совершенные, чем в современной антропологии, приемы моделирования (хотя, спешу заметить, что у антропологии есть преимущества в других отношениях — в ней собираются более разнообразные первичные данные, и отношение к ним здесь более скептическое; иными словами, я не намерен проповедовать политологию тем читателям, которые являются антропологами). Однако антропологи не могут просто использовать модели политической науки в отношении собственных данных, поскольку политологи имеют дело с миром государств,

то есть их базовые единицы анализа разделяют ряд существенных характеристик. Антропологи же описывают сложный комплекс индивидуальных и коллективных субъектов действия; некоторые из них могут быть и государствами, но большинство ими не является. Даже если не удастся импортировать политологические модели целиком, они могут быть источником вдохновения. Очевидно, что политологи также сталкиваются с проблемой «микро — макро». Война или ее угроза заставляет людей решить, кто и почему станет их союзниками и их врагами, поэтому я возьму примеры из книги о войне.

В своем обзоре теорий конфликта политолог Кэшман (Cashman 1993) начинает с теорий, адресующихся к уровню индивида (уровень 1). Они сосредоточены на рассмотрении характеристик личности и психологической истории лидеров (психологические интерпретации целых «наций» как и исследования национального характера вышли из употребления среди политологов, как и повсюду). Политические убеждения лидеров исследуются с помощью контент-анализа, а его результаты интерпретируются в свете таких психологических теорий как, например, избегание когнитивного диссонанса. На втором, более высоком уровне (уровень 2), рассматривается принятие решений в правительстве, организациях и группах. Обсуждается «модель рационального деятеля», которая противопоставляется модели «бюрократической политики» (в ней правительственные решения рассматриваются как результат взаимодействия интересов и восприятий различных подразделений-суборганизаций). Эти решения могут оказаться далекими от оптимальных с позиций общего интереса. Восприятие находится под влиянием так называемого «группового мышления», конформизма. Взаимодействия между государствами рассматриваются как еще более высокий уровень (уровень 3). Модели типа «стимул — реакция», используемые при моделировании эскалации, гонки вооружений и формирования доверия (Модулированные и ответные инициативы при сокращении напряженности — Graduated and Reciprocated Initiatives in Tension Reduction, GRIT), теории игр и сдерживания используются именно на этом уровне. Теория игр описывает преимущества, которые могут быть получены за счет других игроков и стратегии минимизации этих преимуществ для формирования доверия. Теория сдерживания исследует правдоподобность угроз и их влияние на ответы противника. Обе являются теориями рационального выбора, общей посылкой которых выступает представление о государствах как о рациональных субъектах действия.

Здесь существуют потенциальные противоречия, которые Кэшман осознает. Если на уровне 1 нам говорят, что политические лидеры формируются под влиянием их психологических историй и что, следовательно, они не вполне рациональны, а на уровне 2, что то, что они думают, не так уж и важно, поскольку решения предопределяются организационными интересами или наиндивидуальным групповым мышлением, которое тоже не вполне рационально, то возврат на уровне 3, где взаимодействуют государства, к моделям рационального действия выглядит проблематичным. Есть и иные проблемы согласованности при перемещении от уровня к уровню. Не все, что открывается на одном из уровней, может быть инкорпорировано на следующих более высоких уровнях, поскольку это делает теоретические объяснения слишком сложными. Мы вынуждены постоянно прибегать к разного рода обобщениям и озарениям, чтобы уменьшить эту сложность.

Я с симпатией отношусь к политологам, поскольку сталкиваюсь с аналогичными проблемами при попытках переноса находок, сделанных на одном уровне — на другой. Мне хотелось бы знать, насколько дискурсы, формируемые интеллектуалами, отражают и насколько формируют социальные идентичности. Хотелось бы также знать, как индивидуальный опыт трансформируется на уровне коллективных идентичностей в моральные оценки, и до какой степени сформированные идентичности влияют на индивидуальный опыт. В Северо-Восточной Африке распространено много сплетен о личных отношениях между разными лидерами. Переводятся ли эти отношения в политику? И если да, то насколько? Или наоборот, может быть лидеры являются заложниками своих ролей, независимых от их персональных симпатий и антипатий? И если это так, то до какой степени? И если коллективные решения не являются векторной суммой индивидуальных, то что они собой представляют?

Необходимо проделать массу эмпирически обоснованного теоретизирования прежде, чем мы получим возможность ответить на эти вопросы. Я не знаю, чем закончится этот поиск, но я знаю, с чего следует начать и что делать далее: в следующие главы в несколько шагов будет рассмотрен вопрос как размер группы влияет на идентификационные стратегии включения и исключения. За систематическим очерком проблемы (своего рода «размерной теории идентификации») последует анализ риторики при наборе сторонников, вдохновленный теорией действия («необходимость стратегий включения и исключения»). В этом разделе сначала описывается простая модель (модель геноцида или «победитель берет все»), а

затем сложные случаи, когда проигравшие могут быть инкорпорированы в группу победителей и различия между первыми и вторыми размыты. В следующем разделе будет рассмотрен концептуальный инструментарий исключения и включения. Экономические рационализации, часто принимаемые за причину политики идентичности и вообще всей политики, разбираются в разделе «О социологизации экономики и экономизации социологии». Затем критически обсуждается теория, в которой значительно преувеличивается роль свободного выбора (анализ Элверта «Рынки насилия»). Ставится вопрос, в какой степени социальные структуры управляют решениями по видимости свободных предрержателей власти. В заключение делается вывод, что нам необходим новый синтез экономической и социологической перспектив, поскольку с современным положением, когда существуют два типа рассуждений, осуществляемых двумя разными школами, между которыми практически отсутствует коммуникация, мириться уже нельзя.

*Теория принятия решений и идентификация**

Рискуя впасть в сверхформализацию, можно попытаться систематизировать перечисленные выше вопросы в единой форме теоретической рамке. Необходимо будет различать три взаимосвязанных области, или уровня – А, В и С.

А. Социальные структуры и их когнитивные репрезентации: семантические поля понятий идентификации

Люди идентифицируют себя и других, используя такие критерии, как язык, религия, происхождение и другие измерения идентификации. Концепты идентичности из разных областей, например этнонимы, наименования языков и религиозных сообществ, не являются изолированными словами, но образуют семантические поля. Они являются частями таксономий и определяются системой сходств и различий (контрастов и эквивалентностей) друг с другом.

Социальные идентичности нельзя сконструировать произвольно, поскольку они должны быть приемлемыми для других. Диапазон, в рамках которого идентичностями можно манипулировать и можно менять их, ограничен системной логикой этих семантических областей и социальными конвенциями.

* В разделе используются материалы опубликованных работ: Schlee 2004c; Schlee 2003d.

В. Политика включения и исключения

В рамках регистра возможностей идентификации особого внимания заслуживает размер групп или категорий, связанных с альтернативными концептами идентичности. Человек может выбирать более широкие или более узкие идентичности в рамках одного измерения (например, в рамках лингвистического измерения возможен выбор между панславистской идентичностью и более узкой – хорватской; в рамках религиозного измерения – христианской и более узкой деноминацией и т.п.). Можно выбирать и между различными измерениями (например, между основанным на языковой принадлежности этнонационализмом и религиозной идентификацией, если последняя предлагает более широкий альянс или исключает нежелательные группы).⁴

Размер группы может быть лишь грубым приближением к оценке силы, которая часто и составляет реальное измерение. Не все союзники рассматриваются как равные. Расчеты размера могут сопровождаться учетом экономической власти, способности к организации, величиной культурного престижа и военной силы.

На уровне более крупных групп и их взаимодействий лишь часть членов таких групп оказывается активно вовлеченной в дискурс идентичности. Еще меньшая их часть является виртуозами манипуляции идентичностью, которым удается намеренно расширять или сокращать групповое членство и межгрупповые альянсы. Следует, таким образом, различать людей меняющих идентичность от тех, кто подвержен ее изменениям.

С. Экономике размера группы и социального положения

Более узкие и широкие идентификации и идентификации, которые предполагают дифференцированный доступ к власти и престижу, следует анализировать в терминах затрат и выгод для тех, кто принимает соответствующие решения и для тех, на кого эти решения влияют. Если говорить о размере, то широкий альянс может быть выгоден при получении преимуществ, но более узкие определения «своих» часто предпочитают, когда речь идет о дележе полученных преимуществ.

Одна из теорем, относящихся к предмету экономики размера группы, известна под именем “crowding” (столпотворение). Хечтер (Hechter 1987) с помощью следующего примера пояснил, что он подразумевает под введенным им понятием crowding: вообразите себе загородный гольф-клуб.

4 Этот процесс часто называется переключением кодов ('switching' у Elwert'a 2002).

Высокая численность членов такого клуба сокращает стоимость его для каждого и позволяет понизить индивидуальные взносы без снижения затрат и уровня удобств. Однако если возникает «столпотворение», сокращается время, когда поля свободны и людям приходится ждать игры в очереди. Обслуживание в самом клубе тоже занимает больше времени, становится шумнее и атмосфера накаляется. И члены клуба начинают задавать вопрос, не лучше ли оставить этот удобный и недорогой клуб и присоединиться к эксклюзивному, с более высокими взносами.

Исходный пункт распределения стоимости благоприятствует большим группам до тех пор, пока они не достигают точки «столпотворения». Если же речь идет об использовании какого-нибудь сооружения, то люди склонны делить его с меньшим количеством других, чтобы досталось больше благ каждому. Чтобы прояснить эту связь рассмотрим вместо гольф-клуба менее приятную ситуацию с организацией шайки разбойников.

Такая шайка должна быть достаточно большой, чтобы подавлять жертв нападения, защищать собственную территорию и добычу от других подобных банд и противостоять жандармам. Если она для этого недостаточно велика, то она объединяется с другими шайками или вербует себе новых членов из числа менее состоятельных крестьянских сыновей. Но как только она достигает необходимых размеров, у ее членов при приеме новых возникают сомнения, поскольку это означает, что добычу нужно делить между большим числом участников, чем их достаточно для ее обречения. Делаются попытки укрыть часть добычи или не отдавать ее. Возникают раздоры, ведущие к распаду шайки (сокращению ее размера) или к войне между бандами (сокращению общего количества бандитов). В ход идет и предательство, когда часть банды «сдают» жандармам.

К вопросу о «разделе добычи» мы еще вернемся как к теоретической проблеме в связи с рассмотрением теории Макиавелли. Мы видим, что обе теоремы — «раздела добычи» и «столпотворения» — очень похожи, до таких деталей, что при разделе каждый получает свою долю, а при «столпотворении» речь идет о дележе использования.

Идентификация с большой или малой группой, поиски широкого или узкого альянса выглядят в свете этих теорем как сознательные решения. Импликации размера группы и потенциальных выгод самоочевидны, и стратегии идентификации приспособляются к этим ожиданиям, то есть они преследуют определенные цели. Затраты и прибыли здесь выступают причинами идентификаций. Существуют, однако, случаи, когда люди разделяют или приписывают идентификации по причинам внеэкономич-

ческого характера или просто не имеют выбора. В таких случаях затраты и прибыли выступают как непреднамеренные следствия идентификаций. Эта двойственность и означает, что взаимосвязь между С (экономикой размера группы) и В (политикой включения и исключения) должна быть изучена подробнее. Нельзя утверждать, что существует строгая детерминация по линии С – В.

В этой книге я не буду рассматривать по порядку от А к В и С, но стану развивать обсуждение, ссылаясь на тексты и описания конкретных случаев, которые могут потребовать привлечения более чем одного из этих уровней и обсуждение которых может потребовать дополнительных вопросов. Один из таких вопросов заключается в том, как производить подсчет выигрышей и потерь в ситуации, где единицами наблюдения являются группы, состав которых изменяется.⁵ Позднее я приведу критику некоторой теории свободных рациональных решений, избыточно используемой для объяснения разных форм рекрутирования в группы. Против такой позиции (подчеркивающей уровень С) можно возразить, что следует учитывать и место тех, кто принимает решения в рамках данных идентичностей (уровень В) и логику семантических полей, в границах которых они оперируют (уровень А). Все это может ограничивать их опции для выбора.

Необходимость стратегий включения и исключения

Согласно Макиавелли (*Discourses II*, § 8), существует два типа войны. Одна из них обусловлена амбициями правителя, желающего повелевать над новыми областями; другая ведется всем населением одной области против всего населения другой, когда «[...] целый народ со всеми своими семьями оставляет место, в силу голода или войны и отправляется на поиски нового дома и новой страны, в которой можно жить. В этом случае, не как в предыдущем, приходят, чтобы править, но чтобы захватить каждую вещь и изгнать или уничтожить прежних насельников» (Machiavelli 1975: I, 378). Такие войны, характеризующиеся отсутствием шансов на вы-

⁵ Расчеты выгод и потерь в связи с идентификацией во время насильственных конфликтов представляет собой сложную проблему. Как их, например, оценить при расчете баланса войны, если этническая группа победителей в итоге конфликта поглотила своих соперников? А так происходит нередко: в некоторых регионах Африки отмечают исчезновение групп в случаях, когда они так численно малы, что не в состоянии себя эффективно защищать, и тогда они либо формируют с другими подобными группами-осколками новый альянс, или просто присоединяются к группе противника, то есть к своим врагам (Turton 1994). Таким образом, они в итоге получают, иногда только косвенно, выгоды, которыми прежде обладали только их враги. В этих случаях аналитик, пытающийся составить баланс выигрышей и проигрышей с обеих сторон сталкивается со сложной задачей разбора запутанных связей.

живание, описываются Макиавелли как особо жестокие, и сегодня мы называем их геноцидом. Примерами для Макиавелли служат галлы, кимбры и тевтоны, размножившиеся в своих холодных и неплодородных землях до количеств, превосходящих то, что сегодня называется несущей способностью этих областей, и вторгшихся в Италию, чтобы отнять ее у римлян. Они сделали это не с целью властвования над римлянами, но с целью их уничтожения и изъятия их земель. По крайней мере, так считал Макиавелли.

Если бы галлам удалось захватить Италию, они бы опустошили ее, убив всех прежних ее жителей, и присвоили бы все ее естественные ресурсы. С точки зрения историка — это сомнительно. Более поздние захватчики из холодных земель (также упоминаемые Макиавелли), например, вандалы, не уничтожили местного населения, хотя и имели военный успех. Эта модель геноцида, сколь бы мрачной и редко подтверждаемой историческими свидетельствами она ни была, имеет преимущество простоты. Мы можем с ее помощью игнорировать разные осложнения, когда победителям приходится кормить побежденных или давать им займы на реконструкцию.

Рассмотрим сначала модель, в которой группа завоевателей, которую мы будем называть галлами, состоящая из определенного числа людей (p — для обозначения населения/*population*), покоряет страну, которую мы будем называть Италией (“ I ” в качестве аббревиатуры). Галлы полностью присваивают все ресурсы этой страны, не делясь с другими народами. Будем считать, что галлы придерживаются эгалитарных ценностей. Тогда следует ожидать, что каждый отдельный галл получит I/p в качестве трофеев, и что Италия будет, таким образом, поровну разделена между завоевателями. Если предполагать у них существование князей (“*principes*”), получающих первую или львиную долю трофеев, то распределение их не будет равным, но в среднем каждый отдельный галл все равно получит I/p .

Как мы знаем, настоящие галлы никогда не захватывали Италию. Древние источники Макиавелли сообщают, что римляне убили около 200 тысяч из них между Пьомбино и Пизой. Очевидно, что галлы не были достаточно сильны. Возможно, им нужно было заключить союз с другими северными варварами, чтобы иметь достаточно сил для покорения Италии и уничтожения ее населения. Однако союзники потребовали бы своей доли трофеев. Если опять принять условия равенства, на этот раз равенства между союзными этническими группами, то каждый индивид по-

лучил бы уже не I/p в качестве трофеев, но только $I/(p + p_1 + p_2)$. Чем больше число завоевателей, тем меньше доля трофеев у каждого.

Ясно, что в модели такого рода оптимальным числом завоевателей будет такое, которое минимально достаточно для завоевания. При оптимизации своего числа завоеватели могли бы пожелать определенного уровня безопасности по отношению к необходимой минимальной силе, чтобы избежать превратностей военной фортуны и обезопасить себя от возвратной волны геноцида. Но за пределами этого дополнительные союзники избыточны, надоедливы и дороги.

На примере парламентской политики эту теорему рассмотрел и развил Вильям Рикер (William Riker 1962), обозначив ее как «минимальную побеждающую коалицию» (“minimal winning coalition”). Политик, желающий основать коалицию, должен обеспечить поддержку 51% голосов или, для надежности, парой процентов больше, поскольку кто-нибудь до голосования может подхватить грипп. Создавать без необходимости большую коалицию означает отдавать министерские посты маклерам, распоряжающимся пакетами голосов, чего при голосованиях стремятся избегать.

Принцип “minimal winning coalition” можно использовать не только в войнах и политике, но и в экономике. Предприниматель должен поразмыслить, сколько партнеров ему необходимо. Если он оценивает риск как умеренный, и успех вероятен, то он пытается максимизировать свою долю в капитале. С точки зрения менеджера, также следует увеличивать влияние управляемым им организационным подразделением, чтобы как можно меньше отдавать от прибыли.

Если существует необходимость оптимизации числа соратников (в буквальном и фигуральном смысле) необходимо обеспечить возможность сокращения или увеличения их численности согласно потребностям. Это означает, что требуются социальные и идеологические механизмы включения и исключения. Риторика включения типа «мы все — северные варвары и разделяем общие ценности» будет необходимой для увеличения численности против сильного соперника. Исключение типа «вы не настоящие варвары» подойдет для сокращения числа союзников, когда необходимый размер уже достигнут. Иными словами, мы разработали теорию принятия решений для объяснения формирования альянсов, хотя она и остается весьма элементарной, поскольку не учитывает ряд простых вопросов, например, кто принимает эти решения (вопрос об индивидуальной или коллективной деятельности) и какова рамка, относительно которой произво-

дится анализ потерь и прибылей, который используется при принятии этих решений. Идет ли речь об индивидуальной выгоде, или здесь играет роль групповая идентификация? И, наконец, должны ли мы различать расчеты лидеров и последователей? По мере развития нашей теории все эти усложнения должны быть включены в нашу упрощенную модель.

До сих пор мы рассматривали исключительно атакующую сторону. Но мы можем обнаружить сходные расчеты и со стороны защищающихся. При внешней угрозе они готовы включить в свои ряды чужаков, однако если они включают их слишком много, это создаст слишком сильное давление на их ресурсы. За счет этого они смогут избежать военного поражения и уничтожения, однако им придется столкнуться с экономическим упадком и даже демографическим упадком численности группы, составлявшей ядро. Теперь их друзья, а не враги, станут потреблять их ресурсы, однако ресурсы все равно будут исчезать. Таким образом, способность регулировать численность собственной группы равно выгодна для групп и альянсов, которые пытаются защитить себя от нападения.

Таким образом, становится вероятным, что в ситуациях относительной слабости, когда осуществление притязаний на ресурсы находится под угрозой, возникают попытки конструирования широко охватывающих сходств и открытия границ собственной группы для прибывающих; строятся коалиции, в которых обнаруживаются общие интересы с другими группами, а различия с такого рода группами начинают представляться незначительными, либо отрицаются, и подчеркивается их принадлежность к единой более крупной группе.

Примером может служить панславянская риторика и подчеркивание общего православного наследия со стороны сербов в 1990-е годы, когда они хотели заручиться поддержкой России в вооруженном конфликте.

Столь же приемлемым выглядит предположение, что в ситуации относительной силы и безопасного доступа к ресурсам группа закрывает свои границы и отвергает более широкие идентификации.

Здесь нам также не придется покидать экс-Югославии, чтобы найти подходящий пример. Рассмотрение отделения словенцев может привести к выводу, что сильнейшая в экономическом отношении часть страны не захотела делиться доходами с остальными республиками. Расчеты, стоящие в основе дискурсов включения и исключения, уже были мною подробно рассмотрены. Здесь я хотел бы еще раз коротко вернуться к рассуждениям предшествующего раздела, в которых были представлены измерения социальной идентичности.

Как панславянский дискурс сербов, так и словенский партикуляризм находятся в рамках одного измерения — языково-этнического. Сербы в своем обращении к русским взывали к общим характеристикам в большом; словенцы подчеркивали особенности в малом.

Схема 1. Таксономия славянских языков

Славянские языки											
Восточно-славянские			Западно-славянские					Южно-славянские			
русский	украинский	белорусский	чешский	словацкий	сорбский	польский	кашубский	словенский	сербохорватский	болгарский	македонский

Классификация славянских языков по энциклопедии Брокгауза. Если права Ирена Вебер (личное сообщение), и самым близким словенскому языку является словацкий, то эта схема неверна: здесь словенский и словацкий принадлежат разным ветвям. Но мы не намереваемся обсуждать верность схемы, а пытаемся прояснить, чем является таксономия и как она может менять дискурс идентичности. В рамках этой таксономии человек может выбрать тот или иной уровень (и, тем самым, степень включения), или он же может отставить в сторону всю таксономию и прибегнуть к услугам совсем иной, например, религиозной. Тогда вместо «славянский» стояло бы, например, «христианские», вместо «западно-славянские» — «католические, протестантские, православные», а на самом низшем уровне — «методистские», «старообрядческие» и т.п.

Боснийские мусульмане, напротив, поступили бы неверно, если бы пошли по пути подчеркивания различий в речевом употреблении и местных обычаях. Они избрали другую основу солидарности — религиозную, возвав к распространенной по всему миру мусульманской умме. Несколько прибывших из Саудовской Аравии боевиков удивились, как мало знаний об исламе и вероисповедной практики осталось у этих мнимых братьев по вере, проживавших в светской среде.

Относительно фактора размера, следовательно, можно ввести одну модификацию: взывают обычно к более крупным и более мелким единицам одного вида, то есть в рамках одной таксономии меняются родовые и подвидовые понятия. Альтернативой является обращение к другой таксономии и другому измерению идентичности.

Расчеты выгод и потерь (расходов и доходов) усложняются, если мы оставляем модель геноцида, в которой выживают лишь победители (гипоте-

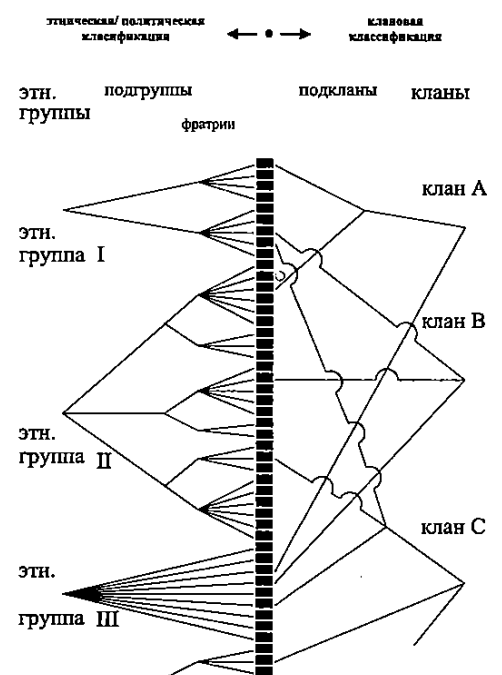
тическая модель Макиавелли) и рассматриваем продолжающиеся отношения между победителями и побежденными после войны или набега. Такие ситуации мы рассматриваем на примерах южной Эфиопии и северной Кении. Здесь сами этнические группы могут рассматриваться как относительно поздние политические и военные формирования, состоящие из кланов и их фрагментов, которые зачастую оказываются более древними.

Часто один и тот же клан обнаруживается в составе разных этнических групп (Schlee 1994a [1989]). На протяжении всей своей истории часть этого региона — нижняя часть долины реки Омо — находилась на значительном удалении от любого правительственного контроля, характеризовалась частыми войнами и относительно малым размером внутренне мирных групп, враждебных по отношению к внешнему миру. Для этой части долины р. Омо было показано, что здешние «этнические» или «политические» группы состоят из семей и кланов, традиции которых указывают на то, что они происходят из иных, уже более не существующих этнических групп и конфигураций. Фрагменты исчезнувших этнических групп, сформировали новые группы, включающие по несколько тысяч человек (Turton 1994).⁶

Хотя от членов этих групп можно услышать самые разные соображения о причинах войн — от требований ритуала до набегов ради скота, — можно доказать, что в основе соперничества лежит контроль над природными ресурсами. Голод здесь знаком столь же хорошо, как и времена изобилия. Оспариваемые ресурсы, как, например, определенный колодец и прилегающее к нему пастбище, могут не играть особой роли во времена изобилия, но становятся вопросом выживания в тех случаях, когда затраты энергии на защиту какого-нибудь другого пастбища достигают критического уровня. Таким образом, эти группы соответствуют описанию Макиавелли лю-

Рис. 1: Двойная таксономия

Схема межэтнических и клановых отношений

⁶ Похожая ситуация обнаруживается в Меланезии. В описании Харрисом *манембу* из региона Сепик деревни замещают политические группы Тертона. Они представляют собой комбинации и рекомбинации фрагментов кланов, которые существуют независимо от составляемых ими больших объединений (Harrison 1993: 46).

дей, которые борются за одни и те же ресурсы на уровне выживания. Макиавелли наверняка бы предположил, что войны между этими группами носят характер геноцида.

Однако это предположение не подтверждается материалами из южной Эфиопии и северной Кении. Тотальный геноцид или массовые изгнания здесь документально не подтверждаются. Вместо этого, преобладающей моделью, как представляется, является перегруппировка альянсов и интеграция побежденных. Хотя в других частях Африки и мира мы действительно сталкиваемся с войнами геноцидного характера.⁷ Факторы, приводящие к такому уровню эскалации, будут рассмотрены ниже. Представляется что высокая плотность населения, практикующего земледелие, является существенным фактором такого насилия.

Независимо от того, принимает ли разгром врага форму геноцида или нет, мы обнаруживаем даже в рамках тех же производственных отношений скотоводов-кочевников и при тех же экологических условиях репертуар стратегий включения и исключения, соответствующий набору наших исходных посылок. Например, *рендилле* и *сомали*, которые выпасают верблюдов в соседних и даже частично пересекающихся территориях, обладают совершенно разными техниками производства и организации, связанными с взаимоисключающими идеологиями, которые как раз и обосновывают включение и исключение.

Рендилле разводят породу небольших и нетребовательных верблюдов, которых поят через большие промежутки времени, поскольку считается, что частое питье ослабляет животных. Они практически не лечат заболевших верблюдов. От людей тоже ожидают большой выносливости. Пастухи на верблюжьих стоянках живут исключительно на молоке и крови, что представляет собой весьма тяжелую пищу, однако они не жалуются на жажду, несмотря на то, что они находятся практически постоянно в состоянии легкого обезвоживания. Если им привозят воду, то они обменивают молоко на воду в соотношении 1:1. *Рендилле* откладывают браки дочерей в одном из возрастных классов и используют другие практики, которые интерпретируются как демографически сдерживающие механизмы.⁸ Они дискриминируют чужаков и друг друга. Когда они иногда интегрируют пришельцев, их потомков третируют за происхождение даже че-

⁷ Многие из такого рода геноцидов не соответствуют современному определению войны как конфликта между организованными группами со смертоносным вооружением. Жертвами являются невооруженные гражданские лица. Но и атакующая сторона может представлять собой неорганизованную гражданскую толпу, вооруженную сельскохозяйственными орудиями.

⁸ Spencer 1973:35, 143

рез 200 лет после включения их предков. Для их общества характерна постоянная тенденция к расколам. Получить доступ к обществу *рендилле* трудно, а выйти из его состава легко. Все это выглядит как форма самоограничения для сохранения среды. *Рендилле* остаются небольшим сообществом, которое сохраняет свой небольшой размер и адаптируется к ограниченными ресурсам.

В противоположность этому *сомали* содержат, быть может, самых крупных верблюдов в мире. *Рендилле* сравнивают этих верблюдов со слонами. Эти верблюды так же могут не пить длительное время, однако если нет такой необходимости, сомали позволяют пить своим верблюдам так часто, как они хотят. Их ветеринарное искусство высоко развито. Они вступают в браки рано и имеют много детей. Они готовы интегрировать чужаков, если те переходят в ислам; пришельцы ассимилируются без следа. Это выглядит как стратегия экспансии. Они используют природные ресурсы вне всяких ограничений и перемещаются на новые пастбища, как только старые истощаются. Делать это им позволяет их численная и военная мощь (Schlee 1988).

Факт, что эти две столь разные формы адаптации к идентичным экологическим условиям существуют рядом друг с другом, является пощечиной для любой формы экологического детерминизма. Вместо детерминации социальных практик, экология предоставляет широкие рамки для различных моделей адаптации.

В случае *рендилле* и *сомали* баланс расхода энергии в обеих системах представляется равным. Низкие потребление и расход энергии у *рендилле* и высокие — у *сомали* имеют примерно одинаковый результат. Если бы этого не было, одна из этих систем уже бы давно перестала существовать. Проблема становится сложнее, если к вопросу существования мы добавляем вопрос взаимодействия. Консервативная форма использования ресурсов может существовать только рядом с другой консервативной формой производства. В тех случаях, когда ресурсы, сберегаемые на будущее одной группой пользователей, немедленно потребляются их соседями, чья стратегия не является столь долгосрочной, появляется множество проблем. Такая ситуация описана в ключевой фразе Хардина «трагедия общинных земель» (Hardin 1968), а также проанализирована с точки зрения теории игр, в особенности, с позиций т.н. «дилеммы пленника», поскольку именно такая ситуация приводит к соглашениям, которые приводят в краткосрочной перспективе к максимальному выигрышу тех, кто их первым нарушает. В силу этого такие соглашения требуют твердых

контрактных и институциональных гарантий и являются излюбленным объектом рассмотрения в новой институциональной экономике (ср. Anderson & Simmons (ред.) 1993).

Эти краткие заметки должны показать, что стратегии включения и исключения осуществляются группами не в изоляции, а во взаимодействии с соответствующими стратегиями их соседей. Таким образом, подходящей единицей для антропологической монографии является не этническая группа или племя, но, скорее, регион.

Сами *рендилле* хорошо об этом осведомлены. Когда их спрашивают, почему они отменили некоторые правила, действовавшие в их системе возрастных групп как сдерживающий демографический механизм, они отвечают, что их соседи — *туркана* умножаются, не взирая на обстоятельства, и что они не хотят, чтобы те вытеснили их. Таким образом, демографическому давлению противопоставляется демографическое давление, а стратегии оптимизации оставлены в пользу стратегий максимизации; детей выращивают для будущих войн, что уже давно было известно в европейских нациях-государствах под именем натализм⁹.

Эти соображения демонстрируют, что манипулирование размерами собственной группы или альянса имеет стратегическое значение. Сохранение малого размера или его сокращение при определенных условиях является столь же успешным стратегическим выбором, как рост и укрепление альянсов — при иных условиях, хотя последнее чаще приходит в голову. В преследовании этих целей используются не только биологические стратегии (производство скота и демографический рост людских сообществ), но и различные формы включения и исключения взрослых.

Для тех, кто не проводил исследований кочевников-скотоводов в восточной Африке, а занимался современными индустриальными обществами, эти соображения представляют интерес, если их перенести с биотических на небитотические системы производства. Успешная политика идентификации среди восточно-африканских скотоводов, как представляется, имела прямые следствия для роста биомассы их скота и демографического роста. В современном контексте существуют сходные стратегии включения и исключения, однако цель игры устанавливается труднее. Не выражая соболезнований по поводу краха примитивизма, можно все же сказать, что антропология иногда поставляет более простые случаи для моделирования.

⁹ Была ли эта стратегия успешной остается вопросом. Сколько-нибудь значимых последствий наталистские программы не имели. Я благодарю за это замечание Г. Элверта (G. Elwert).

**Концептуальный инструментарий включения и исключения:
социальные категории и их переплетение***

Ниже будут рассмотрены категории, применяемые в стратегиях включения и исключения. В процессе изложения очевидным станет их ситуационный и поддающийся манипуляциям характер, как и яснее станут логика и правдоподобность социальных категорий и таксономий, которые устанавливают пределы для произвола и манипуляций. В работе идентификации, то есть в присвоении, развитии и оспаривании социальных идентичностей, структура и действие сталкиваются друг с другом. Текущий принцип действия деформирует твердый принцип – структуру, или ломается об нее.

В целях демонстрации до сих пор полагалось, что группы определяют коллективные цели и действуют коллективно для их достижения. В реальности это остается сильным упрощением. При ближайшем рассмотрении оказывается, что обращенная к теории действия сторона всегда касается индивидуальных акторов или векторной суммы их действий и не может иметь коллектив в качестве исходной точки. Мы должны переадресовать некоторые вопросы, которые до сих пор оставляли в стороне для того, чтобы излишне не усложнять наши модели. Среди этих вопросов – вопрос о субъекте решений и о рамке анализа затрат и выигрышей.

Сначала обратимся к рассмотрению категорий, применяемых в стратегиях включения и исключения. Социальные группы и категории всегда называют в связи с более или менее реальными или более или менее фиктивными характеристиками групп. Например, мы можем различать локальные группы, языковые группы, группы происхождения (*descent groups* – десцентные группы) и т.д., и каждый из этих типов, определяемый на основе особых наборов характеристик, будет иметь множество подтипов. Например, в случае десцентных систем мы можем выделять разные формы линейности – такие как двойная унилинейность (сосуществование патри- и матрилинейного счета). Когда одна из форм филиации преобладает, другая может трактоваться как дополнительная форма филиации. Сходные явления обнаруживаются и при рассмотрении локальных, языковых и других форм классификации. Коротко говоря, каждый тип идентификации открывает широкий репертуар возможных кате-

* В разделе использованы материалы из публикаций: Schlee 2004c, Schlee 2000 и инаугурационной лекции в университете Halle (2004).

горизаций, которые могут множественными способами пересекаться друг с другом.

Чтобы иметь возможность анализа идентичности и различий в такой сложной ситуации, мы должны сначала исследовать поле понятий, в котором самоопределяются субъекты действия. Поскольку здесь речь пойдет о языке и о знании, закодированном с помощью языковых средств, некоторая близость лингвистике становится неизбежной, и я хочу начать с одного лингвистического различения, которое большинству из вас знакомо, а именно — между парадигматикой и синтагматикой.

«Синтагматический» имеет отношение к синтаксису, учению о предложениях. Рассмотрим один из часто приводимых примеров (я выбрал близкий к исследованиям конфликтов, поскольку речь идет о великом полководце!).

Наполеону требовалось мало сна.

Порядок чтения — слева направо, и на этой горизонтали мы обнаруживаем следующие один за другим члены предложения — подлежащее, сказуемое и дополнение, которые дополняют друг друга и поэтому появляются одновременно. Парадигматическое измерение возникает тогда, когда мы заменяем один из членов предложения на другой с иным содержанием, например, заменяем имя полководца.

Веллингтону

Наполеону требовалось мало сна.

Блюхеру

Мы можем, разумеется, точно таким же образом заменять и дополнение, получая за счет этого интересную матрицу, которую мы можем читать в разных направлениях (по диагоналям и прямо).

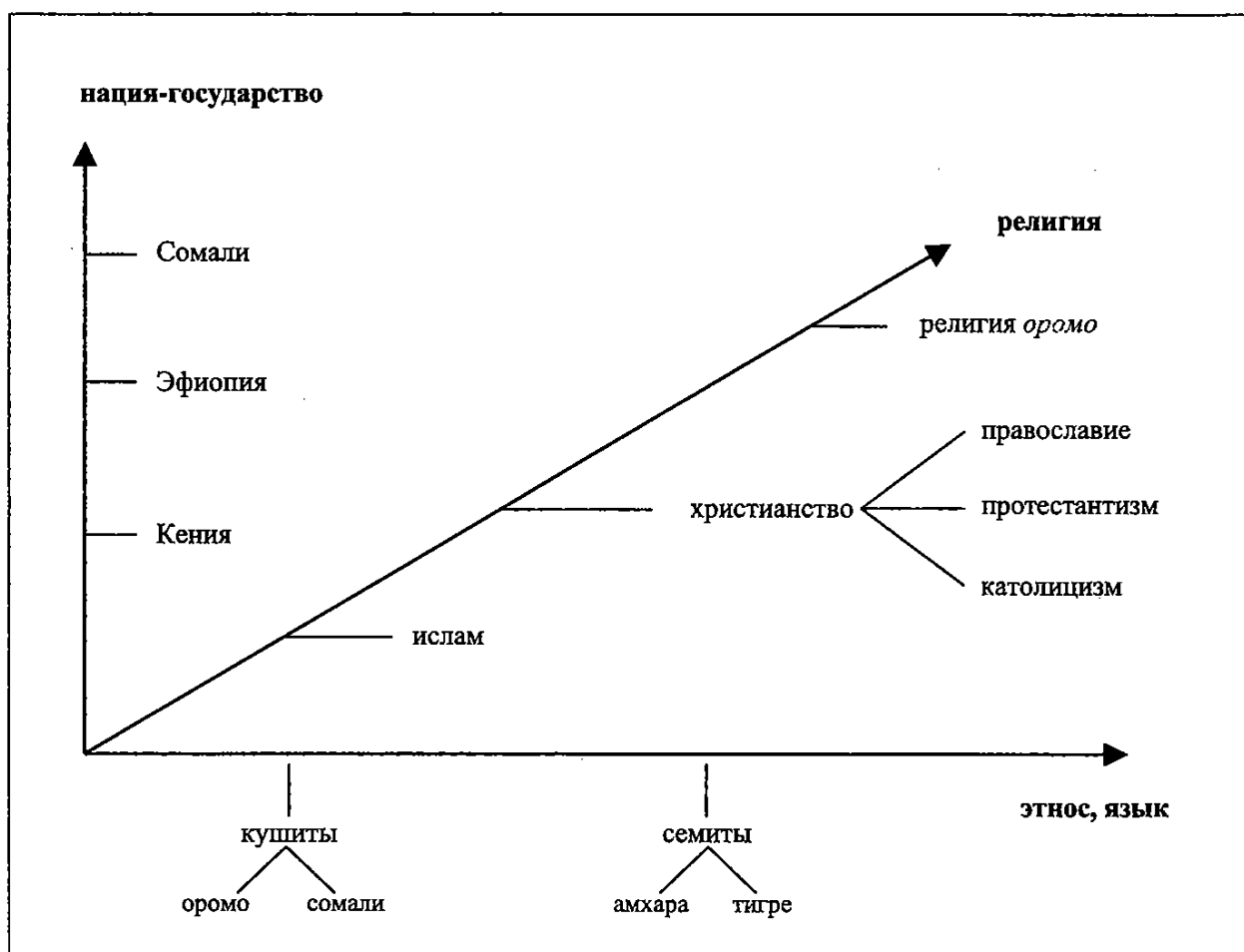
Веллингтону ссуда.

Наполеону требовало[и]сь мало сна.

Блюхеру свежие перепела.

Парадигматическим измерением здесь является вертикальная ось, и на ней находятся элементы, которые не встречаются одновременно, но могут заменять друг друга.

Рис.2.: Трехмерное понятийное пространство: этничность, религия и государственная принадлежность

Парадигматический/синтагматический

Парадигматическая связь идентичностей по их виду (измерению), например, язык/религия/прежняя политическая принадлежность, когда одна из идентичностей подчеркивается и выпячивается за счет других; синтагматическая связь, когда разные идентичности одновременно выступают в одной роли: например, вполне реальным сочетанием является кенийский оромо христианского вероисповедания.

Число измерений, естественно, не ограничивается тремя, как наша диаграмма, поскольку на ней трудно уместить большее их число. Бывшая политическая принадлежность также может выступать как важное измерение: как, например, в прошлом габсбургский/османский или постколониальный, постсоциалистический и прочие послелогои (как можно перевести английский неологизм Afterlogues). Давно забытые и архаические вещи могут всплывать в такого рода связях: в 1990-е гг. разнообразные хулиганы из Германии выступали в качестве наемников, защищая Запад

(“Abendland”) в Хорватии. Фиктивные и неопределенные целостности из прошлого могут также вступать в игру.

Рядом с этими измерениями и в их рамках можно выявлять различные уровни и степени включения: секты, церкви, мировые церкви, большие и малые единицы одного измерения... Они также могут находиться в парадигматических отношениях. Человек может либо подчеркивать особенности собственного диалекта (наименьшей единицы), либо свою принадлежность к определенному языковому сообществу (средний уровень), наконец — к языковой семье (самая широкая общность).

С помощью данной структуры понятийного пространства каждый субъект может, не изменяя определения идентичности и не меняя ее, перемещать акцент с одной на другую идентификацию двумя способами:

1. Переключением (switching по Elwert'y) между измерениями понятийного пространства, например, с языковой на религиозную идентичность, применяясь к ситуации и не испытывая необходимости лгать.

2. Взыванием к более широкой или более узкой идентичности того же измерения.

Особой идеологической конъюнктурой пользуются языки и языковые семьи. При изменении границ после первой мировой войны языковой ценз заменял процедуру демократического голосования (в этой деревне говорят по-польски, в той — по-немецки...), а язык приравнивался к приписанной, навсегда данной (аскриптивной) этнической идентификации.

В области языковой классификации наблюдаются интересные парадоксы, которые могли бы развлечь, если бы их последствия не были так часто смертельными:

В боснийской войне 1990-х гг. русские выступали для сербов как «славянские братья», в то время как хорваты и боснийские мусульмане даже не считались славянами¹⁰.

В 1991 году, когда на юге Эфиопии не было и следа присутствия правительства, когда режим Менгисту завершился крахом, а режим ополченцев еще не пришел к власти в этой области страны, Абдуллахи Шонголо и я прошли мимо заброшенных контрольных пунктов в Мойале и направились непосредственно в штаб-квартиру освободительного фронта Оромо (OLF). Там мы встретили стратегов OLF, стоявших, склонившись над расстеленной на столе картой. Они были заняты разделом

¹⁰ Возможно, здесь также идет речь о неосознанном перепутывании языковых и религиозных идентификаций. Имел ли здесь значение тот факт, что сербы православны (пост-православны?), что позволило им рассматривать русских как славян?

Эфиопии. Они хотели основать новое государство – Оромия, которое позднее и возникло. Однако где должны быть границы этого государства? Должна ли территория бурджи, примыкавшая и отчасти охватывающая район расселения *оромо*, входить в нее или нет? Кузнецы идеологии были за аншлюс. *Бурджи*, правда, не *оромо*, но являются кушитами, как и *оромо*. Мы говорим на *оромо*, но если использовать английское слово «кушиты», что получится? Библейское обозначение, которое нашло использование в современном сравнительно-историческом языкознании, но которое, однако, не играло прежде никакой роли в местном дискурсе, вдруг стало обоснованием территориальных притязаний. Безвредная языковая классификация была извлечена из башни из слоновой кости и стала использоваться в качестве идеологического «микроба» для инфицирования в реальном мире.

Трагическую роль сыграла и квалификация *тутси* как «хамитов» в псевдонаучных рассуждениях в Руанде. Довольно размытая категория «хамиты» уже не употребляется лингвистами. «Кушиты» являются, по всей видимости, ближайшим эквивалентом, а афро-азиатские языки именуются также хамито-семитскими. *Тутси* столь же бантуязычны, как и их руандийские сограждане *хуту*, и говорят на киньяруанда, и нет никаких оснований считать, что они говорят на одном из афро-азиатских языков. Собственные мифологические представления о миграции с севера наложились здесь на раннеколониальные спекуляции, что *тутси*, как правящий народ, должны были придти с севера (оттуда обычно якобы и приходили правители), что и превратилось в итоге в хамитский миф. *Хуту* усмотрели в нем не только притязания *тутси* на доминирование, с которым нужно было бороться, но и то, что они являются пришельцами, а вовсе не африканцами. Геноцидные следствия, которые имело это представление, здесь можно не комментировать, поскольку они еще свежи в памяти.

Таким образом, мы видим, что в рамках предструктурированного семантического пространства субъекты принимают решения, к каким категориям обращаться, когда они занимаются самоописаниями или описаниями других. С научной точки зрения, такие приписывания выглядят просто фальшивыми, что демонстрирует квалификация *тутси* как хамитов, но это никак не влияет на их действенность. Или все же влияет? Помогает ли в таких случаях просвещение? В какой степени критика такого рода идентификационных процессов имеет на них обратное влияние, до сих пор остается открытым вопросом. С некоторой долей терпимости к упрощениям иные классификации такого рода могут подвергаться исто-

рико-лингвистическому или иному научному анализу и проверке. Представляется, что правдоподобные, подтверждаемые опытом и свободные от внутренних противоречий дискурсы идентичности, имеют преимущества при внедрении перед вольными измышлениями, однако мера правдоподобия или исторической реальности остается далеко не единственным признаком, по которому различаются идентификационные приписывания. Каковы же те признаки, от которых нам следует ожидать, что они влияют на выбор идентификации?

Если мы исходим из того, что такие решения находятся под влиянием интересов (быть может — групповых интересов или интересов того конкретного человека, который говорит об этом), тогда нам не следует ожидать, что все элементы, влияющие на решение, будут представлены в идентификационном дискурсе. Мы должны, следовательно, по возможности учитывать также намерения, которые не проявились в словах, а также вербальное и невербальное поведение. Идентификационные конструкты подразумевают дефиниции, охватывающие группы или категории. Мы на время оставим различие между группами и категориями и ограничимся здесь рассмотрением групп. Такие группы могут характеризоваться разным престижем, они могут иметь более или менее различающиеся внутренние структуры, а для взгляда извне — занимать разные места и обладать разными стилями взаимодействия. Все это влияет на идентификационный дискурс о себе и о других, а также на находящийся до сих пор на первом плане фактор размера группы. Каждая идентификация, то есть каждое притязание быть или не быть кем-то, касается социальных совокупностей, которые различаются своими демографическими размерами. Случай, когда два идентификационных конструкта будут обозначать группы строго одинакового размера, крайне маловероятен. Вытекающий отсюда вопрос для уточнения фактора идентификации в теоретических исследованиях конфликтов таков: «Каково влияние таких социальных признаков группы (ожидаемых в результате акта идентификации), как ее размер и социальное положение на идентификационный дискурс и заключенный в его рамках выбор культурных признаков?».

В социальной антропологии конфигурации, которые создаются за счет пересечения таких категорий, известны под термином «пересекающиеся связи» («cross-cutting ties»). До сих пор они обсуждались практически исключительно в связи с факторами социальной солидарности (social cohesion). Глакман (Gluckman 1966:11), исповедующий взгляды Гоббса на человечество как на погрязшее в постоянных конфликтах, полагает, что

такие связи создают возможность некоторого мира внутри общества. В этой теории, таким образом, пересекающиеся связи выступают как сама основа общества. Поскольку мы используем множественные критерии для установления социальных групп и категорий, и они могут пересекаться, нам нужно постоянно быть готовыми к тому, что наш оппонент в одном контексте станет нашим союзником в другом. Осознание этого обстоятельства заставляет нас воздерживаться от эскалации конфликтов до уровня, который бы привел к разрушению любой формы общества. Отсюда Глакмэн делает вывод, что установление социальной солидарности и деэскалация конфликтов зависят от пересекающихся связей. Мне это не представляется верным для всех случаев. Вернемся еще раз к представлению, что актерам и группам акторов полезно иметь в своем распоряжении средства включения и исключения. Я хочу прояснить этот момент, используя уже упомянутый пример межэтнических клановых отношений в северной Кении.

Когда пастух встречается незнакомца у колодца — типичная ситуация для начала конфликта — и когда он выясняет, кем является этот незнакомец, то наличие пересекающихся связей открывает следующие возможности для воина-кочевника: он может либо подчеркивать их различия («Мы принадлежим разным племенам, уходи, пока сюда не пришла наша молодежь!»), либо он может указать на разделяемую идентичность («Хотя мы принадлежим разным племенам, у нас один и тот же клан» или «Ты из клана моей жены» «... моей матери» и т.п.). Вероятностный характер таких ссылок на сходство или различия означает, что пересекающиеся связи могут ситуационно игнорироваться. Они, следовательно, не всегда выступают в качестве связующей силы. Сходства и различия, следовательно, не нужно рассматривать как результат некоторых критериев, например, присутствия или отсутствия определенных маркеров, играющих роль самостоятельных факторов, которые могут порождать вражду или солидарность. Эти маркеры скорее следует рассматривать в качестве сырого материала для политической риторики, которая избирательно используется в целях включения и исключения.

Моим намерением, однако, не является создание впечатления, что мы имеем дело с неограниченным оппортунизмом и безграничной манипулятивностью, подчиненной лишь экономическим расчетам. Именно те случаи, когда человек становится заложником собственной логики, социологически особенно интересны. Например, если основываясь на реальной или фиктивной общности происхождения в экзогамной клановой

системе, я выбираю риторику братства по отношению к группе, с которой я оказался в контакте, то тем самым я закрываю любые возможности брака с этой группой, сколь бы привлекательными они ни были. Все женщины группы, с которой я провозгласил отношения братства, становятся моими сестрами, и в силу вступает запрет на инцест¹¹. Помимо этого, братство является транзитивным отношением. Братья братьев являются братьями. Таким образом, потенциально я вступаю в значительно большее число отношений и связей, чем я могу предвидеть. В менее удачных случаях я могу обнаружить, что это превосходит мои возможности для гостеприимства. В более серьезных случаях это может означать, что вся моя система альянсов и безопасности разрушена, и я внезапно оказываюсь по другую сторону конфликта.

Что касается теории Глакмэна по поводу солидарности и деэскалации конфликтов, то случай северной Кении никоим образом не подтверждает, что многочисленные межэтнические клановые отношения делают вклад в избегание или деэскалацию насильственных конфликтов. В отношении пересекающихся связей и эскалации или деэскалации насилия мы должны принять своего рода нулевую гипотезу, а именно, что нет никакого отношения между пересекающимися связями и частотностью или интенсивностью конфликтов между группами, которые обладают такими связями.

Холлпайк (Hallpike) делает еще один шаг. Он обнаружил, что у *тауаде* горной Новой Гвинеи десцентные группы широко распределены среди локальных групп. Когда происходят убийства в результате столкновения десцентных групп, тауаде нередко обращают оружие против своих соседей — членов того клана, с которым были столкновения и кто в качестве меньшинства проживает среди них, и из мести убивают их. Такие соседи легко достижимы и могут быть убиты без особого риска. Конечно, месть вызывает контр-месть, и легко себе представить возникшую в ее результате эскалацию. Следовательно, мы должны также рассматривать и теорию, обратную теории Глакмэна, а именно, что пересекающиеся связи при определенных условиях могут приводить к эскалации конфликтов.

В другом ново-гвинейском случае *манамбу* из области Сепик Харрисон (Harrison 1993) показал, что пересекающиеся связи никак не сокращают общего уровня насилия. Родство с тотемическим кланом, партнерские или брачные связи могут предотвратить нападение одних конкрет-

¹¹ Во всяком случае, такова практика среди групп с клановой экзогамией, как, например, *рендилле*, которые соблюдают этот принцип весьма тщательно.

ных людей из одной деревни на других конкретных людей — из другой, однако делают последних даже более вероятной мишенью со стороны остальных. Соперничество между жителями одной деревни часто проявляется в избирании в качестве объекта для нападения родственников или партнеров соперника в другой деревне. Косвенным образом, за счет их отрицания, пересекающиеся связи могут даже служить исходными причинами войны. Согласно одной из нескольких систем норм, той, в которой постулируется солидарность мужчин одной деревни, объединяемых культом, внешние связи должны периодически обрубаться с помощью набегов для охоты за головами, поскольку иначе вездесущие социальные связи размывают границы локальных групп.¹²

В довольно подробно исследованном мною случае пересекающиеся связи с очевидностью не были в состоянии предотвратить насильственный конфликт между группами. С другой стороны, они не были и фактором эскалации. Однако кажется, они все же выполнили важную функцию, помогая справиться с последствиями войны.

Двести лет назад предки входящего в *рендилле* суб-клана *элемо* были захвачены вместе с верблюдами воинами *рендилле*. Исходно они были *габра*. Некоторые из членов клана последовали за *рендилле* сами, поскольку без верблюдов им нечем было жить. В 1992 году люди *габра* напали на *рендилле* и захватили много верблюдов. Хотя это звучит и парадоксально, но некоторые из членов суб-клана *элемо* попытались укрыться от *габра* среди *габра* и воссоединились со своими братьями по клану. Им дали верблюдов, хотя и не тех же самых, которых их лишили, и они смогли продол-

¹² В сжатом виде Харрисон так формулирует свои наблюдения: «В Меланезии не столько группы производят войну, сколько война производит группы» (1993: 18). Радикальное прочтение этой формулы подразумевает, что если бы не война, групп бы не было. Умеренным прочтением было бы то, что группы, утверждающие себя как отдельные боевые союзы, способные оспаривать ресурсы других подобных групп, приобретают такой характер, совершая именно это — прерывая внешние связи, объединяющие их с будущим врагом и иницируя войну. В течении войны состав воюющих сторон меняется: жертвы резни присоединяются к большим группам, чтобы выжить; заключаются и распадаются союзы. Война не создает группы, но создает (1) их характер в качестве боевых единиц, в которых на время внутренняя солидарность перевешивает внешние связи; и (2) их состав, вызываемый войной.

Обобщения относительно связи между браком и войной остаются трудными. Для *манамбу* сама возможность брака вне деревни представляет собой «опасность самому концептуальному существованию» группы (выделено в оригинале), в то время как в горной Новой Гвинее военные отряды обычно экзогамны и их брачные партнеры в силу необходимости являются членами реальных или потенциальных враждебных групп (Harrison 1993: 137). «Те, на ком мы женимся — это те, с кем мы враждуем» — высказывание, характерное для многих обществ по всему миру (Lang 1977). В моем прочтении примеров Харрисона, если учитывать насколько легко у меланезийцев и других народов с большими экзогамными группами взаимные браки сочетаются с враждебностью, я прихожу к выводу, что осложнение для военных столкновений составляет не столько браки между деревнями, но наличие людей, с которыми потенциально нельзя вступить брак, поскольку они являются братьями и сестрами — это члены того же экзогамного клана среди потенциальных врагов в другой деревне.

жить свое существование как кочевники-скотоводы. Дважды в своей истории они следовали за своими верблюдами и присоединялись к тем, кто совершил на них набег. Их братья по клану среди *габра* защитили их от атак других *габра*, за что эти другие их сильно критиковали.

В этом случае пересекающиеся связи не повлияли на начало, предотвращение или ограничение войны. Не было и эффекта укрепления социальных связей, который им приписывают. Вместо этого они привели к расколу среди *рендилле*, когда часть *элемо* осталась, а другая присоединилась к *габра*. Пересекающиеся связи привели и к разделению среди *габра* на партии про- и контра-элемо. Пересекающиеся связи в итоге помогли нескольким участникам конфликта справиться с последствиями войны (Schlee 1997).

В терминах того, что было выше сказано о категориях, становящихся ситуативно релевантными или теряющими свою релевантность, в этом случае можно сказать, что на межэтническом уровне (*рендилле* и *габра* в целом) существование межэтнических клановых отношений игнорировалось. Межэтнические клановые отношения не воспрепятствовали одной из групп — *габра*, напасть на вторую — *рендилле*. На уровне межклановом они стали опять релевантными, когда нужно было справляться с последствиями набега.

Этот пример показывает, что более точный масштаб рассмотрения позволяет увидеть больше реальных последствий проявления пересекающихся связей. Если мы переходим от уровня групп к уровню индивидуальных участников, мы можем потенциально увидеть различия в подсчетах потерь и выгод, производимых лидерами и их последователями. Смена альянса может иметь разные следствия для лидеров и их последователей, или точнее для потенциальных лидеров и их сторонников, поскольку возможны ситуации, что со сменой альянса лидер становится сторонником, а бывший сторонник — лидером.

Патаны (пуштуны) северного Пакистана (Swat Pathans — Barth 1981) обладают сегментированной системой линиджей, похожей на ту, что мы наблюдаем у *сомали*. Однако в отличие от *сомали*, у них нет склонности к объединению близкородственных линиджей против отдаленных. Соперничество за землю гораздо выше среди соседних и тесно связанных сегментов. Напротив, патаны образуют союзы с врагами своих непосредственных соседей и родственников, обобщая принцип «враг твоего врага — твой друг». Все патаны этой области разделены на две факции. Если разместить социальные группы в линейном пространстве, то получится, что

каждый отличает себя от непосредственных соседей, но принадлежит к той же факции что и соседи соседей. Таким образом, мы получим меняющуюся последовательность *a b a b a b*. В реальности, разумеется, отношения не так просты, как на этой воображаемой линии, и есть много возможностей для смены альянсов. В каждом конкретном контексте одна из групп является более сильной, чем другая, поскольку равенство сил — случай редкий. Патаны называют эти группы меньшинством и большинством. Такая ситуация может быть рассмотрена и с позиций пересекающихся связей: разделение на меньшинство и большинство пересекается со структурой линиджей. Однако эти пересекающиеся связи вовсе не порождают солидарности на уровне общества в целом¹³.

Хорошо принадлежать к большинству. В юридических спорах большинство получает ресурсы от большинства. Меньшинство пытается убедить членов большинства присоединиться к нему, чтобы превратить меньшинство в большинство. Причина для смены группы может заключаться в обретаемом лидерстве в новой конфигурации. У лидеров есть привилегии и преимущества, недоступные для их сторонников. Для настоящих или потенциальных лидеров, оценивающих перемену альянса, с одной стороны, и для их последователей, которых они приведут с собой (поскольку иначе они станут незначительными в количественном отношении), с другой, анализ выгод и потерь такой смены (или, в менее вежливых терминах — предательства) будет совершенно различным.

*О социологизации экономики и экономизации социологии**

Во всех приведенных выше примерах как расчеты выгод и потерь, подобные экономическим, так и социальные структуры и когнитивные представления играют роль в процессах идентификации. Когнитивные представления формируют своего рода матрицу, в рамках которой принимаются решения об идентификации. Разумеется, социальные структуры, такие как межэтнические клановые отношения, если упомянуть лишь один пример, не являются вневременными и неизменными. Они остаются объектами идеологической работы и подвержены изменениям. Иногда

¹³ В более позднем исследовании соперничества и чести у пуштунов, основанном на изучении биографий выдающихся личностей, Эдвардс (Edwards 1996:157f et passim) приходит к выводу, что в конфликт вступают обычно патрилатеральные параллельные кузены (сыновья братьев). Здесь неоспариваемая (в терминах Дюркгейма — механическая) солидарность в рамках линиджа ограничивается сыновьями мужчины — родными и сводными братьями. За рамками этого узкого круга враг моего соперника имеет больше шансов стать другом, чем член моего линиджа.

* Более ранний вариант текста опубликован в: Schlee 2004c and Schlee 2000.

межэтнические клановые отношения изобретаются *ad hoc*, благодаря, например, сходству наименований. Однако отношения между кланами на такого рода основаниях обычно не устойчивы. Подобные полеты фантазии не вознаграждаются верблюдами. В конкретной ситуации принятия решений мы обычно имеем дело с преданными социальными категориями и группами, которыми можно манипулировать лишь в очень ограниченной мере. Это и есть социологический аспект проблемы.

Согласно Дюзенберри (Duesenberry 1960: 233), экономика рассматривает каким образом люди принимают решения, а дело социологии — объяснить, почему им нечего решать. В самом деле, *homo oeconomicus* (общепризнано упрощенная модель человека, используемая экономистами) выглядит более свободным в своей способности принимать решения и в силу этого более привлекательным, чем глуповатый *homo sociologicus*, который в процессе социализации встраивается в надындивидуальные единицы и, в итоге, совершенно соответствует заданным ролевым ожиданиям. Однако наш анализ эмпирической реальности не должен находиться под влиянием эмпатии. Скорее, мы должны задать вопрос, каким образом можно соединить элементы экономических и социологических объяснений, чтобы получить лучшую модель реальности.

Как показывает пример из северной Кении, взаимодействие экономических и социологических факторов выливается в ситуацию, при которой ее участники, отчасти находящиеся под давлением задач выживания, продельывают работу идентификации в социальном пространстве, которое хотя и дает некоторую свободу вариаций, но которое также ограничено преданными опциями выбора. В особенности это касается одного типа участников — образованных людей со знанием исторических материалов, из которых делаются идентификационные конструкты и которые могут свободно обращаться с ними.

Этнические группы северной Кении являются этническими в полном самоочевидном смысле слова¹⁴. Каждая сохраняет религиозные и языковые отличия перед лицом остальных, и они ясно отличаются по одежде и габитусу. Тем не менее, они оказываются связанными друг с другом посредством сети межэтнических клановых отношений, которые основаны отчасти на расколах времен складывания современных групп, а отчасти

¹⁴ Как в обыденном смысле этого слова, когда в определении перечисляются специфические признаки этнических групп (язык, история, обычаи, привычки ...), которое уязвимо потому, что в каждом конкретном случае используются различные признаки из этого каталога, а остальные остаются в тени, так и в смысле Ф. Барта (Barth 1969: 9), когда он говорит о культурном дисконтинуитете (прерывности в распределении культурных характеристик).

на более поздних миграциях и перегруппировках. Для лидеров кочевнических групп иметь в своем распоряжении знания обо всем этом крайне важно. Они, например, могут найти убежище у своих братьев по клану в периоды засухи или войны. Это не требует немедленной смены этнической принадлежности, поскольку, на первых порах, их признают именно в качестве братьев по клану, гостей, а не как членов принимающей этнической группы. Реальная смена этнической принадлежности может произойти в какой-то момент времени, и отмечается ритуалом, или может растянуться на несколько поколений и остаться незавершенной.

Для непосредственного выживания на первый момент не важно, сталкиваешься ли ты с полным культурным признанием или неискренним гостеприимством. Что может стать основой выживания, так это виртуозность при обнаружении и манипулировании (родственными) связями и умение создавать условия для проявлений солидарности. Это срабатывает только тогда, когда чувство общего членства реально и обязательно для тех, к кому обращаются за помощью.

Тот, кто за счет социальных знаний и интеллекта оказывается в положении, позволяющем не пассивно интегрироваться в такого рода категории, а манипулировать ими в целях собственной выгоды, выигрывает от того, что другие обладают этой способностью в меньшей степени. Если бы такие виртуозы отношений с их призывами к солидарности сталкивались с равными себе по возможностям находить обоснования для отказа, вся игра пошла бы насмарку. Таким образом, мы сталкиваемся с отношениями, которые до некоторой степени предзаданы и фиксированы, и до определенной степени подвержены инструментализации и манипулированию, хотя для этого и требуются соответствующие знания и мера виртуозности. Не каждому дано ими распоряжаться в равной степени.

Итак, несмотря на всю свою сконструированность, такие социальные категории, включая этнические группы и нации, не являются произвольными. За ними стоит определенная реальность, хотя бы в отношении реальных последствий.

Это происходит потому, что они не являются свободными изобретениями, независимо от того, насколько популярным стало выражение из книги Хобсбаума и Рейнджера «Изобретение традиций». Стоит только вспомнить о серии бесчисленных книг с заголовками типа «Изобретение Индии» (использован дважды), «Изобретение Африки», «Изобретение Эфиопии», «Изобретение примитивного общества» и т.п. Вместо этого, следует понимать конструктивизм в его буквальном значении и говорить

о конструкциях, а не об изобретениях, как в строительном деле, источнике метафоры, где конструкции не произвольны, но подчиняются законам статики, состоят из элементов, поддерживающих друг друга, и используют местные материалы. Иногда используются старые фундаменты или материалы из старых зданий. Социальные конструкции, сколь бы недавними они ни были, осуществляя все то же самое, достигают общеизвестности, правдоподобности и зачастую даже определенной степени естественности.

Но даже там, где создание этнических групп и наций представляется искусственным и происходит с видимым идеологическим усилием романтизации, оно все же приводит к весьма реальным последствиям в терминах поведения. Возможно, кому-то и удастся рассматривать этнические группы и нации как сны, но если они превращаются в кошмары, изгнать их из этих «снов» становится очень трудно.

*Рынки насилия и свобода выбора**

Фокусировка на том, что является ставкой в конфликте – на оспариваемых ресурсах – остается обычной и полезной. Она была систематически использована в работе Майкла Т. Клэра «Ресурсные войны» (Clare 2001), но могут быть приведены и другие примеры для иллюстрации этой перспективы. Аналитики-практики с хорошей долей материализма в их попытках понять конфликт обычно смотрят сначала на оспариваемые ресурсы и связанные с ними экономические интересы. Я не рекомендую чего-либо иного. Вместо замены этой перспективы я пытаюсь дополнить ее. Идентификация в конфликтных ситуациях ни в коей мере не определяется оспариваемыми ресурсами. Логика идентификации может оставаться той же, независимо от того, оспаривается ли нефть, вода, скот, земля или что-нибудь еще. Объяснения с исключительной фокусировкой на ресурсах и экономических интересах могут не достигать мишени, если они задуманы в качестве исчерпывающего анализа конфликтной ситуации. Моя критика могла бы быть адресована многим авторам, но чтобы сделать ее полезной, я избрал одного из лучших аналитиков, пишущих в этой проблемной области – Георга Элверта.

В 1997 году Элверт опубликовал книгу «Рынки насилия» («Markets of Violence») с подзаголовком «Наблюдения над инструментальной рациональностью насилия». Как подразумевается и заглавием и подзаголов-

* Англоязычная версия текста раздела опубликована в: Schlee 2004c; немецкоязычная - в: Schlee 2000.

ком, упор делается на экономический расчет и, следовательно, на свободу выбора. С моей точки зрения, недостатки его подхода заключаются в пренебрежении ограничениями, налагаемыми как социальными структурами, так и конвенциональной логикой идентификации, которые ограничивают в свободе выбора даже постулируемых Элвертом рационально действующих радикально эгоистических военных вождей.

Рынки насилия появляются в «пространствах, открытых для насилия», за пределами досягаемости монополии на насилие государства, и появляются они тогда, когда в эти пространства проникает рыночная экономика. Они представляют собой «полностью дерегулированную рыночную экономику, радикально свободную рыночную экономику». Вымогательство и прочие подобные вещи играют здесь важную роль.

Из анализа Элверта вытекает, что «радикально свободная рыночная экономика» не является дальнейшим развитием «свободной рыночной экономики». Напротив, она удушает капиталистическое развитие на корню. Портес (Portes 1994: 432) делает это еще яснее, утверждая, что происхождение «свободной» рыночной экономики лежит как раз в регулировании, а не в дерегуляции: “Этот триумф невидимой руки” [это относится к Заиру времен Мобуту, когда все, даже отмена государственных правил и законов, стало продажным] не ведет к капиталистическому развитию, как ожидалось бы исходя из теории гражданского выбора [...]; случай как раз противоположный. При отсутствии стабильной юридической рамки и заслуживающих доверия процедур обеспечения контрактов долгосрочные продуктивные инвестиции становятся практически невозможными». Рынки не образуются, как полагал Адам Смит, из природной склонности или тенденции людей к покупке и обмену вещами. Для того, чтобы возникла рыночная экономика требуется некто, кто бы стоял за рамками зоны конкуренции «обеспечивая исполнение правил, касающихся собственности, и соблюдение контрактов». В этом контексте Портес, обращаясь к Поланьи (Polanyi) и Эверриту (Everrit), ссылается на весьма регулируемый характер рынков (также и в терминах деятельности на рыночных местах) Европы начала капиталистического развития. Существовали даже специальные люди, пробовавшие хлеб и пиво (!). Дюркгейм сделал подобное наблюдение гораздо раньше и в более общих терминах, говоря не просто о свободном рынке, но о свободе. «Сама свобода [liberty] является продуктом регулирования» (1984 [1893]: 320). Тот, кого можно эксплуатировать, только потому, что он слабее, не может называться свободным.

Элверт (1997) опускает наблюдения, сделанные в предыдущей статье с почти таким же заглавием (1995). В ней он рассматривал рынки насилия как «форму модернизации», основанную на «признаться, довольно нетрадиционном понимании модернизации», как «взаимодействие товарной экономики и масштабных коммуникаций». При таком определении атрибуция (рынков насилия как формы модернизации) становится правдоподобной. Обычно, однако, предпочитают понятие модернизации, обозначающее те процессы, которые обеспечили преобладание индустриальной современности и ее глобализацию. При таком понимании становится очевидным, что рынки насилия порождают весьма противоречивые эффекты: они разрушают бюрократии и системы образования и позволяют разваливаться инфраструктурам.

С его вниманием к «рынкам насилия», Элверт расширяет анализ насильственных конфликтов до охвата тех случаев, в которых государство, по меньшей мере непосредственно, не играет (или уже не играет) никакой роли. Большинство современных теорий, с другой стороны, рассматривают государство в качестве неперменной рамки споров или приза для победителя (например, этнизация как стратегия присвоения государственных ресурсов). Виммер (Wimmer 1995, см. в особенности его дерево решений на с. 486) предоставляет хороший обзор этих теорий¹⁵.

Разумеется, что именно в условиях распада государственности следует ожидать фрагментации социальных структур и разрыва связей, и, тем самым, создания широких возможностей для принятия решений или, точ-

¹⁵ Еще одним основанием для различения теорий конфликта может быть вопрос, на который они стремятся ответить. В противоположность упомянутому выше Глакмэну, который начинает свой анализ с гоббсовского представления о *bellum omnium contra omnes* [войны всех против всех] и, таким образом, рассматривает мир и социальную интеграцию (короче — благо) как нуждающуюся в объяснении, существует иная историко-теоретическая линия, восходящая к Руссо, которая считает благо естественным и пытается объяснить зло. В конечном итоге мы имеем здесь дело с аксиомами, которые трудно оспаривать теоретически. Эмпирически же мы всегда обнаруживаем среди людей, как и среди других близкородственных видов, как «добро», так и «зло». Если начинать с «добра» как нормального морального состояния, тогда необходимо объяснять «зло»; если исходить из «зла» (неограниченного эгоизма), то нужно объяснять «добро». Такого рода борьбу при объяснении «блага» можно наблюдать, к примеру, у социобиологов и сторонников теории рационального выбора, когда они рассматривают «проблему» альтруизма (ср. Grafrath 1997).

Если учесть ту жестокость, с которой военачальники расправляются с безоружными крестьянами и друг с другом (например, когда Принс Джонсон приказал увечить и медленно убивать своего соперника президента Самюэля Доу перед включенными телекамерами в Либерии в 1990 г.), то в любом случае, с психологической точки зрения, более понятно (и в полном согласии с нашими ожиданиями нормально-сти), когда необходимо объяснение, почему люди совершают такие акты жестокости, а не почему они не совершают их.

Возникает вопрос, можно ли более поздние теоретические модели, обсуждаемые здесь, поместить в рамки этой дихотомии. Однако тот, кто ищет рациональных причин жестокости и очевидного произвола, тот не далеко ушел от признания злонамеренности самоочевидной и уклоняется от необходимости объяснять ее.

нее, произвола, поддерживаемого насилием среди сильных мира сего. К сожалению, Элверт вписывает преобладание экономических мотивов в свое определение рынков насилия с помощью круга в определении. Он пишет: «Под рынками насилия я понимаю конфликты, именуемые гражданскими войнами, системами ополчений или воровства, в которых под покровом идеологических и политических целей или традиционно определяемой боевой чести доминируют экономические мотивы» (1997: 87f). В дальнейшем рассмотрении я не включаю доминирование экономических мотивов в определение рынков насилия. Я скорее хочу поставить вопрос, насколько экономические или социологические объяснения, то есть те, которые фокусируются на участниках и решениях против тех, в которых подчеркиваются структуры и данности, имеют значение для рынков насилия, и на том, как эти объяснения взаимодействуют.

Согласно Элверту (1997), «не этнические группы и кланы, но экономические интересы [...] ставятся на кон в этих гражданских войнах». Здесь он все для себя слишком упрощает. Разве у экономических интересов нет субъектов? Разве они не зависят от существующих или нарождающихся «мы»-групп, если использовать термин самого Элверта (1989)? Но если так, то разве эти группы не зависят от преданных категоризаций, то есть от тех самых этнических групп и кланов, значение которых Элверт отрицает? Отсылку к ним он называет «культуралистской». Очевидно, это означает, что культура берется в качестве независимой переменной, с помощью которой объясняются другие вещи, например, насилие. В «культуралистских» объяснениях культура в качестве надличностной сущности полагается как средство объяснения (эксплананс), и именно это критикуется теми, кто использует термин «культуралистский». Термин «культуралистский» подразумевает негативную оценку, точно так же, как и термины «биологизаторский», «эссенциалистский», «редукционистский» и др. Называть тех, кто ссылается на кланы и этнические группы «культуралистами» означает, что они всегда считают этничность и клановость независимыми переменными и полагают, что этнические группы и кланы являются данностями. Если брать более поздние теории этничности и недавнюю литературу о кланах, включая работы самого Элверта в этой области, то они далеки от таких взглядов. Остается неясным, какие гипотетические авторы являются здесь объектом критики¹⁶.

¹⁶ В ходе обсуждения лекции, на которой основан этот раздел, Элверт пояснил, что имелись в виду авторы из Италии, Восточной и Юго-Восточной Европы. Сегодня действительно было бы трудно обнаружить такие взгляды среди основных течений на европейском Северо-Западе или в Америке. В своем очерке (1997: 86) он атакует анонимных оппонентов.

Несколько ниже он пишет: «Военачальники также нуждаются в торговых партнерах, спонсорах и нейтральных силах. Чтобы те чувствовали себя в безопасности, насилие должно подчиняться ясным символически предначертанным линиям. В этих целях используются религиозная символика, региональные костюмы, акцент и т.п., что и создает впечатление этнической или религиозной конфронтации» (1997:94). Это звучит так, как если бы военачальники были в основном свободны в своих определениях идентичности, как будто они могли включить в ряды своих последователей именно тех, кого они хотели включить, и исключить именно тех, кого они хотели исключить. Очевидно, военачальники не хотели иметь дела с «нежелательными элементами». Иметь дело с «нежелательными элементами» — означает стать заложником собственной логики, то есть включать тех индивидов и группы в общность, определяемую как «Мы», которых включать не хотелось бы, но которых заставляют включить требования последовательности, диктуемые, например, системой социальных категорий.

В случае Сомали, чаще всего цитируемой системе власти военных вождей, удалось показать (Schlee 1996, 2002), что группы не распадаются и альянсы не возникают исключительно по воле военачальников, но, скорее, подчиняются структуре, обнаруживаемой еще в доколониальные времена.

Полная генеалогия (Lewis 1982), охватывающая всю сомалийскую нацию, может быть исторически верной, или фиктивной. Но в любом случае, она является общей собственностью, принятой во многих частях страны, и обрела вес конвенциональности, поэтому отдельный человек не в состоянии что-нибудь в ней произвольно изменить, да к тому же применительно к случаю. Так, например, если противник семейства кланов Даруд (Darood) взывает к Ирриру (Irrir), предку клана, о котором мы не знаем практически ничего, за исключением того, что от него произошло большинство не-Дарудов, это означает, он должен включить в определение своей «мы»-группы кланы и субкланы, которые возводят свое происхождение к Ирриру, в том числе и тех, кого бы он не хотел включать. В противном случае, его призыв к пан-иррирской солидарности утратит правдоподобие. Это означает, что он должен мириться с нежелательным. Если же он, как случалось многократно во время процессов раскола политических групп в 1990-х гг., будет апеллировать к значительно более близким по времени предкам, то в результате получит гораздо более узко определенную группу, исключаящую многие из подразделений, которые он хотел бы привлечь на свою сторону. Таким образом, военачальники так же являются пленниками своей логики и не соответствуют типу *homo*

oeconomicus, который совершенно свободен от социальных ограничений и принимает решения на абсолютно индивидуальном и оппортунистическом основании. Военачальникам приходится считаться с рамками социальных структур, которые одновременно являются источником ограничений и предоставляют возможности (Giddens 1976: 161). Клановая организация обеспечивает их как инструментами, так и материалом для военного рекрутирования и, с другой стороны, ограничивает свободу их выбора в рекрутировании тех, кого они желают привлечь. В исторических процессах, под давлением повторяющихся действий, структуры, разумеется, меняются (хотя и редко в предусматриваемом направлении; оно скольконибудь удовлетворительно объясняется лишь в ретроспективе), но для любого участника событий в любое время они существуют как данность и требуют учета вместе со своими возможностями и ограничениями.

В своей статье 1995 года, Элверт сам подробно рассматривает Сомали. К удивлению, он описывает борьбу за колодцы как новое явление, хотя еще Льюис (Lewis 1961: 44) указывал на то, что среди сомалийцев символом кровавых раздоров является не меч или ружье, но деревянное поильное корыто. «Государственные суды и нотариусы», которые, по Элверту, (1995: 132) до тех пор регулировали права на места водопоя, не были согласно Льюису (1961b) особенно эффективными даже во времена расцвета колониального правления. «Клановые суды», упоминаемые Элвертом в этом же контексте, были, в действительности, посредниками, и в них обсуждались такие вопросы, как возможность выплаты виры для избежания мести. Вира была просто еще одной стороной насилия: открытое насилие было средством мести, в то время как скрытое насилие служило целям получения компенсации. При отсутствии нейтральной силы, обеспечивающей исполнение законов, тот, кто был слишком слаб для мести, был слишком слаб и для обеспечения компенсационной выплаты и, как правило, не добивался справедливости в клановых судах, независимо от того, насколько очевидной была причиняемая несправедливость. Для получения виры нужно было принадлежать либо к сильной общине, то есть демографически сильному линиджу, либо к линиджу, связанному контрактными отношениями с другими. Это опять напоминает нам о политике размера. И снова и снова мы возвращаемся к той самой области пересечения экономических и социологических перспектив.

Простым решением, или скорее способом избегания проблемы, может быть либо полное игнорирование существования социальных структур и систем и редуцирование всего того, что является социальным в сумме ин-

дивидуальных расчетов, или развитие чистых системных теорий, в которых нет места для людей. Еще в 1979 году Гидденс (Giddens, стр. 49) сетовал, что «... в тех школах мысли, которые были заняты изучением действия, мало внимания уделялось структурным объяснениям или социальной детерминации; в них также не удалось связать теорию действия с институциональной трансформацией». И наоборот, следуя Гидденсу, можно утверждать, что в других теориях упор делался исключительно на структуре, о действии забывалось. Социологам, очевидно, не удалось удовлетворительно разрешить эти противоречия. Двадцать лет спустя в одной из своих лекций в Билефельде Хартмут Эссер (Hartmut Esser 1999) сожалел о том факте, что большие части современной социологии обнаруживают те же недостатки. В социальной антропологии существует (или существовала до тех пор, пока все попытки разработки теорий не были смыты волной постмодернизма) параллельная дискуссия. Асад, например, критикует анализ политической системы Свата (Swat political system – Barth 1959, 1981), цитированный выше, утверждая, что Барт видит политическую организацию как чистый результат множества сделанных выборов (Asad 1972: 75) и игнорирует структуры, ограничивающие выбор (в этом случае – класс и касту).

Новые течения в экономике, например, институциональная экономика, последовали за этой связью социологии и экономики, социологизировав свой подход. Джек Хиршляйфер, вне всяких сомнений экономист и блестящий превращает социальную идентичность в центральный вопрос экономики. Ни один из экономических расчетов не обходится без вопроса – для кого? Кто получает выгоду и в рамках каких групповых границ? «Эффективность всегда существует относительно границ общества или группы. [...]. Все мы где-то проводим линию, на границе «мы» против «они». *Эффективность, таким образом, является концептом, связывающим групповую выгоду по отношению к соперничающим группам*. (Hirshleifer, Jack цитируемый по: Anderson & Simmons 1993: 8, выделено в оригинале). Элверт и другие ориентированные на ресурсы теоретики конфликтов пришли с другой стороны и экономизируют антропологию. Прodelывая это, они вступают в ту же самую крайне интересную зону контакта. Мы действительно нуждаемся в новом синтезе экономической и социологической перспектив. Я не претендую на то, что я представил здесь такой новый синтез в сколько-нибудь окончательной форме, но надеюсь, что мне удалось продемонстрировать его необходимость и прояснить часть вопросов, с которыми он связан.

Этническая символика, диакритики и маркеры идентичности*

Несколько примеров из Восточной Африки

Термин «эмблема» иногда использовался как синоним термина «символ»¹⁷, иногда для обозначения чего-то более простого, чем символ, или, если в иерархии понятий «символ» использовался как более широкая категория — в качестве более простого типа символа.

Под «символами» мы понимаем... нечто большее, чем знаки. В отличие от последних, символы никогда не бывают самоочевидными, самодостаточными, или полностью автономными. ... Они как открывают, так и скрывают, указывая на, если не полностью скрывая, иной порядок реальности и опыта. Символы, таким образом, по определению таинственны. (Lewis 1977:1).

Этот таинственный аспект символов не будет рассматриваться в данном разделе. Поскольку символы имеют свойство быть «многоголосыми» и могут представлять в умах разных людей одну и ту же или разные вещи, мы можем столкнуться в ходе нашего анализа с явлениями, которые — для некоторых людей в некоторых ситуациях — будут указывать на «иной порядок реальности и опыта». Но в таких случаях мы станем рассматривать их не с этой мистической точки зрения, а с более приземленной перспективы, уясняя, как они служат для идентификации групп людей, которые их используют и на которые они указывают. Иными словами, что бы еще не обозначали эти символы, я здесь ограничиваюсь рассмотрением способа, с помощью которого они работают в качестве простых групповых идентификаторов.

Пример. В христианском контексте крест представляет собой очень сложный символ. Он напоминает о боге, отдавшем своего сына на распятие, и может служить основанием для глубоких теологических размышлений о том, кто принес его в жертву, кому и т.д. Такого рода проблем может быть так много, что работы хватило бы для многих факультетов теологии. С другой стороны, крест, носимый как геральдический знак, мог служить как отличительный между крестоносцами и маврами в бит-

* Текст главы основан на публикации: Schlee 1994d.

¹⁷ Об истории определений этих и близких понятий см. в: Firth 1973.

ве и в этой ситуации являлся простым идентификатором для различения друзей от врагов.

Такие уровни использования символов служат основой классификации Наделя.

Надель (Nadel 1951, 262) указал на три основных формы символического поведения:

В качестве первой он приводит «эмблемы, значки и другие диакритические знаки»: являются они материальными объектами или жестами и другими формами поведения, их демонстрация означает групповую принадлежность и другие социальные отношения и поддерживает ожидания соответствующего «реального» поведения.

Вторая из упомянутых категорий символического поведения была «всеми формами социальной номенклатуры», включающими, например, классификационную терминологию родства; от использования этих двух первых производны иные формы конформного поведения.

Третьей категорией символического поведения Наделя были «драматизации», принижающие примитивные культуры, примерами которых могут служить обряды перехода в классическом анализе ван Геннепа (Firth 1973:174).

Эти три категории обозначают, разумеется, не различные явления, а их различные аспекты. «Драматизация» может быть диакритическим «значком», если группа идентифицируется или определяется по совершаемым ею обрядам инициации: все, кто совершает церемонию *gaalgulamte* являются «белыми» *рендилле*, а те из говорящих на рендилле, кто вместо этого совершают жертвоприношения *ilmugit* типа *Samburu* являются *Ariaal* (Spencer 1973: 46 f.; Schlee 1979: 161 f., 224 f., 1989: Chap. 4). Последовательность из трех категорий, предложенная Наделем, представляется прогрессией от относительно простого к сложному. Описать крест на мантии крестоносца как идентифицирующую группу эмблему действительно проще, чем представить полный отчет о теологических импликациях этого символа. Но мы увидим, что даже это относительно простое предприятие имеет свои сложности, в зависимости от того, кто идентифицирует кого и для какой цели.

Межэтнические системы значения

Я не хочу погружаться здесь в детали, описывая разные видимые знаки, с помощью которых рендилле отмечают пол, брачный статус, возраст

и возрастные классы, поскольку я уже это проделал в другой работе (Schlee 1987c). Достаточно сказать, что они включают разнообразные украшения из бус, изменения тела, такие как проткнутые или расширенные мочки ушей, удаление двух центральных нижних резцов, обрезание, стили прически и линии на лице, сделанные красной охрой. Если вы видите мужчину-рендилле с круглыми клипсами из слоновой кости, большим количеством красной охры на плечах и голове и рисунками из линий на лице, со связками из овальных бус, называемых *ngeḡiṇye*, на груди и разнообразными украшениями из бисера на голове и шее, можно быть уверенным, что это член возрастной группы воинов. Женатый старейшина может быть не старше этого воина, поскольку есть значительное перекрывание между соседними возрастными классами, так как эти классы создаются на основе поколений. Его женатый статус можно опознать по скромным стандартизованным орнаментам, всего двум ниткам стеклянных бус вокруг шеи, отсутствию украшений головы и груди, маленьким висячим (а не прижатым к ушам, как предыдущем случае, клипсам, которые носят до конца военной службы)¹⁸ алюминиевым серьгам, носимым в специально расширенных отверстиях в ушах. Распределение на возрастные классы, таким образом, делается весьма видимым. Есть своеобразная нарочитость мужественности и хвастовство мужской красотой в наряде воина и некоторая скромность и недосказанность — у старейшин (что напоминает мне о сером деловом костюме с цветным галстуком в качестве единственного украшения, определенном коде пола/статуса/профессии в западной культуре). Эти символы (поскольку теперь мы находимся на уровне символов и отошли от простых маркеров идентичности) могут, следовательно, и не быть столь уж конвенциональными в сосюровском смысле условной связи между формой и значением. Они скорее визуально подчеркивают определенные возрасто-специфические характеристики мужских ролей — свирепых молодых людей по контрасту с мудрыми старейшинами.¹⁹

Но почему *ngeḡiṇye* носят только воины, их запрещено носить мальчикам и их не носят старейшины? Мы знаем о причинах столько же, сколько Эдмунд Лич знал о причинах ношения определенных причесок у *качинов*:

¹⁸ Этот период заканчивается не в год женитьбы, но на три года позднее, с инициацией нового возрастного класса воинов: в течение этих трех лет украшения воина снимаются и их заменяют украшениями старейшины. Насколько быстро это происходит, зависит от индивидуальных предпочтений и прагматических соображений, например, наличия новых украшений.

¹⁹ О половозрастных ролях, см. Schlee 1979:132-68.

Я не знаю, почему женщины у качинов ходят без шляп с коротко подстриженными волосами до замужества, а после него носят тюрбан, как и не знаю, почему англичанки надевают кольцо на определенный палец для обозначения того же самого изменения социального статуса; что меня интересует, так это то, что у качинов ношение тюрбана женщинами имеет символическое значение. Оно является утверждением о статусе женщины (Leach 1954:16).

Но оно не ограничивается этим, поскольку является также маркером этничности, разделяя культуры, в которых замужние женщины носят тюрбаны, от культур, где они носят кольца.

В только что приведенном примере брак представляет собой структурное отношение, общее и для английского и для качинского обществ; он символизируется кольцом в одном, и тюрбаном — в другом. Это означает, что один и тот же элемент социальной структуры может появляться в одном культурном облики в местности А и в другом облики — в местности В. Но А и В могут соседствовать на карте (Leach 1954:16 f.).

Украшения, которые маркируют воина-рендилле в контексте общества рендилле, выделяют его как рендилле в межэтническом контексте.

Лич подчеркивает, что среди качинов идентичные элементы социальной структуры появляются в различном культурном облики в соседних местностях и что, следовательно, границы социальных систем не совпадают с культурными границами. Но даже в тех случаях, когда элементы социальных структур соседних групп не идентичны, а только достаточно похожи, чтобы оставаться взаимно понятными, можно наблюдать надкультурные и межэтнические социальные системы, подсистемы которых успешно общаются друг с другом. У говорящих на оромо *габра*, как и у рендилле есть система возрастных классов (три разных класса) типа *gada* (Schlee 1989: Chap. 4), но у них нет возрастного класса воинов, не вступающих в брак, который столь же формализован и символически подчеркнут, как и класс воинов у рендилле. Тем не менее, они хорошо осведомлены о маркерах различия между воинами и старейшинами у рендилле и связанных с ними поведенческих и социальных нормах. Они знают, что переговоры о мирном использовании соседних пастбищ и общих водопоях лучше вести со старейшинами и что множество воинов-рендилле, перемещающихся без скота означает неминуемую опасность. Все это является важным культурным знанием для успешных действий в межобщинной метасистеме.

Торговцы-сомали на территории рендилле (у которых нет возрастных классов) иначе используют это же знание; они могут отказаться нанимать старейшин в качестве пастухов, поскольку знают, что те склонны оставаться вблизи поселений, а не откочевывать подальше в поисках хороших пастбищ. Или они могут соединять силу с опытом, нанимая воинов и старейшин. Мы, таким образом, можем прийти к тому же заключению, что и Лич по поводу *качинов*, а именно, что «в этом контексте характеристики культуры, такие как язык, одежда, и ритуалы являются простыми символическими маркерами обозначающими различные секторы единой охватывающей структурной системы» (1954:17).

Зримость

Эмблемы, которые я до сих пор обсуждал, имеют одну общую черту – высокую зримость. Очевидным исключением является обрезание, поскольку на публике эти части тела обычно прикрыты, хотя у *рендилле* менее тщательно, чем у *габра* и *сомали* («Нет ничего уродливого в мужчине, почему же он должен прятаться?»). Среди женщин скромность более выражена даже у рендилле, и это обстоятельство, вместе с женской анатомией, делает клитеродектомию еще менее зримой, хотя она и аналогична мужскому обрезанию, маркируя статусное отличие (в этом случае невесты/замужней женщины, поскольку у женщин нет эквивалента возрастного класса воинов).

Формы обрезания у *габра* и *сомали* отличны от *рендилле* (Schlee 1979: 58 ff., 1989: Chap. 4). Мигранты-*рендилле*, подвергшиеся простому обрезанию в больницах, чтобы избежать насмешек городских женщин, позднее, на обрезаниях, практикуемых в общинах, подвергаются операции еще раз, чтобы быть обрезанным по более сложному образу, практикуемому у *рендилле*. Однако в случаях межэтнических браков второй операции обычно не делают; первое обрезание считается эквивалентным обрезанию *рендилле*. Оба вида рассматриваются как необходимые и достаточные для заключения брака. Если бы форма обрезания была более зримым отличительным признаком, возможно, это различие бы больше замечалось и обсуждалось, однако это только догадки. *Рендилле* говорят о *габра* и *боран* как о *chi ti ilko khabto*, «незнакомцах/врагах с зубами», потому что эти северные соседи не удаляют двух центральных нижних резцов. Я никогда не слышал, чтобы *рендилле* говорили о *габра* или *боран* как о «врагах со смешным стилем обрезания» или «с неполным обрезанием». То, что зубы здесь избраны в качестве маркера идентичности обусловлено, вероятно, их высокой зримостью.

Различные стили обрезания — с одной стороны, у *рендилле*, *самбуру*, *эльмоло*, *масеев* и, вероятно, у тех бантуязычных групп, о которых в ранней литературе писали как о «масаях-обезьянах», и, с другой стороны — у *боран*, *габра* и *сомали*, могут быть важны лишь для этнологов, интересующихся распространением обычая, но не для самих людей.

Этнобиологические категории

Существуют, однако, другие характеристики, которые являются не только незримыми, но и не имеют никакой эмпирической основы, и тем не менее, они приписываются хорошо определенным группам и являются, тем самым, маркерами идентичности. Некоторые из них относятся к области этнобиологии (этнобиология, как и другие этнонауки, представляет собой странную смесь эмного и этного понятий). Ее целью являются их понятия и убеждения, то есть эмный подход к описанию. Но поскольку биология является категорией *нашей* культуры, то есть этной категорией, приходится определять, что этнобиология — это сумма их верований о том, что мы бы назвали биологией. Между кланами *рендилле* нет никаких биологических различий, поскольку благодаря экзогамии генные характеристики всех кланов постоянно перемешиваются, что препятствует возникновению специфических генных частот или комбинаций на уровне отдельных кланов. Тем не менее, *рендилле* убеждены, что младшие подразделения клана *D'ubsahai*, как и кланы *Matarbá*, *Elegélla* и субклан *Gaalorra* из *Gaaldeilan*, так называемые «красные люди» (*'doo 'di gududan*), биологически отличаются от других *рендилле*, поскольку у их дочерей беременности длятся только семь месяцев (считая от первой пропущенной менструации, но не включая «периода ожидания» до этой менструации). Клан *Uyám*, *Urawén*, и *Tubcha*, напротив, являются *haiyan*. Они считаются особенно выносливыми и способными, не умирая, оставаться в буше без воды и еды на протяжении десяти дней. Их дочери, как и дочери *Rengumo*, имеют длинные беременности, иногда до одиннадцати месяцев. Все прочие *рендилле* являются «белыми людьми» (*'doo 'di dadakhan*). У их дочерей беременность длится нормальный срок.

Существует соблазн приписать эти различия ошибкам счета или систематически различным способам подсчета у различных кланов, но мне не удалось обнаружить ничего подобного, а когда спрашиваешь *рендилле* об этих поверьях, они просто подтверждают их как твердые факты. Ритуальная дифференциация кланов *рендилле* (Schlee 1979) находит, таким об-

разом, параллель в их поверьях относительно различий биологической природы.

Помимо *haiyan*, «красных» и «белых» существуют иные категории, которые объединяют сегменты различных классов и которым приписываются биологические особенности. Одной из таких категорий являются люди «К» (наименование «К» заменяет слово, которое нельзя произносить, не оскорбляя этих людей). Люди К живут в условиях вынужденной эндогамии и половой изоляции. Женщина не-К, находясь замужем за мужчиной не-К, должна сделать аборт, если она зачинает от мужчины К, поскольку полагают, что такой ребенок приносит несчастье своим сводным братьям и сестрам. Если это мальчик, то верят, что все его братья так или иначе будут устранены и он останется единственным наследником. Злая сила, исходящая от К находится в их сперме: про них говорят, что у них «плохая моча». Сходные поверья существуют относительно кузнецов (Schlee 1979: 194 - 215).

Трудно сказать, носят ли с эмной точки зрения различия К/не-К характер биологический или ритуальный, поскольку ни один из этих терминов не имеет точного аналога в языке *рендилле*, а отношение между ними не составляет строгую оппозицию даже в английском. Природа личности может меняться за счет ритуального акта: «мальчик» (возраст которого может достигать 29 лет), по поверью, может зачать только дурака, и такой ребенок должен подвергнуться аборту, в то время как обрезанный воин в качестве любовника замужней женщины может зачать здорового нормального ребенка.

Существует множество этнобиологических категорий этого типа, но вместо их перечисления, я ограничусь одним центральным понятием в этой области значений – «кровью». Эта категория, которая занимает важное место и в народных поверьях Запада, значима не только в рассуждениях о различиях человеческих натур у *рендилле*, но также и у *габра*, *сомали* и *боран*. Сходство или различие «крови» имеет важные следствия для тех, кого человеку разрешается убивать, а убийство является ядром культурного комплекса, связанного с достижением статуса (*Verdienstkomplex*), который, в свою очередь, иногда тесно, а иногда более свободно переплетен с системой *gada*. Для рассмотрения комплекса убийства мы должны, следовательно, сделать краткое отступление для изложения системы *gada*, с которой он тесно связан.

Gada, системы возрастных классов, обнаруживаемых, в основном, среди носителей равнинных восточных кушитских языков, характеризуются

поколенным принципом рекрутирования и точными расчетами времени (Haberland 1963; Jensen 1936) в связи с точно фиксируемыми годовыми циклами и изоциклическим календарем, в соответствии с которым циклы *gada* определялись с такой точностью, что оставалось мало места для учета демографии и адаптации к социальным требованиям. Системы *gada* включают иерархию рангов как внутри, так и между возрастными классами и тесно связаны с идеей карьеры (достижений). Карьерный комплекс может иллюстрироваться различными материальными и нематериальными благами, которым приписывается ценность в этих культурах, включая большие стада, растущие семьи (то есть критерии успеха, в которых плодовитость служит общим знаменателем) и наряду с этими ориентированными на плодовитость ценностями — убийство как контраст и дополнение: «Тот, кто не зачинал — зачнет; тот, кто не убивал — убьет» — часто цитируемая фраза, впервые записанная, кажется, Серули (Seruli 1933:125 f.).

Существуют различные правила, касающиеся разной крупной дичи, убийство которой связано с обретением церемониального статуса убийцы, однако упор в комплексе убийства делается на убийстве человека, что мы и будем здесь рассматривать. Связь между системой *gada* и комплексом убийцы наиболее очевидна у *боран*, которые вплоть до включения в современные государства предпринимали большие военные экспедиции после продвижения из одного возрастного класса в другой, так что их военная активность совпадала с (другими) церемониями жизненного цикла с пиками активности каждые восемь лет (Baxter 1979). Согласно амхарскому тесту XVI века (Bahrey, перевод Schleicher'a 1893 г.; цит. в Guidi 1973), каждый участник должен был убить одного врага, прежде чем ему разрешалось побрить голову. Свирепость этих воинов приписывалась Bahrey вшам, которые их мучили. Позднее достаточно было убить одного врага на всю команду, чтобы условие считалось выполненным. Считались лишь жертвы-мужчины, потому что в качестве трофея необходимо было вернуться с пенисом и мошонкой врага, но это не означало, что среди групп, которые разделяли данный комплекс убийцы, щадились женщины. Если не существовало политических причин для ограничения военных действий, ущерб врагу максимизировался за счет убийства и женщин тоже, сегодня, вероятно, в большей степени, чем прежде, поскольку государственный контроль, несмотря на его рудиментарность, делает невозможным держать в заложниках или продавать захваченных женщин.

Среди *рендилле* и *габра* убийство людей в контексте обряда обрезания, что в случае *рендилле* является инаугурацией в возрастной класс воинов, а

среди *габра* — условием для того же, было заменено убийством мелких животных. Таким образом, убийство людей, ассоциируемое с теми же символами, что и среди *боран*, стало независимым от возрастных циклов и теперь может совершаться в любое подходящее время.

«Кровь» является критерием, различающим, кого человек может убить, а кого — нет. Он не идентичен с этничностью, поскольку члены других этнических групп могут рассматриваться как обладающие такой же «кровью». Он, однако, оказывается связанным с возможностями допуска чужаков к публичным ритуалам и, следовательно, должен быть рассмотрен в терминах благосклонности/неблагосклонности. Существуют категории людей, о которых полагают, что брак с ними и их интеграция в домашние и публичные ритуалы способны содействовать преуспеванию группы, в то время как другие несут семена несчастий и нищеты. Я сначала рассмотрю связь между убийством и «кровью», а затем — между «кровью» и везением/невезением.

Вот одна из историй о связи между «кровью» и статусом незнакомца/врага. В неопределенное, возможно, мифическое время, молодой *боран* был одержим идеей эмигрировать к *арси*, другой, но враждебной группе *оромо*. Старейшины тщетно пытались его отговорить. Когда он отправился в путь, за ним были посланы воины, которые должны были убить его, поскольку полагалось, что если даже у него самого и не было враждебных чувств, его сын может однажды вернуться и начать войну против *боран*. Убить его должны были копьем, и принести его гениталии в качестве трофея. Но по пути воины передумали, поскольку они не хотели проливать кровь «брата». Когда они, наконец, настигли путешественника, они убили его дубинками и оставили тело целым. Вернувшись без трофея, они сообщили, как они его убили. Старейшины возмутились, поскольку они убили его не как врага, а как *боран*, и поражение врага (*killing*) впервые стало убийством (*murder*) — первым убийством среди *боран*. Чтобы восстановить расстроенный порядок была введена вира — компенсация в форме тридцати голов скота, выплачиваемая семье жертвы. Это и есть тема сказания — миф о происхождении платы за кровь²⁰. В этом эпизоде от-

²⁰ Интервью с Halake Guууо, *габра* (Galbo) в Калача, август 1980. Сравните также: «Боран, приговоренный к смерти, был убит ударами дубины в шею и пах, но кровь не была пролита» (Бахтер 1979: 70). Хотя среди *боран* не было казней, в рассказе Halake Guууо единственной альтернативной интерпретацией акта убийства было «убийство врага» противопоставляемое «убийству». У меня нет этому определенного объяснения; история может относиться к особому времени, когда среди *боран* еще не было казней, или о них нельзя было говорить, или же рассказ был упрощен. Однако в рассказе Halake Guууо's и Бакстера содержится одна и та же идея относительно метода убийства: только кровь не-*боран* может быть пролита.

деление, превращение в чужака должно было совершиться с помощью особого способа убийства. В норме эта связь — обратная: людей убивают особым образом, поскольку они — незнакомцы.

Хотя *габра* и *боран* говорят на одном языке, разделяют единую политическую систему в течение веков (о *габра* часто говорят как о «вассалах» *боран*) и вовлечены во взаимный ритуальный обмен, их «кровь» считается разной. Следствием этого является то, что даже сегодня в одиноких мальчиков-пастухов *габра* часто стреляют с безопасного расстояния, поскольку, как горько сетуют *габра*, *боран* нужны их гениталии, чтобы танцевать перед женщинами.²¹ С точки зрения политической рациональности это является отклонением, поскольку *боран* и *габра* рассматривают друг друга как союзников.

Взаимные нападения, осознанные или ошибочные, гораздо более часты между *габра* и *сомали*. Однако про *сомали* считают, что у них та же «кровь», что и у *габра*, особенно у членов фратрии *Odoola*. Предполагается, что *сомали*, убившие *габра*, и *габра*, убившие *сомали*, преследуются несчастьями и их семьи вымирают, потому что они пролили «свою собственную кровь». Но *сомали* являются мусульманами, значительно отличаются по культуре и говорят на непонятном для *габра* языке. Здесь мы сталкиваемся с парадоксом, когда политический союзник и культурно близкая соседняя группа считается принадлежащей к другой «крови», а враги, говорящие на странном языке, — к той же «крови», что и *габра*. Это имеет отношение к межэтническим клановым связям, описанным в другой работе (Schlee 1989).

Какое отношение эти идеи об идентичности или различии по «крови» имеют к таким категориям благосклонности и приемлемости участия в ритуалах? Скотоводы *габра* и *сакуйе* отказываются жениться на девушках *боран*, хотя эти девушки происходят из политически доминирующей группы, и такой брак являлся бы гипергамным. Но *габра* и *сакуйе* в этом отношении не заинтересованы в «браке наверх», поскольку, в соответствии с их взглядом, девушки *боран* «плохи для верблюдов». Таких женщин нельзя допускать к участию во многих ритуалах, поскольку эти ритуалы служат благополучию верблюдов; что бы ни являлось их объектом, так или иначе они связаны с верблюдами (Schlee 1989: Chap. 4). Кроме того, для *габра* стигмой является мать из *боран*. Я уже описывал в одной из работ, как *боран* должны были быть изгнанными со святых мест фратрии

²¹ Сравните также Baxter 1965: 65.

Galbo из числа габра в Эфиопии, прежде чем последние смогли начать церемонию пожертвования (Schlee 1987a).

После изложения этих актов дискриминации и сегрегации я хочу остановиться на последствиях предполагаемой общности по «крови» между габра, рендилле, сакуйе и сомали. Переход из одного возрастного класса в другой во фратрии *Galbo* у габра (Schlee 1987a, 1987b) требует участия одного из членов линиджа *Sheqal somali*, предоставляющего ткань для ритуального покрывала головы у старейшин, посвящаемых в самый высокий класс. Так происходило в течение поколений в рамках отношений обмена — в оплату этот человек получал верблюда.

Женщина, в чьем доме хранился священный барабан фратрии *Galbo* с 1972 по 1986 гг., была *рендилле* и выучила язык *боран*, на котором говорят *габра*, уже будучи подростком. То, что «матерью барабана», как называется эта женщина, была не *габра*, никого не беспокоило, поскольку девушки *рендилле* относятся к той же «крови» и «полезны для верблюдов».

Представленный анализ символизма «крови» в рассматриваемых культурах не является, разумеется, исчерпывающим, но мне, надеюсь, удалось продемонстрировать в рамках этого более скромного анализа, что сходства или различия по «крови» являются важным аспектом групповой идентичности.

Вопросы «реальности» и осведомленности

Можно оспорить статус описанных невидимых аспектов групповой идентичности, утверждая, что они не есть ее маркеры, но являются частями идентичности, которая маркирована, что они не есть символы, но части того, что символизируется. Но как мы можем провести линию между маркерами и тем, что маркируется? Идентичность определенного клана может быть создана за счет наименования, специфических пищевых запретов, мифов происхождения, кланово-специфических песен (национальных гимнов на микроуровне), домов особой формы, женских украшений (которые, будучи кланово-специфичными, могут означать, в зависимости от ситуации, незамужний статус или клановую принадлежность), кланово-специфических проклятий (проклятые представителями одного клана должны быть растоптаны носорогом, а представителями другого клана — укушены змеей), кланово-специфических жертвоприношений, вменяемых представителям клана особенностей характера, интеллектуальных и физических характеристик и др. Некоторые из названных черт

постоянно видимы, другие можно наблюдать лишь в определенных ситуациях, у третьих нет никаких эмпирических оснований, и мы можем лишь говорить, что есть такие верования, но не наблюдать того, к чему они относятся. Но все они указывают друг на друга и вместе образуют комплексную идентичность. Именно поэтому я не спешу отрицать квалификацию элементов, которые нельзя наблюдать иначе, чем в качестве излагаемых поверий как «маркеров идентичности».

И все же есть еще одно условие для квалификации элемента культуры как эмного «маркера идентичности». Члены культуры (и/или их соседи) должны о нем знать. Среди рендилле можно услышать: «*huggung 'ki gaal 'dakhamba a koo kal'dach*» — «обычай, касающиеся верблюдов, все одинаковы». Те из рендилле, что разделяют это поверье, полагают, что существует лишь один правильный способ ухода за верблюдами, включая направленные на них ритуалы, разделяемые всеми, кто содержит верблюдов. То, что таких способов может быть много, продемонстрировано сравнением рендилле и габра с сомали (Schlee 1988), или противопоставлением их форм ухода — тем, что используются у боран (Baxter 1966). Такое сравнение обнаруживает, что рендилле, габра, сакуйе и некоторые секции *Ajuran* и *Garre сомали* разделяют комплекс ритуалов и правил содержания верблюдов, из которого выпадают другие сомали и боран. Рассуждения о том, какие группы из кластера соседних народов более тесно связаны друг с другом, чем с остальными, и о том, как произошли эти сходства и различия, могут, конечно, иметь некоторые следствия для идентичности, и позднее образованные члены этих обществ могут обсуждать антропологическую информацию такого рода для определения себя и других. Но до тех пор, пока носители культур не осведомлены об этих сходствах и различиях, мы будем говорить о таких элементах в духе диффузионистской антропологии как о «чертах», а не «маркерах идентичности».

С ростом расстояния осведомленность о культурных сходствах становится все менее и менее вероятной. Пастух-Sarakatsani в Греции после полового акта должен тщательно вымыть руки, прежде чем приступить к доению овец; и обычно для стада дающих молоко овец стараются выбрать двух неженатых пастухов (Campbell 1964: 26).

Женщины, вступившие в половую связь, или девушки в течение менструального периода не должны без необходимости приближаться к овцам. Женщина не должна переходить путь пасущемуся стаду, отчасти по практической причине, потому что овцы прерывают свой ритм пастьбы,

но также и потому, что ее присутствие каким-то образом влияет на овец, и они могут заболеть (Campbell 1964: 32).

Козы, менее ценимый вид, могут доиться женщинами.

Рендилле, желающий подоить верблюдицу с верблюжонком, должен быть либо мальчиком, либо стариком, в любом случае тем, у кого не было полового сношения в течение не менее десяти месяцев. Сексуально активный мужчина может доить только ту верблюдицу, верблюженок которой погиб, поскольку считается, что доящий, имевший секс, вредоносен для верблюжат. Женщина никогда не должна приближаться к загону с верблюдами. Но женщины могут доить менее ценные виды скота, которые не служат центром ритуалов — овец и коз.

Ни один из *Sarakatsani* не посещал страну *рендилле*. Если бы какие-нибудь греки-мигранты в качестве торговцев или гидроинженеров попали туда, их могли бы удивить эти сходства — общая оппозиция между сексуальностью и женщинами, с одной стороны, и самками наиболее ценного вида скота — с другой, а также общий пастушеский этос с поразительно сходными чертами между их родиной и этим отдаленным местом. Вместе с *рендилле*, обсуждая эту тему, они могли бы развить понятие пастушеской «идентичности», которая связывает даже разные континенты. Но поскольку ничего такого не произошло, эти соответствующие обычаи являются не «маркерами идентичности», но лишь «чертами», и загадывают загадки лишь тем, кто профессионально работает с культурными различиями, то есть нам — антропологам. Функционалисты, диффузионисты, эко-детерминисты без успеха пытались решить эти загадки.

«Осведомленность», таким образом, является условием для использования элемента культуры в качестве «маркера идентичности». Но можно быть осведомленным и о чем-то, что фактически является неверным, однако это нисколько не умаляет возможность использования этого в качестве маркера. *Рендилле* называют *сомали 'Dafara*. *'Dafar* на языке *рендилле* означает «ткань». *Dafara* в силу этого иногда переводится на суахили как *kabila nguo* — «племя с тканями». По контрасту *рендилле* являются *kabila ngozi* — «племя со шкурами» (женщины носят кожаные фартуки). Эта народная этимология слова *'Dafara*, возможно, неверна, хотя мы не можем быть в этом уверены, поскольку первыми торговцами, привезшими ткани в страну *рендилле*, были *сомали*. На языке *боран сомали* называются *Safara* (косвенный падеж), и это наименование не имеет ничего общего с тканями (верно или ошибочно его связывают с арабским *safar*, «путеше-

ствие», толкуя как «путешественники»). Тем не менее, на эмном уровне имя и форма платья указывают на одно и то же, и для *рендилле* образуют часть идентичности *сомали*.

Эмная и этная перспективы: эмблемы против признаков

Культурное сходство или различие становится, как демонстрирует критерий «осведомленности», лишь полезным «маркером идентичности», если совпадения и контрасты поддерживаются пространственной близостью. Такие сходства и различия могут, однако, также использоваться в обсуждении вопросов идентичности при том, что носители сравниваемых культур не знают об этом, а расстояние между ними игнорируется. Такую позицию может занимать внешний наблюдатель, представляющий третью точку зрения вне сравниваемых культур. Это — то, чем часто занимаются антропологи. Такая перспектива скорее является этной, чем эмной. В этом контексте мы говорим скорее о «признаках», нежели о «маркерах идентичности» или «эмблемах». Сравнение признаков и комплексов признаков в комбинации с другими типами свидетельств может быть полезным для того, что Рэдклифф-Браун назвал «предположительной историей», и помочь нам, например, идентифицировать родственные кланы в различных этнических группах (Schlee 1979).

Такое «объективное» измерение культурных сходств никоим образом не ведет к его политическому приложению. Оно всегда приводит к этным интерпретациям, а не к эмным взглядам на идентичность. Если самоопределение что-то означает, то определения политической идентичности должны быть оставлены самим носителям этих идентичностей. При взгляде на реальные политические игры такая позиция может выглядеть идеалистичной. Тем не менее, мы хотя бы должны осознавать порог, который мы переходим от антропологии к политике, а не просто притворяться, что мы все еще находимся на поле научной объективности. Денч (Dench) пишет о том, как «объективный тест культуры» применялся в европейской истории:

«Не забывайте Версаль. Когда разразился кризис, и западным державам пришлось операционализировать принцип самоопределения, они легко соскользнули от позиции волюнтаризма к использованию культуры как объективного индикатора групповой приверженности. Меньшинства, которым нужно было обеспечить групповые права, определялись сверху, согласно языковым критериям. Их судьбы определялась в терминах истории, а не оставлялась на волю рынка. Выбор, вроде бы принадлежащий индивидам, делался сильными за счет слабых» (1986: 159).

Существуют различные методологические стандарты для работы с признаками культуры, как можно увидеть из следующего спора. В своей книге *Greater Ethiopia* Левайн (Levine 1974) перечисляет несколько культурных характеристик, позволяющих включить *оромо* в Великую Эфиопию как культурную область. В своей критике Левайна Бакстер (Baxter) и Блэкхерст (Blackhurst) оспаривают гребнеровский критерий формы (Graebner 1911), с которым, являясь британскими антропологами, они, разумеется, не знакомы²². Нельзя считать обрезание общей характеристикой для культур *амханк* (Amhanc) и *оромо*, поскольку «в одном случае речь идет об операциях у младенцев или мальчиков, а в другом — у политических лидеров, которые, по крайней мере символически, приближаются к уходу из активной политики» (Baxter and Blackhurst 1978:163). Обрезание у амхара, таким образом, означает нечто принципиально иное, чем у *оромо*. «Некоторые из черт, такие как “прически для обозначения статуса”, должны быть практически универсальными у человечества» (1978: 164), и т.п. Эта критика означает, что Левайн не соответствует стандартам исторической антропологии, и я вполне с этим согласен.

Кроме того, Левайна можно критиковать и с иной стороны, взяв в качестве исходного пункта отмеченное выше различие между «маркерами идентичности» (используемыми самими изучаемыми) и «признаками» (используемыми внешним наблюдателем). Мы можем добавить к критике книги Левайна Бакстером и Блэкхерстом, что даже если бы эти признаки были достаточно специфичны и формальны (а они таковыми не явля-

²² Другие британские антропологи также подходили близко к выводу Гребнера, не будучи с ним знакомы. «Оборки» у Лича (формальные сходства в различных культурах, которые нельзя объяснить параллельной функциональной адаптацией) значительно напоминают критерий формы. Я немного слишком диффузионист, чтобы поверить, что эти изобретения совершенно независимы. Но поскольку история культуры (*Kulturgeschichte*) не принималась всерьез большинством антропологов в Британии со времен Рэдклиффа-Брауна, эти идеи, должно быть, проникали туда весьма непрямым путем. С точки зрения наблюдателя, действия выглядят как средства достижения целей, и можно следовать совету Малиновского и классифицировать социальные действия в терминах их целей — например, по «основным потребностям» которые они, как представляется, удовлетворяют. Но обнаруживаемые таким образом факты остаются фактами техническими; их анализ не обеспечивает критерия для различения особенностей любой культуры... Например, при желании выращивать рис, разумеется, существенно и функционально необходимо расчистить кусок земли и засеять его семенами. И виды на урожай, несомненно, улучшатся, если этот участок огородить, а посеvy время от времени пропалывать. *Качины* (Kachins) все это проделывают, и делая это, они осуществляют простые технические и функциональные действия. Эти действия служат для удовлетворения «основных потребностей». Но в этом описании многое опускается. В «привычной практике» *качинов* рутинная расчистка земли, посев, огораживание участка и прополка соответствуют формальным конвенциям и пронизаны технически излишними «оборками» и украшениями. Именно эти оборки и виньетки превращают все эти действия из простых функциональных актов в действия *качинов*. По происхождению детали обычая могут быть исторической случайностью (Leach 1954: 11 f.).

История культуры (*Kulturgeschichte*) изучает, как возникают такого рода случайности, сравнивая как раз такие «оборки» и украшения, и пытаясь реконструировать тот путь, которым эти элементы пришли к их современному географическому распределению.

ются), чтобы стать основой постулирования Эфиопии как культурной области (которой она не является), все равно это не оправдывает данное Левинем заглавие книги, которое звучит как политический лозунг. Считает ли затрагиваемое население эти признаки релевантными для своей идентичности, и желают ли они жить в рамках единой государственности, должны решать они сами; это не является антропологической проблемой, которую нужно решать антропологам.

Даже относительно простая интерпретация культурных материалов как «маркеров идентичности», не говоря уже о сложных символических ее аспектах, не может, как, я надеюсь, удалось продемонстрировать, избежать таких вопросов, как «кого отличают от кого» и «кто это в какой ситуации проделывает». Значение таких эмблем меняется от случая к случаю.

Чистота и власть в мусульманских и немусульманских обществах и спектр фундаментализма*

1. Введение

В предыдущих главах речь шла о перспективе, в которой идентификации себя и других были связаны с воспринимаемыми целями и преследованием выгоды. В этом разделе данная перспектива будет распространена и на область религии. В качестве аналитического концепта «религия» имеет тот недостаток, что не является универсальным понятием. Оно в высокой степени зависимо от культуры. Само слово (лат. *religio* — «быть привязанным к») устанавливает дуализм между этим и иным миром и связь между ними. Другими словами, оно предполагает существование сферы сверхъестественного (и, тем самым, природного), или трансцендентного бога (и, тем самым, профанного мира). Это не является универсальным верованием, и можно сомневаться относительно существования большого числа людей за рамками иудейско/христианско/мусульманского мира, которые бы разделяли этот дуализм, восходящий к зороастризму. Именно поэтому в качестве более общей категории я всегда предпочитал термин «система верований» (Schlee 1979). Некоторые из этих «систем верований», не являющиеся дуалистскими и не соответствующие понятию религии в его исходном смысле, тем не менее, под давлением глобализации и нежелания выступать на вторых ролях по сравнению с христианством и исламом, позиционируют себя в качестве «религий». Их защитники хотят вписать их в эту же категорию, и именно из-за такой категоризации возникает общность рамки для конкуренции.

Некоторые полагают, что религия представляет собой сферу, где духовность обладает высокой степенью автономии. Мы, однако, обнаруживаем, что религиозная идентификация столь же тесно переплетена с экономикой и политикой, как и идентификация этническая. В терминах исключения конкурентов она может быть даже особенно эффективной из-за ее морального измерения.

Вместе с темой религии мы входим в сферу, которая занимает большое место в новых политических идеологиях. Во время завершения холодной войны около 1990 г. наблюдался интенсивный поиск врага. Страх перед роспуском НАТО из-за отсутствия врага и связанными с ним

* Большая часть главы основана на: Schlee 2003e.

структурными изменениями обусловил по капризу выбор ислама в таком качестве, возродив, казалось навсегда побежденное Просвещением, противостояние с христианским Западом. С тех пор наши коллеги-востоковеды только и заняты, что борьбой с карикатурными изображениями ислама в средствах массовой информации. Нечего и говорить, что это положение еще более обострилось после 11 сентября 2001 г., когда, странным образом, крестовые походы и донкихотствующие рыцари вернулись, чтобы защищать Запад против реальных и воображаемых угроз исламистов по всему миру. Мы вернемся к этой связи при рассмотрении сомалийского мирного процесса в следующей главе. Там мы увидим, что близость к суфийским орденам используется современными умеренными как доказательство их безвредности. В этом разделе мы рассмотрим, как те же самые суфийские ордена в XIX и начале XX веков были организационной рамкой воинствующего ислама. То, что воинствующие сегодня могут стать умеренными завтра, позволяет релятивизировать некоторые нынешние опасения.

В этом разделе мы также покажем, что связь между совершенством в отправлении религии или ритуала и притязаниями на власть вовсе не специфична для ислама и не зависит от определенных верований. Чтобы обосновать это, мы начнем наше рассмотрение с неисламских регионов Африки.

Связь между чистотой и властью в африканских системах идей может быть прямой: человек может утратить свою (ритуальную) власть, например, способность эффективно проклинать или благословлять, из-за несоблюдения стандарта чистоты, как, например, нарушения правила избегания. За счет таких разграничений создаются социальные иерархии между кланами, обладающими и лишенными специфической ритуальной и политической власти, а также между профессиональными группами с высоким и низким статусом. В других контекстах отношения между чистотой и властью могут быть не прямыми, а опосредованными моральными понятиями: подчинение ритуалу может рассматриваться как индикатор морального стандарта, позволяющего человеку претендовать на политическую власть. И наоборот, неподчинение ведет к устранению от власти. Конкуренция за формы власти, которые становятся за счет этого законными, может приводить к быстрому окостенению (*rigidification*) верований и ритуальной практики. Примеры можно обнаружить в недавних событиях в исламе и христианстве. Чистота обычно сопровождается риторическим исключением «нечистых».

Рендилле, группа кочевников, пасущих верблюдов на аридных низменностях северной Кении, живут в условиях нерегулярной войны со своими соседями²³. У одной из десцентных групп из их числа — подклана *Gaalorra* из клана *Gaaldeylan* есть способность произносить особенно действенное проклятие против врагов *рендилле*. Обобщая, можно сказать, что у них есть власть над противником. О *Gaalorra* думают, что они не только способны с помощью сверхъестественных средств останавливать врагов от нанесения вреда *рендилле*, но и что они способны причинять вред другим *рендилле*. Целая группа подкланов среди *рендилле*, в которую входит и *Gaalotta*, именуемая *ibire*, имеет способность произносить благословение и другие заклятия. Один из кланов находится в ритуальном отношении со слонами, поэтому если кто-то оказывается растоптанным слоном, это приписывается проклятию данного клана. Другой клан имеет сходные отношения с носорогами, а третий — со змеями. Носителем проклятия *Gaalorra* является лошадь. Может показаться странным, что домашняя лошадь оказалась в ряду столь опасных животных, однако она здесь ассоциирована с вражеской кавалерией. В прежние времена *боран* устраивали нападения для угона верблюдов у *рендилле* на лошадях. Это был простой способ: нужно было ворваться на лошади в стадо верблюдов, и испугавшиеся животные убежали вместе с лошадьми. Здесь, как и во многих других частях Африки, образом врага и захватчика является всадник на лошади.

Рендилле не образуют однородной в отношении культуры единицы. Многие из их культурных характеристик являются клано-специфичными, как и пищевые запреты. У *Gaalorra* — больше пищевых запретов, чем у других *рендилле*, и некоторые из них трудновыполнимы. *Рендилле* не охотятся много, но, например, если в сезон дождей жираф застревает в грязи, он будет разделан и съеден *рендилле*, за исключением *Gaalorra*. Они избегают дичи любого вида. В прежние времена они не ели и козлятины, хотя держали коз, как и остальные *рендилле*, а те, как и овцы, являются важным источником мяса для всех *рендилле*, поскольку мало кто среди них решается убить верблюда.

Что случится, если *Gaalorra* поддастся соблазну и съест, скажем, мясо антилопы, подстреленной полицией или браконьерами? Кто-то скажет, что ничего особенного. Он не упадет замертво или не заболеет. Но про не-

²³ Этот раздел был впервые подготовлен в качестве доклада на факультете этнологии и антропологии университета Любляны в мае 2003 г. Он был сделан на основе сообщения на Второй международной конференции «Иерархия и власть в истории цивилизаций», СПб., 4-7 июля 2002 г. Я благодарю Фернанду Пири (Fernanda Pirie), Кристину Кель-Бодроги (Krisztina Kehl-Bodrogi) и Беттину Манн (Bettina Mann) за их тщательное прочтение доклада и комментарии.

го (и он сам) будут считать, что он утратил ритуальную силу благословения и проклятия. Для того чтобы обрести ее снова, ему нужно будет подвергнуться очищению. Его рот должен быть промыт мочой необрезанных мальчиков. Если люди часто поддаются соблазну есть дичь, то после пары ритуалов очищения они предпочитают отказаться от обладания ритуальной властью заклатья.

Я взял случай *Gaalorra* в качестве отправной точки, чтобы перейти к более широким сравнениям и обобщениям относительно «чистоты и власти»²⁴. Связи между представлениями о чистоте и представлениями о власти, наверное, существуют повсюду, но я черпаю мои примеры из северной Африки, поскольку я — африканист и знаю об этом континенте больше, чем о других. Большая часть представляемого материала касается исламских обществ и имеет дело с отношениями между чистотой и совершенством в различных течениях ислама, однако я сознательно избрал не исламских *рендилле* в качестве отправной точки, чтобы показать, что такого рода идеи укоренены в гораздо более широком контексте и что нет ничего особенно исламского в основной идее приписывания власти тем, кому удастся сохранять определенные стандарты ритуальной чистоты. Результатами следующих сравнений являются:

1. Связь между чистотой и властью или, иначе сказать — между стандартами соблюдения ритуалов и формами наделения полномочиями — остается довольно похожей в разных контекстах.

2. Наличие этой связи может быть продемонстрировано в исламских и не исламских контекстах, а внутри ислама — в суфийских и анти-суфийских течениях.

3. Она может сопровождаться разнообразными моральными рассуждениями, которые, однако, не являются для нее существенными. Она может существовать и без сопровождающих моральных или теологических доктрин.

2. Другие примеры из не исламской Африки

Регион, непосредственно примыкающий к северным равнинам Кении — нагорья юго-запада Эфиопии — предоставляет другие иллюстрации связи чистоты и власти в традиционных системах верований и в различных ветвях христианства, которое здесь с ними конкурирует.

²⁴ Фраза «purity and power» в заглавии, разумеется, использована под влиянием книги Мэри Дуглас (Mary Douglas) *Purity and Danger*, что предоставляет возможность паразитировать на чужой славе. Сама фраза была предложена Стивеном Рейна (Stephen Reuna).

Браукемпер (Braukämper 1984) указывает на тесные связи между пищевыми запретами и социальным статусом во всем регионе. Позднее Фримэн и Панкхерст (Freeman and Pankhurst, eds. 2001) описали, как маргинализованные группы (ремесленники и охотники или бывшие охотники) не допускаются в качестве сотрапезников окружающими земледельческими сообществами (стр. 5). Исходящее от них загрязнение приобретает, как считают, благодаря их пищевым привычкам. Они ели «нечистое» мясо животных, добытых на охоте, либо животных, убитых способом, отличающимся от предписанного.

Для *Maale*, живущих на горной цепи, окаймляющей южную границу эфиопского нагорья, «богатство и власть автоматически означают высокий ритуальный статус» (Donham 1999: 114). Ритуальный статус и связываемый с ним успех в жизни зависит от того «правильно ли соблюдал *Maale* его или ее клановые табу и обычаи» (там же, стр. 113).

Такие табу, одни кланово-специфические, другие общие, включают:

- употреблять пальчиковое просо с молоком;
- позволять грудному молоку падать на точильный камень;
- пробовать новый урожай, до того, как его попробует старший брат;
- пробовать молоко от снова начавшей доиться коровы, если она принадлежит младшему брату, а старший еще не совершил требуемого ритуала;
- есть мед от пчел, поселившихся в улье младшего брата, пока его не попробовал старший брат;
- правонарушения, например, воровство и убийство.

В книге Донхэма нет ничего, чтобы позволяло бы заключить, что это — исчерпывающий перечень. Эти запреты могут быть просто первыми пришедшими ему в голову примерами. Однако важно, что все эти табу, кроме последнего, имеют дело с пищей или порядком ее приема. С точки зрения обращенных, христианство стало освобождением от этих табу (Donham 1999: 115-117).

Этот эмный взгляд вступает, однако, в противоречие с описанием крещения, когда обращаемый пришел на миссионерскую станцию, чтобы получить медицинскую помощь. Его просят сначала принять христианского бога. Он это делает и получает наставление: «Не кури табак. Не пей пиво. Не пей ничего, что делает тебя пьяным. Пищу ешь. Не кури табак. Сторонись проституток» (Donham 1999: 111).

Для христиан чистота также связана с вещами, которые входят в соприкосновение с телом, за счет приема пищи или полового акта. Но по

крайней мере для протестантских миссионеров из Канады во внутренней суданской миссии, о которых Донхэм пишет в связи с *Maale*, греховность определенных видов поведения обусловлена моральными или рациональными мотивами. Мы полагаем, что алкоголь вызывает отвращение у миссионеров из-за его эффекта интоксикации, а проституция не поощряется из-за ее плохого влияния на общественное здоровье или такие уважаемые установления как брак и семья.

Во многих системах верований таких рационализаций или моральных связей не требуется. Субстанции обладают прямым ритуальным действием. В упомянутом выше случае *рендилле* нет разницы, съел ли он мясо антилопы намеренно, или случайно. Женщины на Новой Гвинее должны уединяться, а мусульманским женщинам не разрешается молиться или поститься во время менструации, хотя никто не утверждает, что менструация морально осуждаема. Кстати, если у мужчины из небольшой ранки сочится кровь, то и ему молиться нельзя.

Вернемся к *Maale*: как традиционалисты, так и христиане среди них должны соблюдать стандарты чистоты, чтобы сохранить свой статус в соответствующих группах. А статус связан с богатством и властью. Донхэм сообщает, как христиане поддерживают друг друга в земельных тяжбах и как христианство побеждает власть старейшин.

Среди *Konso* немного далее к востоку Уотсон (Watson 1998: 205) обнаружила, что их земледельцы считают вездесущих ремесленников (именуемых здесь *xawuda*) нечистыми и способными загрязнить людей, важных для ритуалов. Помимо этого избегания, ритуальная важность окружается множеством правил. Специалистов по ритуалам и людей, занимающих важные политические посты, у *Konso* называют *nama dawra*, что переводится как «человек, для которого есть запреты» или «человек, который заперщен».

Poqalla являются ритуальными лидерами общин *Konso* и (в прошлом реальными, а теперь номинальными) владельцами земли. Люди у власти среди *poqallas* состоят не из всех, кто родился в линидже *poqalla*, и не из тех, кто достаточно богат, чтобы квалифицироваться как *poqalla*, но лишь из тех, кому помогают духи. Эти влиятельные *poqallas* являются типичными *nama dawra*. Насколько тесно их статус связан с ритуальной чистотой и окружающими его табу лучше всего демонстрируется его утратой. «Во времена революции [1974...] революционеры отрезали все его [молодого *poqalla*] волосы (даже дотрагиваться до них было табу) и заставили его нарушить другие табу, принудив его есть с другими людьми и есть и пить та-

кие загрязняющие вещества как кровь. Таким способом они разрушили его особый физический статус *poqalla*» (Watson 1998: 261).

Те из *Konso*, которые перешли в христианство, соблюдают новые стандарты чистоты и становятся частями иных сетей власти. Даже протестанты следуют широко распространенному эфиопскому обычаю употребления в пищу только мяса животных, убитых членами их группы (Watson 1998: 255). Мясник иной религии будет источником загрязнения. Протестанты полностью избегают участия в ритуалах, связанных с *poqalla*. Православное христианство, с другой стороны, рассматривается как более близкое к местной практике и магии, и принадлежность к нему может сочетаться с участием в традиционных ритуалах и даже со статусом *poqalla*. «В случае протестантской церкви, крестившиеся *poqallas* отказались полностью от своей прежней роли. Однако замечено, что бывшие *poqallas* часто становятся влиятельными и занимают центральное положение в церкви, и, можно сказать, заменили один набор притязаний на власть — на другой» (Watson 1998: 253). Следование за *poqalla* или принадлежность церкви представляют собой альтернативные стратегии доступа к земле.

Мы можем здесь прервать описание примеров и попытаться идентифицировать закономерности. Все наши примеры имеют дело с людьми, ищущими доступа к ресурсу (здесь, чаще всего — к власти, которая является способностью заставлять людей делать то, что хочешь. Желаемое может быть и просто воздержанием от действия. Можно желать, чтобы другие уважали твое право на доступ к материальным ресурсам и не оспаривали его. «Власть» в этом широком смысле включает проклятия у *рендилле*, земельные права у *poqalla*, авторитет в новых церквях. Власть является ресурсом, открывающим доступ к другим ресурсам). Между людьми и ресурсом стоит ритуальное требование, которое они должны соблюдать, для того, чтобы узаконить доступ к ресурсу. В названии этого раздела мы использовали слово «чистота» как обозначение такого рода требований. Мы можем приписать две величины каждой из этих переменных (большое или малое — для числа людей; низкие или высокие — для требований ритуала; обильные или скудные — для ресурсов) и поместить их в таблицу, что позволит нам порассуждать о сценариях, получаемых от разных комбинаций этих величин.

Сценарии с 1 по 8 имеют высокие либо низкие показатели за счет систематической пермутации. Сочетание факторов в сценарии 8, интенсивная конкуренция за скудный ресурс, кажется, наиболее часто встречаема

в реальном мире, и в этом разделе мы обнаружим множество ее иллюстраций из старой и недавней истории Африки.

Упоминание о земельных конфликтах у Донхэма и Уотсон позволяет предположить, что среди *Maale* и *Konso* — земледельцев нагорий — земля относится к скудным ресурсам, и мы, следовательно, можем предположить, что ритуальный статус, дающий право распоряжаться землей, ценен и окружен высокими требованиями. Мы можем рассматривать это как случай, близкий к сценарию 8.

Один из пунктов, отмеченных Уотсон при описании *poqallas* у *Konso*, заставил включить в таблицу сценарий 9. Не все *poqallas* должны соответствовать одинаковым ритуальным требованиям и стандартам чистоты. Те, кто выполняет более жесткие требования, имеют больше власти. Она поясняет: «Существует связь между чистотой и ритуальной властью; число и экстремальность табу пропорциональны важности *poqalla*». Местный *poqalla* соблюдает некоторые пищевые запреты, но сам может выращивать еду. На более высоком уровне *poqallas* уже не могут делать этого, и им не разрешается есть пищу, выращенную другими членами их семьи и приготовленную женщинами из их дома. Для наиболее важных из этих *poqallas* оговаривается, что такие женщины должны быть девственницами и т.д. С движением вверх по шкале власти табу становятся более изощренными и многочисленными (Watson 1998: 203).

Если случаи 1-8 могут рассматриваться как основные, случаи 9 и 10 представляют собой смешанные или сочетанные типы. Случай 10 представляет собой динамическую модель развития случаев 1 или 5, движущихся в сторону случая 8. Мы встретим исторические примеры, когда объединение с более привилегированной группой осуществлялось при растущей конкуренции, а критерии для него ужесточались. Рассматривая более широкую базу для сравнений, мы обнаруживаем, что корреляции между жесткостью ритуальных требований и ростом статуса сохраняются лишь до определенного уровня. На самом пике иерархии правила могут отменяться, а нарушения табу — разрешаться или даже требоваться (например, брак между сестрой и братом, запрещенный в древнем Египте, практиковался фараонами; легендарные мусульманские святые имели в женах сестер, что запрещено шариатом и т.п.).

Таблица 1: Объяснительные переменные и результирующие сценарии в межгрупповых отношениях

	Число людей, стремящихся к доступу	Требования к получению прав	Доступность ресурса	Результирующий сценарий
1	малое	низкие	обильный	Гармония. Никаких проблем не ожидается. Возможно, небольшая группа людей открыла новую нишу с обильными ресурсами.
2	большое	низкие	обильный	Бонанза. Многие люди имеют доступ к ресурсу, который пока остается обильным. Ситуация нестабильна, поскольку в какой-то момент ресурс истощится. Если в качестве ресурса выступает власть, это означает, что ею будут делиться все в меньших объемах, что в итоге сделает ее бессмысленной.
3	малое	высокие	обильный	Доступ к обильному ресурсу произвольно ограничен. Такое сочетание редко встречается в реальности.
4	большое	высокие	обильный	Несмотря на большое число людей, стремящихся к доступу, относительно обильный ресурс защищается высокими требованиями к получению прав на него. Как и в случае 2, это маловероятно. Обильные ресурсы обычно не сопровождаются высокими требованиями к правам доступа, даже в тех случаях, как сейчас, когда существует большое число стремящихся получить его, ресурс может быть быстро исчерпан.
5	малое	низкие	скудный	Малая ниша. Мало людей с более или менее одинаковыми правами разделяют ограниченный ресурс. Могут существовать факторы, ограничивающие рост, как, например, контроль за ростом населения.
6	большое	низкие	скудный	Небольшой доступный для всех ресурс быстро истощается.
7	малое	высокие	скудный	Небольшая ниша с ограниченным ресурсом защищена высокими требованиями к правам на доступ. Ситуация несколько облегчается за счет малого числа претендентов.
8	большое	высокие	скудный	Интенсивная конкуренция. Следует ожидать появления таких стратегий исключения как окостенение норм, дискриминация, или насилие.
9	постоянное	от низких до высоких	общее количество постоянно; но размещен пропорционально требованиям	Во властной группе больше власти у тех, кто отвечает более жестким требованиям. Подтипом этого сценария может быть ситуация, в которой самая верхушка властителей освобождена от требований ритуала, и нарушение табу от них даже ожидается.
10	растущее	растущие	постоянный или сокращающийся	Число претендентов растет, и требования становятся все более жесткими.

Теория, подразумеваемая таблицей, слишком макроскопична. Она касается количественных распределений и сценариев. Она не спускается до уровня индивидуальных решений. Теория решений по поводам чистоты и исключения должна отвечать на вопросы, подобные таким: при каких обстоятельствах индивид принимает риторику исключительности, при каких обстоятельствах он/а изберет эгалитарный этос/будет требовать права для меньшинств/прибегнет к насилию/станет религиозным/ой и т.д.? Такая теория может быть написана, однако ее изложение потребует слишком много места.

3. Разные уровни «ужесточения» в исламе

Я теперь перехожу к рассмотрению исламских обществ, сначала к нескольким примерам, в которых играет роль суфизм, а затем к современным формам ужесточения в исламе, отрицающим суфизм. Я должен разочаровать тех, кто ожидает новых объяснений, связанных с этими различиями: основные закономерности, которые мне удается обнаружить, одинаковы для суфизма и анти-суфизма, а также для исламских и неисламских контекстов. Правила, касающиеся чистоты и ритуальной практики, становятся более строгими, когда растет конкуренция за доступ к ресурсам (объединение с привилегированной группой, политическое лидерство), и это не зависит от разновидности исламских или неисламских верований, которых придерживаются рассматриваемые в примерах люди.

Ужесточение ритуальных требований для держателей власти происходит в тех случаях, когда потенциальных держателей становится слишком много и внутренний круг определяется так, чтобы исключить их часть (случай 10 в приведенной таблице, который при минимальном списке сценариев мог бы быть и опущен, поскольку в реальности представляет собой простой переход от случая 1 к случаю 8).

Термин “rigidification” (ужесточение, окостенение) некорректно звучит по-английски для тех носителей языка, с которыми я консультировался, и отсутствует в небольших словарях. Мой компьютер продолжает подчеркивать его как неправильный. Я использую его как субстантивацию от глагола “to rigidify” (придавать жесткость, строгость, тугоподвижность; коченеть, цепенеть, окостеневать и т.п.), если такой глагол существует, или “making more rigid” (делать более жестким, строгим). Позвольте мне кратко пояснить, зачем мне необходим этот необычный термин. Ислам несколько раз переживал фазы, при которых подчеркивалось правильное исполнение деталей ритуала и в ходе которых религия превраща-

лась в набор правил, по крайней мере, для ее обычных последователей. Соблюдение этих правил не доверялось индивидуальному верующему, но контролировалось государством. Было предпринято избирательное и буквалистское прочтение ислама для того, чтобы правила проникли во все сферы жизни и регулировали их.

В новых работах этот процесс часто именовался «исламизацией» общества. Однако этот термин, хотя и используется критиками, ориентирующимися на секуляризацию, ненамеренно поддерживает перспективу «фундаменталистов», которую они хотят критиковать. Последние тоже скажут, что всякий, кто не разделяет их интерпретации шариата и их практики ислама не является настоящим мусульманином и нуждается в «исламизации». Но я — не теолог, а представитель социальных наук, поэтому я не хочу поддерживать это нормативное понятие. Я не хочу за счет его использования поддерживать впечатление, что общества, которые воспринимали себя в качестве исламских в течение тысячи лет или около того, только теперь подвергаются «исламизации». Я не хочу также комментировать, является ли одна разновидность ислама лучше или более исламской, чем другая. Но я могу наблюдать и, не колеблясь, утверждать, что некоторые из форм ислама являются более строгими в отношении регламентации одежды и требований ритуала, чем другие, а процесс, который ведет к их возникновению и распространению я называю «ужесточением». Другим термином, которым я иногда пользуюсь в этом контексте, является «интенсификация». Мне он нравится по сходным причинам: он близок к описательному уровню и относительно свободен от нормативных подтекстов. Оба термина, разумеется, синонимами не являются: взаимодействие религиозной веры и практики может, но не обязано, сопровождаться приобретением более жесткого или стандартизованного характера.

Термины чистота/очищение и ужесточение здесь, однако, используются почти как синонимы. Это не случайно и не произвольно, поскольку при взгляде изнутри (эмном рассмотрении) на рассматриваемые системы верований идеи физической чистоты (*cleanliness*), ритуального целомудрия (*rigidity*) и послушания закону тесно взаимосвязаны. Из инструкций как быть мусульманином Афазлура Рахмана (*Afazlur Rahman 1980: 70-74*) мы узнаем, что омовения являются не только приготовлением к молитве, но и ее важной частью. И мы уже рассматривали выше, что даже у неисламских *рендилле* последствия нарушения табу ликвидируются своеобразным омытием.

3.1. Суфизм

Как показал в своей книге *Сануси Киренаики (The Sanusi of Cyrenaica)* Э. Э. Эванс-Причард (E. E. Evans-Pritchard 1954), суфизм возник как реакция на буквалистские и ритуалистские тенденции в доминирующем исламе, что оставляло слишком мало места для религиозного энтузиазма и экстатического измерения религии. С самого начала на него также оказывали влияние неисламские формы религиозного аскетизма, например, аскетизма христианских и буддистских монахов, а возможно, и йоги²⁵. Неудивительно, что суфизм способен на многое в адаптации к местным культурам и в удовлетворении духовных потребностей людей с различными доисламскими корнями.

С другой стороны, суфийские тарикаты²⁶ также вырабатывали свои методы для достижения спасения во взаимно исключаящих и конкурирующих терминах: они утверждали, что являются единственным путем к спасению или по меньшей мере таким, который в тысячу раз безопаснее, чем любой другой. Их лидеры, особенно в Африке XIX века требовали авторитета, которому лишь чуть-чуть недоставало до статуса пророка, поскольку они не называли себя «пророками», утверждая, что этот титул согласно учению ислама, нельзя носить после Мухаммеда, «печати пророков». Здесь мы сталкиваемся с все возрастающей строгостью и все более узким определением того, кто является истинным мусульманином. Подчинение суфийскому шейху становится условием для того, чтобы стать истинным мусульманином. Пословица гласит: «Если у тебя нет шейха, им становится дьявол». Развитие суфийских движений может рассматриваться как процесс интенсификации, в ходе которого они становятся ритуально более сложными и строгими, а в политическом отношении требующими исключительной лояльности.

Я начну с краткого описания современной суфийской общины в северной Кении, которая не прошла через процесс интенсификации такого рода: она свободно интегрирует доисламские верования и практики. Путешествуя по Судану и читая о нем, я ни разу не сталкивался с ветвью суфизма, которая развила бы такую же степень синкретизма. Ближайшей параллелью, которая приходит мне в голову, являются доминируемые женщинами культы одержимости *zar* (Boddy 1989). От этого случая с относительно открытым и гетерогенным сообществом я перейду к рассмотрению других случаев, в которых ислам, как суфийский, так и не суфийский «оцепенел».

²⁵ Schimmel 1995 (1985) о влиянии христианства и буддизма: 13, йоги: 28.

²⁶ *Tariqa* (буквально «метод») — религиозное братство. Да простят меня пуристы за употребление английского множественно числа — *tariqas*; на арабском оно звучит как *turuq*.

3.1.1. Случай Сакуйе

Экстатическая религия связывается некоторыми теоретиками (например, I.M. Lewis 1978) с депривацией. Пример *Сакуйе*, по видимости, соответствует этой теории. *Сакуйе* были оромо-говорящими пастухами верблюдов, когда они были обращены в ислам в первые десятилетия XX века. Когда британцы организовали референдум в северной Кении в 1962 г., чтобы установить, желает ли население быть частью этой страны, поскольку Кения тогда была на дороге к независимости, или же предпочитает войти в новую независимую объединенную республику Сомали, *Сакуйе* предпочли Сомали, страну мусульман-пастухов, как и они сами. Хотя это являлось мнением большинства в северной Кении, эту часть страны присоединили к Кении, поскольку переговоры с кенийской делегацией в Лондоне, к тому времени как референдум завершился, достигли той стадии, когда уже нельзя было делить территорию будущей нации. Жители севера и их новые центральнокенийские хозяева благодаря референдуму с самого начала знали, чего следует ожидать друг от друга, и тут же разразилась гражданская война, известная под именем кризис *shifita*. Верблюжьи стада *Сакуйе* были расстреляны из пулеметов. Остаток скота погиб, когда *Сакуйе* содержались в лагерях («keeps»), окрестности которых в результате перевыпаса быстро лишились травы, поскольку лагеря не перемещались. Рассказывают также о жестокостях и убийствах, когда враги *Сакуйе* законопослушные *боран* перегоняли их на восток.

В начале 1970-х гг. обедневшие остатки *Сакуйе* собрались у Дабеля (Dabel), группы холмов ниже куэсты эфиопского плато на кенийской стороне. Там выпадало чуть больше дождя, чем на равнине и можно было заниматься фермерством, хотя и малоприбыльным, с высокой степенью риска. Праведник нашел подземные воды, и были вырыты новые колодцы.

Здоровые молодые люди зарабатывали на жизнь браконьерством. Некоторые из них умирали от жажды на бесконечных равнинах, пытаясь доставить в Сомали контрабандой шкуры леопардов. Многие из молодых людей не могли уплатить выкуп за невесту. Если бы родители девушек-*Сакуйе* настаивали на выкупе, то большая их часть вышла бы в результате замуж за претендентов из не-*Сакуйе*, а многие молодые люди из *Сакуйе* остались бы холостыми. Для того чтобы избежать этой ситуации, плата за невесту была отменена, и в течение некоторого периода практиковалась этническая эндогамия.

Направленные на защиту верблюдов ритуалы, которых *Сакуйе* ранее придерживались в форме, похожей на ритуалы их соседей *габбра* и *рендил*

ле (ср. Schlee 1994: гл. 4), утратили свое значение с потерей верблюдов. Их все еще номинальная связь с исламом (в который они перешли под давлением их соседей-сомали) не удовлетворяла их духовных нужд. Эта нехватка была восполнена с помощью *Husayniyya*, суфийского братства, названного в честь легендарного шейха Хусейна (Husayn) из Бале, юго-восточная Эфиопия (Andrzejewski 1972, 1974; Baxter 1987; Braukämper 1989).

В Дабеле это братство было представлено Abba Ganna. Это имя означает «отец сезона дождей», а более точно — весенних экваториальных дождей, ливней, которые дают имя «году», то есть «отец богатства, отец изобилия». Оно является аллюзией (или было вдохновлено) на заглавие агиографии шейха Хусейна, опубликованной в Каире, *Rabii'ul quluub*, «Время весны сердец».

Когда я встретил Abba Ganna в 1980-х гг., он был уже стариком с телом огромных размеров. Он жил в постоянном уединении за занавесом, а когда оставлял свою хижину, его сопровождал сын с большим зонтом, укрывающем его от солнца и взглядов. У него был разрешенный законом максимум жен — четыре. Когда он развелся с одной из них, он тут же взял молодую невесту в качестве замены.

Души святых могут путешествовать во времени и пространстве и встречать других святых, живых и мертвых. Это хорошо известно из суфийских легенд во всем исламском мире. В Дабеле, однако, по крайней мере в народных верованиях, арабское понятие *awliya* (ед. число *wali* — «праведник, святой») смешано с боранским (оромо) понятием *ayaan* — «дух» вообще, включая «дух животного» (Bartels 1983).

Существует история, в соответствии с которой в то время, когда *Сакуйе* уже опять развели немного скота, Abba Ganna не хотел, чтобы их стойки перемещались далеко от Дабеля. Несколько стоянок все же были организованы на отдаленных пастбищах, но были атакованы львами, и людям пришлось вернуться, после чего львы их больше не тревожили. Этот эпизод рассказывается в подтверждение тому, что у души Abba Ganna есть способность общаться со львами или их душами.

Карьера Abba Ganna вписывается в классическую модель главы культа одержимости, которая наблюдается в разных частях мира и в контекстах различных религий. Она началась с болезни, которая была определена в *Анајинна*, мазаре *Husayniyya* в Бейле как одержимость духом. Затем он развил свои способности уживаться с духами и общаться с ними по желанию. Он также обрел дар излечивать других, чьи болезни приписывались одержимости духами. Он стал известен и как целитель и как прорицатель, и

люди стали приходить к нему издалека, даже из Момбасы. В последние свои годы он уже очень редко сам участвовал в сеансах излечения. За него это делали его «капралы».

Идеи одержимости и практики ее лечения очень напоминают культы *ayaana* в других местах оромо-язычного мира (например, в Waso, в 250 км к югу (Dahl 1989)) и культы *zag*, распространенные по всей северо-восточной Африке. Как и при одержимости *zag*, одержимыми являются зачастую женщины, но в сеансах целительства преобладания женщин уже не наблюдается, как и в культах *zar*. Среди *Сакуйе* Дабеля взаимодействие с духами осуществляют и мужчины и женщины.

Некоторые духи требуют, чтобы изо рта у одержимых текла кровь. В таких случаях ее берут у животных, и пациенты пьют много крови (до обращения в ислам кровь была обычной составляющей питания у *Сакуйе*). Это не рассматривается как нарушение исламских пищевых запретов, поскольку считается, что кровь выпивает дух, а не пациент. А сам дух может быть и язычником, и потому ему полагается его доля крови. Идея того, что дух, а не пациент вкушает пищу, была проиллюстрирована для меня случаем с женщиной, дух которой потребовал огромный чайник кофе, который был тут же ею выпит. Дух был удовлетворен и оставил ее, женщина пришла в себя, но страдала от жажды.

Сакуйе находят и другие оправдания, чтобы пить кровь. Малейшее недомогание позволяет называть кровь «лекарством», а не «пищей», что превращает ее в *halal* (законную) в глазах *Сакуйе*.

Другие духи требуют исполнения танцев *hadar*, поскольку они исполняются также и во время мусульманских праздников. Они представляют собой экстатичные танцы под барабаны, которые проводятся при наступлении темноты большими группами собравшихся вместе мужчин и женщин, танцующих плечом к плечу, когда множество участников, в особенности женщины, впадают в транс. Начитанными городскими шейхами такие танцы вряд ли считаются богоугодным делом.

Это не означает, что об исламе в Дабеле знают мало. Один из сыновей Abba Ganna хорошо знает классический арабский, на котором он может говорить²⁷. Другие члены общины также много путешествовали и получили формальное исламское образование. Когда я однажды подарил общине собрание сочинений Бухари (Bukhari) и мусульманский *Ahaadith*, авто-

²⁷ Часто неарабские африканские мусульмане знают арабский только в той версии, которую Owens (1995), используя компьютерную аналогию, назвал «графической», то есть они могут воспроизводить тексты, не анализируя их, и не в состоянии выразить собственные мысли за счет перегруппировки слов.

ритетный сборник преданий о пророке, то возникла ссора среди способных их прочитать. Было даже предложено разделить это собрание и раздать каждому по тому. Я хотел сказать здесь, что речь идет не о недостатке знаний об исламе, но о том, что исламское образование и синкретические верования и практики у *Сакуйе* сосуществуют. В одной и той же семье можно встретить длинноволосого мистика, предпочитающего экстатические практики, и серьезного богослова.

Можно сделать вывод, что в этой среде сравнительно недавно обращенных в ислам, сосуществуют разнообразные верования и практики. Конкуренция за лидерство здесь низка. Люди свободно выражают различные мнения и организуют неформальные собрания. От этого случая неинтенсивной практики, связанной с низким уровнем конкуренции за лидерство, мы переходим к рассмотрению интенсивных и политизированных форм суфизма.

3.1.2. Суфизм и джихад в суданской Африке

В течение XIX и XX веков джихад, возглавляемый суфийскими шейхами, пришедшими к власти благодаря существованию сети суфийских братств, охватил весь суданский пояс Африки от Сенегала, через нилотский Судан и до Сомали. Эти движения включали джихад шейха 'Uthmaan dan Fodio (в других написаниях – Shehu Osman dan Fodio, ibn Fuudi), приведший к возникновению халифата Sokoto, состоящего в зависимости от Adamawa. Позднее это движение слилось с суданским *Mahdiyya*, в связи с ожиданиями пришествия Mahdi на Ниле, а затем – с захватом халифата неверными – с хиджрой из Нигерии в Судан в первое десятилетие XX века. Другие подобные течения в джихаде включают движение шейха Tijaani Sheikh Al Hajj 'Umar Tall в районе между Сенегалом и Нигером. Потомки Al Hajj 'Umar и его последователи сегодня встречаются в компактных поселениях в Судане, где они сохраняют свою принадлежность к Tijaaniyya *tariqa* и память о джихаде. Такие движения, которые распространяют свою военную и духовную власть и на значительную часть XX века, включают также Sanusiyya в том, что стало затем Ливией и Чадом, а также «дервишей» Muhammad 'Abdille Hassan (Salihyya) в будущих Сомали и Агадене.

Эти движения, часто имеющие собственную политическую партию, продолжают оказывать свое влияние и на современную политическую ситуацию. В Нигерии у «северных» эмиров сохраняется значительный политический вес. В Судане процветают семья Mahdi и его соперники

Khatmiyya, представляя собой мощные религиозные аристократии, часть которых, правда, находится в оппозиции или в изгнании. Находящееся сейчас у власти исламистское движение Национальный Исламский Фронт не происходит от суфийского братства. Было бы, однако, интересно сопоставить, насколько близко оно, с его ячейками и сугубо личными отношениями между лидерами и последователями, напоминает структуры суфийского братства.

Wahabiyya Саудовской Аравии также не является суфийским братством. Оно критикует суфийские практики, как и любые религиозные практики, не нашедшие отражения в Коране или не прослеживаемые до времен Пророка. Однако в социологическом отношении они вполне эквивалентны всем перечисленным суфийским братствам: они представляют собой политизированную форму ислама, имеют правящую семью и составляли ядро государства. За счет саудовских нефтедолларов ваххабитское влияние ощущается в форме новых мечетей, возводящихся по всему исламскому миру.

Я теперь хочу рассмотреть некоторые сходства в этих движениях. Они будут отслеживаться в терминах культурной истории, однако они поддаются и социологическому сравнению. Существуют модели установления статуса праведника и лидера на состязательной основе, как и способы заставить последователей чувствовать себя избранными и исключать из круга приближенных тех мусульман, которые не выказывают почтения по отношению к данному праведнику, вплоть до отрицания их статуса в качестве мусульман.

Что более всего удивляет читателя, знакомящегося с джихадистскими движениями от Сенегамбии до Индонезии, это как раз параллели в этих движениях. Они возникают благодаря двум факторам: наличию общей модели и взаимным контактам. Общей моделью для всех этих движений является жизнь самого Пророка. Взаимные контакты обычно устанавливаются за счет *хаджа*, ежегодно в течение веков объединяющего паломников от Марокко до Малайского архипелага — пример очень давней глобализации, возникшей задолго до модных социологических теорий с их исключительным вниманием к Европе и Америке. Путешествующие святые проводили месяцы и годы на пути в Мекку или из нее, посещая друг друга и правителей, в тех случаях, когда правитель и святой не были одним и тем же человеком. Они оказывались связанными друг с другом отношениями духовного происхождения или учителя и ученика, а иногда и родством за счет брака между членами семей.

Существуют, таким образом, два способа передачи общих элементов (из общего источника и непосредственно друг от друга), которые, разумеется, могут происходить одновременно и в различных сочетаниях. Но нужно различать еще и два вида разделяемых *признаков* — прямые заимствования и аналогии.

Сначала приведу пример прямых заимствований. Когда Пророк бежал из Мекки в Медину, у него было два типа последователей — «беженцы» *tuhaajiruun*, которые бежали вместе с ним из Мекки, и помощники из Медины — *ansaar*. Многим вождям недавних джихадов приходилось в какой-то момент борьбы перемещаться из одного места в другое, и это всегда называлось *hijra*. Все присоединявшиеся к лидеру во время его бегства назывались *tuhaaji*, а присоединившиеся на новом месте — *naasir* (ед. число от *ansaar*). Это представляет собой прямой перенос имен и институтов практически без изменения значений (о хиджре al Hajj'a 'Umar из Fouta Jalon в Dinguiray в Гвинее см.: Abun-Nasr 1965: 112, об *ansaar* суданского Mahdi см.: Holt 1961: 88).

Заимствование по аналогии требует добавочных шагов. Необходимо менять слова, как только понятия перемещаются из исходного контекста — в новый. Аналогию, в результате, составляют сходство фигур мысли исходного и нового контекстов и идентичность части используемых слов, достаточных для восстановления исходной фразы. Примером может служить характеристика Ahmad'a at-Tijaani, основателя Tijaaniyuу, как *khatm al wilaaya* — «печати святости». Эта фраза, разумеется, сделана по образцу характеристики Мухаммеда как *khatm al anbiya'* — «печати пророков», означающей «последний пророк». Строгое прочтение «печати святости» в соответствии с этой аналогией подразумевает, что после Ahmad'a at-Tijaani святых уже не будет. Поскольку более поздние святые, такие как as-Sanusī, все же появились, и их святость нельзя отрицать, эта позиция была постепенно изменена. Последователи Tijaaniyuу, однако, все же рассматривают Ahmad'a at-Tijaani в качестве совершенной модели и полного воплощения *wilaaya*. Более поздние святые получают вдохновение от него. «Были иные *walis* и после него, но ни одному из них не удалось превзойти его» (Abun-Nasr 1965: 30-32).

Метафоры печати и финальности указывают на риторику исключительности политизированного суфизма. Лишь один путь может быть праведным или, по меньшей мере, лучшим настолько, что ни по одному другому не стоит идти. Это отражается также в цифрах расчетов эффективности суфийской ритуальной формулы. По одной из таких формул — *the*

salaat al faatih Tijaaniyya — сообщается, что Пророк, который предстал перед Ahmad'ом at-Tijaani, сообщил ему «о ее огромной пользе для отпущения грехов [...]». Шейх Tijaaniyya также утверждал, что Пророк сообщил ему, что ценность ее произнесения «равна произнесению всех молитв восхваления бога (*tasbih*), которые когда-либо звучали во вселенной: все суфийские молитвы поминания бога (*dhikr*), все воззвания (*du'a*), короткие или длинные или шеститысячекратное повторение Корана». (Abun-Nasr 1965: 51). Хотя цифры здесь астрономические, способ рассуждения напоминает о бухгалтерии. Если учесть все эти расчеты затрат и выгод, то зачем читать длинные тексты с низкой эффективностью, если можно читать короткие, с гораздо более высоким влиянием на спасение? Все остальные формы мусульманской набожности выглядят тщетными, по сравнению с формулой Tijaani, если принять эти цифровые пропорции.

Поскольку один шейх владел правильной формулой, его последователи должны были проявлять полное подчинение и лояльность. Полагалось, что бог своей милостью допустит в рай любого, кто следует за святым, и откажет всякому, кто прекратит любить святого, такой человек умрет как неверный и попадет в ад. Отклонение от пути, предписанного шейхом, рассматривалось, таким образом, как отклонение от пути на небеса. Это близко той склонности современных представителей политизированного ислама даже сегодня предавать анафеме людей и определять, кто из них попадет на небеса, а кто отправится в рай, вместо того чтобы, в соответствии с Кораном, оставить это решение богу.

Эта монополизация истины и исключение из спасения, как и лишение уклоняющихся всех ресурсов было, разумеется, направлено против других мусульман. Было и так понятно, что все немусульмане попадают в ад. Эти стратегии исключения, направленные против других мусульман были больше чем объявление их плохими мусульманами — они ставили под сомнение их статус как мусульман. Одной из проблем, с которой сталкивались все воители-святые XIX века в суданском поясе Африки, была проблема объявления джихада против других мусульман, поскольку в норме джихад мог быть объявлен только против немусульман, отвергших законный призыв к обращению в ислам.

Распространенным мнением было, что любой из провозгласивших две статьи веры — что бог един, а Мухаммед — пророк его — является мусульманином. Называть мусульманина неверующим означало риск выхода из ислама, поскольку назвать мусульманина кафиром означало уравнивание ислама с *kufir*, неверием. Каким образом вожди джихадов в XIX веке реша-

ли эту проблему? 'Uthmaan dan Fodio и его сын Muhammad Bello установили прецедент, когда они провозгласили войну против султана Borgu, Muhammad'a al Kanemi. Они объявили, что al Kanemi поддерживал против них султанов Hausa. Хауса рассматривали себя как мусульман, однако лидеры джихада Fulani разоблачали их как неверных, поскольку те совершали языческие обряды, а всякий, кто поддерживает язычников против мусульманского правителя, должен сам рассматриваться как язычник.

Эта модель была использована затем al Hajj 'Umar Tall'ом, когда он объявил войну против Ahmadu Shaikhу, короля Massina, защитника веры, третьего в роду мусульманских правителей, боровшихся с язычниками. Некоторые из обратившихся, как обнаружил al Hajj 'Umar, все еще поклонялись идолам. Поскольку эти люди боролись с ним, он использовал этот факт для провозглашения войны против мусульманского правителя Ahmadu, точно так же как dan Fodio и Bello против al-Kanemi (Abun-Nasr 1965: 122-124).

Узкие определения истинных мусульман использовались в Африке в XIX веке и в практике рабства. Поскольку мусульманам запрещено обращать в рабство других мусульман, большое число обращенных угрожало сокращению притока рабов. Чем больше распространялся ислам и чем больше становилось обращенных, тем сильнее становилась тенденция отделять «настоящих» мусульман с помощью определенного набора критериев от номинальных мусульман, и провозглашать последних неверными, чтобы можно было обращать их в рабство (Meillassoux 1986). Все эти примеры из Африки XIX века показали, как конкуренция между различными направлениями внутри ислама и их вождями, как и экономические последствия распространения ислама, могут быть связаны с ужесточением ритуальных практик и установлением различий между более и менее чистыми формами ислама, из которых последние часто рассматривались как неисламские.

3.2. Взгляды на Египет и Судан в 1990-х гг.

Теперь обратимся к недавним событиям в двух мусульманских странах, чтобы показать, что связи между конкуренцией за статус, политическую власть и требованиями к ритуальной чистоте, столь же сильны, как и двести лет назад. В последние десятилетия доминирующие формы ислама, требующие строгой приверженности, уже не имеют отношения к суфизму. В Судане обе партии, доминировавшие в политике со времени независимости с 1956 г. или блокировавшие в политике друг друга, ушли из

власти в 1989 г. Обе они вели свое происхождение от суфийских орденов и их харизматических лидеров. Обе сейчас упоминаются как «традиционные партии», а их лидеры — как представители сверженной «религиозной аристократии». Новые лидеры отказались от традиции. Их разновидность ислама — и сейчас я говорю об идеологическом уровне, а не о практике, которая часто отстает от высоких идеалов — является одновременно максималистской и минималистской. Они минималисты в отношении очищения ислама от всех исторических приращений и возвращаются к буквалистскому чтению Корана, сунны и практики Пророка согласно хадисам (*ahaadith*: ед. число — *hadiith*, «история, рассказ») как единственным источникам шариата, исключая их собственную политическую программу в качестве третьего непоименованного источника вдохновения. «Максималистский элемент» заключается в том, что не существует границ в требованиях формальной набожности, пронизывающей все сферы жизни, когда шариат трансформируется во всепроникающую силу регулирования, что следует рассматривать как новое явление, поскольку даже в классический период ислама *qanun* (закон правителя) и *aadat* (обычное право, признаваемое лишь тогда, когда оно не противоречило *шариату*) также играли существенные роли (Rahman 1982: 30).

В то время как в Египте исламистский дискурс был критичным по отношению к правительству, которое воспринималось вестернизированным и уязвимым в моральном отношении, в Судане само правительство, как и часть его критиков, которые видели, до какой степени власть портит дело исламистов, и критиковали это правительство на исламских основаниях, следовали исламистской линии. Со времени прихода к власти нынешнего режима Национального Исламского Фронта в 1989 году, НИ-Фу монополизировал и политическую власть и бизнес. Оппоненты были ослаблены, поскольку их бизнес был разрушен. Дискурс исключения в еще более насыщенной насилием ситуации — в Алжире — был недавно изучен Биргит Кайзер (Birgit Mara Kaiser 2002).

Однако довольно о высокой политике. В повседневной жизни и во взаимодействии поколений внутри семей мы так же наблюдаем статусную конкуренцию и борьбу за пространство действия. Точно так же, как и в политической сфере, эти домашние или микросоциальные формы состоятельности пронизаны идеями чистоты и преданности.

В то время как во многих исламских обществах празднуется день рождения Пророка — *Mawluud*, современные исламисты (а до них — ваххабиты в Саудовской Аравии) его отрицают. Это находится в полном соответ-

ствии с сунной: сам Пророк не праздновал своего дня рождения, и, следовательно, такую практику одобрить нельзя. Карин Вернер в своем недавнем исследовании о стилях жизни женщин в Каире, в котором она описывала различные этапы, через которые проходят молодые студенты, ставшие «набожными», упоминает обсуждение дней рождений. Девушка, которая намеревалась стать более «набожной», хотела отметить свой день рождения, однако ее подруга, достигшая более высокой степени и носившая хиджаб, пыталась отговорить ее от этого и «убедить ее оставить этот языческий обычай». Вернер поясняет: «В лагере исламистов идет обсуждение легитимных и нелегитимных праздников. Среди них существует группа, которая полагает, что праздновать можно только изначально исламские праздники» (Werner 1997: 132, прим. 128). Египетский студент, отмечая свой день рождения, ориентируется на общий христианский календарь, в то время как Mawluud и все остальные исламские праздники празднуются по мусульманскому календарю. Это четко разделяет одни события от других, так что никому не приходит в голову рассматривать личный день рождения как религиозный праздник, поскольку это может пониматься и как двоеверие. Однако логика обоснования здесь иная: любое празднование, сколь бы невинным оно не выглядело, должно быть запрещено, если оно явным образом не рекомендовано исламом. *Шариат* используется не только для очищения жизни от всего запретного, но и для ограничения жизни людей тем, что было в нем явно рекомендовано. Празднование дней рождений является лишь одним из индикаторов существования различных идей относительно функционирования Закона.

Внутри групп студентов и между ними устанавливаются иерархии по отношению к стандартам чистоты. «Нормальные» студентки, то есть те, кто не принял более строгих форм традиционной одежды (покрывала), оказались в более сложной ситуации. Им пришлось устанавливать баланс между требованиями привлекательности в смешанных группах с требованиями сексуальной морали, которые даже среди этих «вестернизированных» студентов оказываются довольно сковывающими по сравнению с теми, которым следуют их ровесники в Европе. В группах, состоящих исключительно из исламистско-ориентированных студенток, направление ясно: здесь принимают все более строгие стандарты, как только к ним оказываются готовыми. Здесь нет необходимости поиска баланса. Достижение высокого статуса в гендерно-смешанных группах выглядит для других как попытка учета требований, выдвигаемых и Богом и дьяволом. (Werner 1997: 138).

Исламистский дискурс о чистоте используется и в межпоколенной конкуренции за авторитет. Авторитет поколения родителей, выросших в гораздо более светской и либеральной культурной атмосфере, сегодня ставится молодежью под сомнение. Хотя формально, в соответствии с учением Пророка, авторитет родителей уважается, там, где требования родителей вступают в противоречие с требованиями референтной религиозной группы, они воспринимаются как конфликтующие с велением божьим. Поскольку воля бога сильнее, чем родительский приказ, эта линия рассуждений открывает новые пространства самоопределения для поколения молодых, сужая границы области родительского авторитета (Werner 1997: 221).

Такого рода дискурс имеет и другое поле приложений в кросс-гендерных стратегиях. Молодые незамужние женщины используют исламские нормы, чтобы заставить своих поклонников «уважать границы». В одном из таких случаев внезапное использование хиджаба привело к временному разрыву отношений с поклонником, который был слишком настойчивым в своих требованиях сексуальной близости (Werner 1997: 135-138). Неприступность, часто доходящая до отрицания невинных форм нежности и подшучивания, и религиозные обоснования такого строгого поведения используются для увеличения ценности девушек и в смысле уважения и в смысле цены на брачном рынке. Статистика, которая бы продемонстрировала успех такой стратегии в обретении желаемого мужа, отсутствует. Мы уже видели, что студентки, посещающие смешанные группы, придерживаются иной стратегии: они поддерживают эротическое напряжение, не уступая сексуальным притязаниям. Стратегия девушек, использующих различные формы мусульманских покрывал, предлагает, однако, ясную альтернативу: отсрочивание и сокрытие женского очарования либо помогает «приручить» мужчин, превращая их в ответственных мужей, либо помогает избавиться от нежелательных за счет фрустрации их ожиданий.

Стадии религиозности, через которые эти девушки проходят, упорядочиваются ими от 0% мусульманской до 100% мусульманской. Здесь мы опять, хотя и на совершенно иной теологической основе, обнаруживаем тот же самый бухгалтерский подход, который мы уже видели у *Tijaani* XIX века, рассчитывавших эффективность своих молитвенных формул. Вот пример, каким образом студентки помещают друг друга на этой шкале: «Джихан, уважая познания Шурук в исламе, все же учла как недостаток то обстоятельство, что Шурук не носила хиджаб, и при обсуждении этой те-

мы определила «мусульманскость» Шурук только в 65 процентов (что все же больше, чем 55 процентов, которые она дала себе)» (Werner 1997: 130).

Исследования, проведенные в другой северо-африканской столице — Хартуме, предоставляет нам дополнительные иллюстрации этих женских стратегий (Nageeb 2000). В этом исследовании анализируется исламистский дискурс и его стратегическое использование на микро-уровне — у пар, между родителями и детьми, в группах студентов. Вернер анализирует даже властные игры между братьями и сестрами (Werner 1997: 117 ff). Это внимание к повседневному взаимодействию среди простых людей является необходимым дополнением к нашим наблюдениям относительно чистоты и власти на уровне государственной политики, рассмотренным на примере движений джихада XIX века в Африке, и к тому, что было сказано о современной политике в исламском мире, который насыщен чувствительным к власти дискурсом пурификации (очищения).

4. Заключение

В зоне роста исламского мира, растянувшейся по его периферии, можно наблюдать две фазы истории взаимодействия исламских и неисламских культур. Их нелегко разделить, и они могут сосуществовать синхронно в соседних областях, однако они сохраняют свой смысл как разные типы взаимодействия, из которых один обычно предшествует другому.

На первой фазе экспансии ислам имеет тенденцию к толерантному отношению и даже включению многих доисламских элементов. Он все еще слаб и должен платить за то, что его принимают. Он проходит половину пути по мосту над культурным разрывом между мусульманским меньшинством и принимающим обществом.

Позднее, когда устанавливается, по меньшей мере, номинальная связь с исламом, возобладают более пуристские и исключаяющие отношения. С политической точки зрения, то есть с позиции легитимации претензий на власть, это вполне объяснимо. Если все уже мусульмане, трудно обосновать эти претензии только тем, что ты — мусульманин, приходится различать степени добродетельности и утверждать принадлежность к ее высшему эшелону.

Суфизм иллюстрирует весь этот спектр — от такой формы ислама, которая остается восприимчивой к внешним идеям и практикам, до самых жестких и исключаяющих установок. С теологической точки зрения, он может рассматриваться как единая форма ислама — мистический ислам, однако с социологической точки зрения, он таковым не является. Мы об-

наруживаем те же самые тенденции включения и исключения в суфизме и других течениях ислама. Политика на всех уровнях, от небольшой группы с непосредственным взаимодействием до государства и международной арены, представляется главной детерминантой того, где локализуют себя на шкале набожности мусульмане. В более широком контексте можно утверждать, что стандарты чистоты или совершенства в отношении ритуалов или морали тесно связаны со стратегиями исключения в борьбе за власть не только в исламе, но и среди представителей разнообразных иных систем верований.

Обсуждавшиеся примеры касались не только мусульманского контекста. Эти примеры не исчерпывающи и не отобраны систематически. Автор начал со своей полевой работы в северо-восточной Африке, проводимой им с 1974 года, затем перешел к обзору литературы по соседним регионам и иным случаям из африканских материалов, о которых он читал. Остается еще многое для систематической проверки представленных здесь объяснений. Все эти примеры, однако, демонстрируют, что стандарты ритуальной чистоты или моральности оказываются тесно связанными. Чем острее люди конкурируют по поводу ресурса, статуса, или поста, тем более строгими становятся стандарты. Стандарты ритуальной чистоты не следует путать с моральными стандартами; они могут быть интегрированными в системы моральных рассуждений, но могут и оставаться вне них. Соблюдение правила может обосновываться отсылкой к богу или обычаю как источнику правила или с помощью указания на то, что считается доказательством его эффективности: соблюдая правило, человек избегал несчастий. Корреляция между соблюдением требований ритуала и достигаемым статусом или властью существует независимо от сложности, простоты или полного отсутствия доктрин, сопутствующих этим требованиям. Классическая социология (Вебер, Дюркгейм) приписывает значительную социальную и экономическую силу изоциренным верованиям и моральным убеждениям. В свете сделанных заключений, можно подозревать, что многое из сказанного опирается на слишком сложную модель человека. Если соблюдение требований ритуала и правил имеет одинаковые последствия при наличии либо отсутствии изоциренных верований, связанных с этими практиками, то исследователь может до некоторой степени не придавать значения верованиям, или, по крайней мере, рассматривать их влияние на практическую жизнь с большей долей скептицизма.

Язык и этничность*

Поскольку в этой книге дефиниция «языка» уже приводилась выше, следует определить лишь «этничность», чтобы обсудить связь между ними. Этничность является формой коллективной идентичности и, таким образом, принадлежит к тому же классу феноменов, что и религиозная аффилиация, линидж, клановое или классовое членство. Она представляет собой осознание принадлежности к этнической группе и веру, что другие также принадлежат к иным подобным группам. Этнические группы отличаются от других групп, таких как добровольные ассоциации или возрастные классы по следующим критериям: они включают людей обоих полов и всех возрастов или, как отмечает Элwert (Elwert 1989), — целые семьи. Даже в тех случаях, когда экзогамия обеспечивает связи, выходящие далеко за пределы нуклеарной семьи, этнические группы охватывают достаточное количество таких экзогамных единиц, чтобы гарантировать независимость биологического воспроизводства: брачные партнеры обретаются внутри этнической единицы. Это означает, что этнические группы могут рекрутировать своих членов за счет рождения, и в самом деле обычно это так и происходит в большинстве случаев. Это не означает, что рождение является единственной формой рекрутирования и что не существует смены этничности.

Этот критерий самодостаточности в биологическом воспроизводстве устанавливает нижний предел размера этнической группы. Верхний предел устанавливается за счет критерия инаковости (*alterity*). Поскольку этнические группы определяют себя и определяются другими в противопоставлении другим подобным группам, этническая группа никогда не может включать в себя все человечество. Этнические группы обычно представляют собой средне- и крупномасштабные человеческие совокупности, включающие тысячи или миллионы членов. Многие этнические группы, не имеющие одноименного «нации-государства», превосходят по численности население некоторых независимых государств. «Этническая группа» и «нация» образуют пару понятий, в первом из которых подчеркивается культурный аспект, а во втором — политический. «Нация» в той или иной форме включает дополнительный элемент государственности. Можно сказать, что этническая группа плюс государство, в котором она преобладает, или притязания на такое государство и образуют нацию. Тот факт, что нации наделяются в политическом и правовом дискурсах поли-

* Текст раздела является переводом публикации: Schlee 2001b.

тическими правами, подобными праву на самоопределение, не помогает сделать вывод, какая этническая группа может считаться нацией, а какая — нет. Любая этническая группа может претендовать на статус нации и становиться таковой за счет этого. Единственное различие между просто этнической группой и нацией без государства состоит в том, что последняя требует политического суверенитета, а первая не обязательно это делает. Это отличие не очень помогает при решении практических политических проблем, однако социальные науки не могут предложить иного.

Этничность является культурным конструктом, и материалы ее конструирования также относятся к культуре. Существуют иные культурные конструкты, которые отчасти зависят от биологии, как, например, гендер — от пола, однако во всех случаях, когда утверждается, что этничность основывается на таких биологических фактах как, например, распределения генных частот (расы), можно показать, что такие утверждения не имеют биологических оснований. Гены могут сочетаться различным образом, однако их кластеры никогда не совпадают с этническими границами. Этнические группы никогда не основываются на расе, но довольно часто на представлениях о расе. Другой элемент, который этнические группы обычно приписывают себе, часто вопреки фактам, — это почтенный возраст, что позволяет представлять этничность как своеобразную псевдо-биологическую категорию: этнические группы рассматривают себя как естественные и стабильные во времени, подобно биологическим видам. Другие части культуры, помимо представлений о расах, также играют роль в конструировании этнических групп и включают отсылку к реальным или воображаемым историческим событиям, особенности обычаев и т.п.. Ни одна из сравниваемых этнических групп не имеет общего набора критериев; обычно этнический дискурс отсылает к множеству таких критериев. Если подчеркивается лишь один критерий, например, религиозная принадлежность, то следует говорить, скорее, о религиозной, а не об этнической группе.

Для рассматриваемой нами темы особенно важно то обстоятельство, что язык обычно (но отнюдь не всегда) занимает высокое место в каталоге культурных критериев, используемых в качестве маркеров этнических границ. Это делает вопрос о связях между языком и этничностью в некоторых случаях выглядящим как тавтология. В тех случаях, когда язык используется как первичный маркер этнической границы (Barth 1969), этнические и языковые единицы обычно совпадают. В Европе периода после Первой мировой войны языковой ценз во множестве случаев заменил декларацию политической воли местных общин при установлении новых

границ (Dench 1986). С другой стороны, за счет школьной системы и исключительного использования языка большинства в управлении национальные языки, или региональные языки с особым статусом, были навязаны языковым меньшинствам (Gellner 1981). Совпадение языковых сообществ и этнических единиц/наций поддерживалось на межгосударственном уровне за счет проведения политических границ по языковым ареалам, а на внутригосударственном уровне за счет расширения области применения языковой политики до новых границ. Несмотря на то, что эти процессы развивались уже значительное время, лишь небольшая часть наций мира достигла языковой однородности (Ra'anan 1989).

В то время как в некоторых случаях наименования этнических и языковых групп совпадают, на другом полюсе обнаруживаются хорошо определяемые с помощью иных критериев этнические единицы, которые не имеют ничего общего с языком. *Гарре* (Garre) северо-восточной Африки представляют себя единой этнической группой благодаря их генеалогии и клановой организации, разделяемой ими пастушеской кочевнической культуре и их желанию, не всегда осуществимому, жить в мире друг с другом. *Гарре* подразделены на четыре языковых кластера, которые пересекают иные критерии дифференциации, такие как клан. Одни из них говорят на диалекте оромо, близком к языку *боран* (Boran), в то время как другие говорят на Af Raahanweyn, а третьи — на Af Garreh Kofar. Два последних связаны тесным родством с сомали-подобными языками, однако они отчетливо различаются. Есть и *гарре*, которые говорят на сомали. Оромо представляет собой другой и полностью непонимаемый язык. Он относится к той же равнинной ветви восточных кушитских языков, как и сомали-подобные языки, однако эта ветвь характеризуется высокой внутренней дифференциацией. Факт, что *гарре* оказываются также разделенными между тремя государствами (Кенией, Эфиопией и Сомали), не имеет никакого отношения к языковой дифференциации, поскольку носители всех четырех языков обнаруживаются среди *гарре* всех этих государств. Единственным из языков, на котором говорят исключительно *гарре*, является, по видимому, Af Garreh Kofar, однако внешнему наблюдателю трудно отличить этот язык от Af Raahanweyn, на котором говорят сотни тысяч не-гарре, а именно сомали из группы кланов Raahanweyn. Случается, что гарре не из этих кушитских групп принуждены общаться на языках совершенно иных языковых семей, таких как суахили (семья банту), или английском (германская семья), которые они выучили в школе, учреждении, которое нерегулярно и недолго посещало лишь меньшинство из них.

В случаях, когда существует достаточно иных элементов (политических, экономических и культурных), на основе которых возникает чувство этнической принадлежности и общности, такие этнические сообщества могут выдерживать значительное языковое многообразие. Если же эти иные основания отсутствуют, никакая степень языковой однородности не может предотвратить разрыва. Даже в границах языка, прежде воспринимавшегося как единый, могут оформиться три различных языка, если так диктует политическая воля. Примером может служить раскол сербохорватского на сербский, хорватский и боснийский.

Тесная связь между нацией и национальным языком является относительно недавним приобретением политической идеологии даже в Европе, и еще менее давним в других частях мира, в которые эта идея была привнесена. Исходно термин «родной язык» (*Muttersprache*) относился к языку, выученному от матери или няньки в отличие от языка мужской сферы — языка управления и учености, то есть латинского (Ahlzweig 1994). Через романтизм и возникший языковой национализм этот термин позднее приобрел политические оттенки. Современные национальные государства Европы в период их формирования уделяли мало внимания карте распределения языков. Личности, которые в ретроспективе считались предвестниками немецкого, русского, или иных национализмов в собственной жизни предпочитали говорить по-французски. Этнизация государства, его «культуризация» и его оформляющаяся связь с определенным языком происходили в развитии современной Европы постепенно. Языковые препятствия между нациями часто искусственно преувеличивались. В качестве литературного стандарта среди множества диалектов норвежцы избрали наиболее отличавшийся от датского.

Не только языки, но и языковые семьи были политизированы за счет их идентификации с группами людей, которым часто приписывались расовые характеристики, благодаря которым они получали или теряли привилегии и даже такие основные права, как свобода и право на жизнь. Сегодня ни один человек в здравом уме не станет использовать термин семит в той степени, в которой он до сих пор используется, в любом другом смысле, нежели говорящий на семитском языке. Но есть другие восходящие к Библии термины, как, например, кушиты или хамиты, которые продолжают свою политическую карьеру, никак не предвиденную европейскими специалистами по историческому языкознанию позднего XVIII, XIX и XX веков, которые применяли их по отношению к группам

языков, восходящих к общим праформам. Стоит послушать националистов-оромо в Эфиопии, которые выступают за включение групп меньшинств и их территорий в Оромию на тех основаниях, что хотя те и не являются оромо, они также относятся к кушитам. Идеология вытеснения хамитских пришельцев лежит в основании геноцида, против тутси в Руанде, хотя *тутси* фактически говорят на том же языке банту, что и их убийцы – *хуту*. Исторические теории, утверждающие, что они когда-то говорили на другом языке, являются, по меньшей мере, спорными. Сам термин «хамитский» по иронии, больше не используется лингвистами. Это может служить свежим примером того, как языковые классификации могут обретать собственную динамику и что такая динамика может быть и смертоносной.

Языковой национализм часто вызывает к романтической связи между конкретным языком и другими аспектами культуры его носителей. Предполагается, что язык, на котором мы говорим, тонким образом влияет на наше мышление, придавая языку гораздо более глубокий культурный смысл, чем просто маркер границы между различными культурными/этническими единицами. Такие идеи, восходящие к Йохану Готфриду Гердеру (1744-1803), не могут быть сняты простым указанием на способы их инструментализации националистами. Согласно Гердеру, язык является «коллективным сокровищем» нации и, поскольку каждый язык формирует особый взгляд на мир, интеллектуальное богатство человечества состоит в разнообразии его языков, то есть в количестве такого рода «сокровищ» (Schlesinger 1991, с.12f). Или, словами современного гердерианца: «Именно этническое и языковое многообразие делает жизнь стоящей. Именно творчество и красота, основанные на этническом и языковом многообразии, делают человека человеком» (Fishman 1989, с.15). Сложная система посылок относительно связи языка и мышления была представлена также Гумбольдтом (1988), а более упрощенный взгляд, представляющий, по сути, языковой детерминизм, намного позднее – Уорфом (Whorf 1962). Уорфианцы объявляют также раннего Сэпира своим единомышленником и говорят о гипотезе Сэпира-Уорфа. Более полный анализ связи языка и мышления, или языка и познания, выходит за рамки этого рассмотрения языка и этничности (обзор этой темы смотрите в: Schlesinger 1991).

Упомянутые выше случаи, когда этническая группа полностью совпадает с языковым сообществом и обратный пример, когда такое совпадение полностью отсутствует, представляют собой два крайних случая всего

диапазона изменений. Между этими крайностями мы обнаруживаем множество случаев различного взаимодействия языка и этничности.

Для исследования вопроса о связи языка и этничности и определения, какие языки/этнические идентификации и в каких функциях сохраняются в многоязыковой и культурно гетерогенной ситуации, то есть для исследования экологии языков, необходимо учитывать следующие переменные:

- **демографические переменные**, такие как размеры языковых сообществ и темпы их роста, а также способ их расселения (компактный или дисперсный), включая формы смешения с носителями иных языков;

- **политические и правовые переменные**, такие как статус языка и институтов, в которых он используется, и наличие или отсутствие этнической стратификации рынка труда, с которым языковой статус часто коррелирует;

- **этнокультурные переменные**, такие как связь языка с историей или религией группы и потенциал языка в терминах богатства его словаря и письменной традиции;

- **интеракционные переменные**, как, например, коммуникативная мобильность и степень мультилингвизма носителей, функциональная специализация разновидностей языка при диглоссии и полиглоссии, а также рутинное взаимодействие между этническими группами/языковыми сообществами;

- **тематические вариации** для изучения влияния различных тем на выбор языка;

- **преимущественное/исключительное использование** языка в публичной/приватной сфере и языковое расстояние между контактирующими языками (Naarmann 1986, с.11ff).

Я не намеревался привести здесь исчерпывающий перечень.

Некоторые из этих переменных уже были проиллюстрированы. В ситуациях контакта языки могут подвергаться функциональной дифференциации. Исходный язык в двуязычных сообществах может ограничиваться лишь сакральными функциями. Этничность и выбор языка не следует изучать в отрыве от других измерений социальной идентичности, таких как гендер и возраст. Люди из малочисленных народов в пожилом возрасте могут возвращаться к языку детства, но в их профессиональный период жизни они использовали более широко распространенные языки (Dow 1991). Прежние взаимодействия между языками, их различия в потенциале и престиже в различных семантических областях и связи между носи-

телями этих языков и культурными ценностями, связанными с их этнической идентичностью, отражаются в заимствованиях. В противоположность мнению, что заимствования типичны для специализированных понятий, они часто проникают в основной словарь и могут обозначать части тела или термины родства (Haarmann 1986, с. 186ff, Schlee 1994). В ситуациях интенсивных языковых контактов заимствования не ограничиваются лексикой, но возникают и небольшие или значительные структурные заимствования (Thomason, Kaufman 1988, с. 74f).

Письменный язык и системы письма обнаруживают более сильную, чем устный язык, тенденцию выступать в качестве священного и/или символов этнической идентичности. Говорившие на арамейском христиане стали носителями арабского, который они использовали для письма и на котором они создали значительную литературу, но длительное время они все же пользовались своим сирийским алфавитом, поскольку они идентифицировали арабский с Кораном и исламом. Зеркальным примером является случай мусульман в Испании после реконкисты: они писали по-испански арабскими буквами. Евреи по всей Европе в течение веков писали на соответствующих доминирующих языках стран проживания (с включением небольшого числа слов на иврите) алфавитом иврита. В тех случаях, когда новый алфавит, как, например, арабский алфавит в неарабских странах, обращенных в ислам, связан со священными текстами, может произойти обратное. Многие языки использовали арабский алфавит, а другие системы письма, иногда весьма древние, выходили из употребления (Lewis 1998).

Языковая вариативность в рамках речи отдельного человека и отдельного речевого акта может также осветить многие аспекты языка и этничности. Рассказчик может переходить от одного языка к другому и использовать более или менее стандартизованные/креолизованные разновидности этих языков для изображения людей, которым приписываются различные этнические и социальные идентичности. Кроме того, полиглоты, или люди, знающие несколько вариантов одного языка, могут играть с выбором идентификации, а не быть привязанными к одной форме речи или этничности, или, в более общем случае, — идентичности, которую выражает данная форма (LePage and Tabouret-Keller 1985).

Разрешение конфликтов: опыт мирного процесса Сомали*

1. Введение

В мире наций-государств Сомали представляет случай, иллюстрирующий, что происходит, если государство распадается. Некоторые из причин и реакций на распад государства могут быть сформированы специфически сомалийскими культурными факторами, другие могут возникнуть в сходных условиях где угодно. Сомали представляет собой гигантский «естественный эксперимент», в особенности для изучающих право и юридическую антропологию.

С 1991 г. беспрецедентное количество собственности в городской и сельской местности в Сомали сменило хозяев в результате насилия, и нередко с определенных территорий изгонялись целые группы кланов. После террористической атаки на США 11 сентября 2001 г. международное сообщество снова проявило интерес к восстановлению государственности в Сомали. Мирная конференция, созванная IGAD (Межправительственной Организацией по Развитию, региональной организацией на северо-востоке Африки) и профинансированная несколькими западными странами и Европейским Союзом, стартовала в октябре 2002 г. в Эльдорете, Кения, и продолжалась с января 2003 г. в Мбагати (Nairobi).

Этот раздел написан на основе моего опыта деятельности в качестве эксперта («Resource Person») одного из комитетов этой конференции, а именно Комитета 3 «Земельные права и права собственности». Комитет подготовил проект доклада, рекомендуемый реституцию собственности или компенсацию за ее утрату в весьма бескомпромиссной форме. Элементы традиционного права с его упором на компромисс и переговоры едва различимы в его резолюциях. Мы кратко обсудим проявления традиционного права и его контексты, чтобы выяснить, почему так сложилось. В настоящем разделе обсуждается связь вопросов собственности с другими элементами мирного процесса, а также конституционное устройство, которое может установиться в его результате. В нем также обсуждается вероятность принятия и реализации на практике резолюций Комитета по собственности в контексте ведущей роли, которой были наделены на конференции обладатели вооруженной силы и актуальных отношений насилия в Сомали на низовом уровне.

* Раздел основан на неопубликованных англоязычных отчетах.

Я также участвовал в двухнедельных консультациях по проекту улучшения земледелия, поддерживаемому Европейской Комиссией в Бэй/Бакуле (Bay/Bakool) в марте 2004 г., где я занимался компонентой анализа и разрешения конфликта и получил возможность наблюдать за местными и региональными мирными инициативами людей, справедливо недовольных мирным процессом Мбагати. Некоторое дополнительное знание было получено также за счет текущего исследования сомалийской диаспоры в Европе, которое я осуществляю вместе с моей женой, сомалийкой из Кении Isir Hassan Musa (Schlee 2004a).²⁸

Окончательный провал предыдущего мирного процесса в Арте (Джибути) в 2000 г. должен послужить предупреждением для процесса в Эльдорете/Мбагати. Переходное национальное правительство (TNG), сформированное в Джибути, не смогло после перехода в Могадишо установить свою власть над национальной территорией или значительной ее частью. Одной из причин стала нехватка инструментов для осуществления его политики.²⁹ Новому переходному правительству, которое будет сформировано в Мбагати/Найроби как только оно переместится в Сомали (если это произойдет) следует продемонстрировать быстрый успех в установлении мира и правопорядка, чтобы не утратить в первые же недели после прибытия в Сомали своей исходной легитимности. Резолюции Мбагати о реституции собственности, демобилизации и т.п. должны быть вскоре реализованы, и поэтому та подготовка, которая может быть сделана сейчас, должна быть сделана именно сейчас. Статистические данные о демографии и экономике, данные о недавних перемещениях населения, вынужденного или добровольного, данные обследований сельского хозяйства, географические сведения, полученные с помощью спутников или наземных обследований, как и практический опыт по развитию доступны в UNDP (Программа Развития ООН, ПРООН), в сомалийском подразделении делегации Европейской Комиссии, в архивах GTZ в Эшборне (Eschborn) около Франкфурта, в международной службе GTZ в Найроби и в других местах.

²⁸ Я выражаю признательность всем, кто тратил свое время и проявлял гостеприимство, помогая мне во всех этих исследованиях. Особая признательность — Paul Simkin и Getinet Assefa, которые прокомментировали более ранние версии этого раздела.

²⁹ Или, скорее, оно бы не располагало средствами осуществления своей политики, если бы оно имело политику. Стратегия реализации специальной помощи для Сомали 2002-2007 Европейской Комиссии (*The European Commission Strategy for the Implementation of Special Aid to Somalia, 2002-2007*) констатирует: «С самого начала стало очевидным, что переходное правительство не располагает ясной политической повесткой для завершения процесса примирения, а также имеет расплывчатые и необоснованные приоритеты» (с.12). Это — технический аспект провала. Политическая оценка причин провала TNG приведена в: Samatar and Samatar (2003).

Целью этого раздела является определение нужд будущей сомалийской администрации в терминах информации и организационной поддержки, описанных в документах различных комиссий по примирению в Эльдоре-те (Eldoret) и Мбагати (Mbagathi), а также в информировании об этих нуждах международных организаций и транснациональных НПО для облегчения более детального планирования мероприятий, предлагаемых Конференцией по Примирению (Peace and Reconciliation Conference) и их реализации. Он также включает предварительный обзор существующих инициатив международных агентств, для облегчения их оптимального использования нынешней и будущей администрации Сомали и координации ее деятельности.

Помимо этого, в нем обсуждаются некоторые возможности вмешательства в области разрешения конфликта и связанной с нею деятельностью, а также действия, которые могут быть предприняты параллельно дипломатическому процессу в том в случае, если процесс Mbagathi не приведет к успеху или не приведет в ближайшее время к определенным результатам.

Успех программы развития в большой степени зависит от ее адаптации к восприятию в группе, которой эта программа касается. Такое вмешательство должно отвечать целям и потребностям этой группы. Этот раздел начинается с описания сформулированных на конференции в Eldoret/Mbagathi нужд представителей Сомали, отраженных в принятых конференцией документах и вынесенных из обсуждения с делегатами. Эти источники позволили сформулировать, чего именно ожидает правительство Сомали от международного сообщества для реализации одобренной конференцией политики. Там, где такие потребности были сформулированы в слишком общем виде, я попытался сформулировать вопросы, которые следует прояснить и привел перечень технических мер, которые необходимо определить. Помимо этого, для того, чтобы увидеть, какие из этих нужд уже в той или иной мере учитываются и для обеспечения большего соответствия между спросом и предложением в международной поддержке сомалийского мирного процесса, ниже резюмируются обсуждения с представителями различных международных организаций и анализируются документы проекта. Затем обсуждаются возможности управления при различных вероятных политических сценариях.

2. Описание ситуации:

недавняя история и современный мирный процесс

Сценарий театральной пьесы начинают с перечисления персонажей, *dramatis personae*. Последую этой почтенной традиции и перечислю «игроков» (если перейти на метафору игры) в современной сомалийской политике, большая часть которых была представлена на Сомалийской Конференции по Миру и Примирению (Somali Peace and Reconciliation Conference) в Кении, где я провел много недель в период с октября 2002 по март 2003 гг. в качестве эксперта (“resource person”) Комитета по Земле и Собственности. Я начну со списка игроков и затем кратко охарактеризую каждого из них.

Стороны и участники конфликта:

- Переходное национальное правительство (Transitional National Government, TNG);
- Сомалийский Совет по Примирению и Восстановлению (Somali Reconciliation and Restoration Council, SRRC);
- Пунтленд (Puntland);
- Армия сопротивления Rahanweyn (Rahanweyn Resistance Army, RRA);
- Сомалийский национальный фронт (Somali National Front, SNF);
- Администрация Jowhar (Jowhar Administration);
- Союз долины Juba (Juba Valley Alliance JVA).

Отсутствующие игроки:

- Приглашенные, но не отказавшиеся от участия представители Сомалиленда (Somaliland);
- Объединенный Сомалийский Конгресс, без квоты делегатов, но присутствующий в умах других делегатов (United Somali Congress, USC).

Члены правительственной Организации по Развитию (IGAD):

- Джибути;
- Эфиопия;
- Кения.

³⁰ Источниками списка послужили разговоры с делегатами, неопубликованные материалы, собранные Андре Ле Сажем (Andre Le Sage), списки организаций и численность их делегатов, опубликованные Техническим Комитетом (Technical Committee, Abbink 1993).

Другие региональные силы:

- Лига арабских стран (Arab League);
- Египет;
- Эритрея.

«Международное сообщество»:

- Италия;
- Европейский Совет (ЕС);
- США.

Мелкие игроки:

- Германия (донор, 1 эксперт).

Нерегулярные визиты дипломатов из:

- Норвегии (представители ЕС или Норвегии);
- Канада;
- Уганда.

Стороны и участники конфликта

В представляемом ниже обзоре границы возникающих территориальных единиц и связи с политическими движениями часто объясняются в терминах кланов. Упор на кланы при обсуждении политики в Сомали часто критикуется людьми, которые предполагают, что на самом деле это конфликт по поводу земли, денег, классов или чего-то иного. Эта критика игнорирует необходимое различие между сторонами в конфликте и оспариваемыми объектами.

Позвольте мне объяснить это на примере гипотетического эксперимента на животных. Три голодных собаки (назовите их тиграми, если сравнение с собаками кажется оскорбительным) получили одну миску с едой. Ни одна из них не станет ею делиться добровольно, и каждая желает получить больше трети. Однако ни одна из них не сильна настолько, чтобы отогнать сразу двух остальных. Первая и третья собака оскалывают зубы на вторую. Та поджимает хвост и исчезает.

Что мы прояснили на примере этого конфликта, в котором фигурирует оспариваемый ресурс? Да, речь идет о еде. Но интересной проблемой является то, как осуществляется разграничение между сторонами в конфликте. Почему первая и третья – против второй? Почему не вторая и третья – против первой? Или первая и вторая – против третьей?

Именно здесь скрыта задача, требующая разъяснения. У нас нет возможности сказать заранее, кто из двоих объединится против третьей. Даже если мы знаем историю этих трех собак (две из них — из одного помета или одной клетки? Как они объединялись друг с другом прежде?), мы не сможем делать такого рода предсказания, если не изучим на более широкой основе, какой из трех уровней опыта (родство, происхождение, социальное научение) оказывается для собак в такого рода ситуациях более релевантным.

При рассмотрении конфликтных ситуаций мы, следовательно, должны делать два различия: различия между сторонами в конфликте и между конфликтующими и оспариваемым предметом должны рассматриваться отдельно. Последнее различие не всегда сделать так же легко, как в случае собак и еды в их миске. Предметом противоречий у конфликтующих сторон могут быть и живые существа, например, люди. Когда две женщины ссорятся по поводу одного мужчины — это конфликт между двумя людьми, а не тремя. Третий здесь является предметом конфликта. Крупный рогатый скот, который отнимают друг у друга африканские скотоводы-кочевники, или источники нефти для современных государств также не рассматриваются в качестве сторон в конфликте.

Это не столь банально, как звучит. Неразличение этих двух видов различий (сторона против другой стороны; сторона и предмет спора) приводит иногда даже известных ученых к ошибкам анализа. Кассанелли и Бестеманн (Cassanelli, Bestemann) оспаривают рассмотрение военных конфликтов в Сомали через призму кланов и линиджей: релевантным критерием должны служить сегодня вместо кланов — классы, в особенности при рассмотрении ситуации в речных оазисах на юге страны. Различие между крестьянами (отчасти бывшими рабами) и доминирующими в военном отношении сомали Центра и Севера является классовым.

С этим можно было бы согласиться. Однако более точное прочтение ситуации свидетельствует о том, что крестьяне на юге являются таким же оспариваемым ресурсом, как и их земли. Кочевники-сомали Центра и Севера оспаривают друг у друга земли юга, и те, кто обретает над ними власть, зачастую превращает их бывших хозяев в подневольных рабочих. Кассанелли и Бестеманн (Besteman 1999, Besteman, Cassanelli 1996) сами подчеркивают миролюбие крестьян и то обстоятельство, что они скорее страдают от конфликта, нежели являются его активными проводниками. Сомали же Центра и Севера, независимо от того, идет ли речь о верблюдах или контроле над аэропортами, и невзирая на то, являются ли они

традиционными вождями, или военными предводителями с городскими штаб-квартирами, рекрутируются на основе клановой принадлежности, либо субклановых союзов различных кланов. Без знания клановых подразделений и их альянсов эту схему отношений уловить невозможно. Как можно здесь отделить значимость классовой принадлежности от клановой? Классовое различие проводится здесь между воинами и их трофеями — крестьянами. Тот, кто способен описать систему альянсов и противостояния между сражающимися, должен опираться, как и прежде, на изучение клановой структуры. Со своим тезисом замещения клановой структуры вертикальным расслоением (классами) Кассанелли и Бестеманн спутали различия между сторонами с различием между сторонами и яблоком раздора, то есть предметом конфликта.

Для тех, кто может выявить логику действий акторов и заключения альянсов, а также идентификационных шаблонов, лежащих в основе фронтовых границ, вопрос, о каких именно ресурсах идет речь, становится второстепенным. Основана ли солидарность, в широком масштабе, на религиозной принадлежности, языке, национальности или землячестве, и доверяю ли я, в узком масштабе, своему брату или однокласснику — зачастую имеет слабое отношение к тому, для чего используются такие связи — для ограбления банка, конкуренции в выборах, войне за нефть или пахотные земли. Ответ на вопрос, относительно чего разворачивается конфликт, является, таким образом, лишь частным ответом. Связанная с этими вопросами проблематика фронтовых границ, противостояний и критериев определения друзей и врагов, хотя здесь и затрагивается, но не раскрывается.

И здесь, для того чтобы понять сомалийскую реальность, мы должны назвать по имени все кланы, поскольку как уже объяснялось в предыдущей главе, даже произвол военных вождей при рекрутировании союзников ограничен логикой клановых подразделений.

*Переходное национальное правительство
(Transitional National Government, TNG)*

Переходное национальное правительство (TNG) было создано в Арте, Джибути, в 2000 г. Оно основывалось на формуле «четыре с половиной», что означало, что все четыре большие семьи кланов будут представлены в равных долях, а все малые группы — так называемые меньшинства — получают половину доли. Это означает, что большие семьи кланов получают каждая по 2/9, а все меньшинства вместе — 1/9. Ниже в левой колонке

таблицы перечислены большие семьи кланов, а в правой колонке приводятся наименования некоторых из основных кланов, список которых, однако, не является исчерпывающим:

Dir	Isaaq, Biimal
Darood	Majerteen, Dulbahante
	Ogadeen, Marrehan
Hawiye	Abgal, Habr Gidir, Saad
Digil/Mirifle(прежде Rahanweyn)	Digil, Mirifle
меньшинства	Benaadiri, Jererweyn

Несмотря на широкую клановую основу, TNG при переезде в Могадишо смогло установить контроль только на очень небольшой территории. В тех случаях, когда члены созданного в Арте и переехавшего в Могадишо парламента («парламент TNG») отваживались выезжать за рамки зоны контроля TNG в другие части города или даже в их сельские округа, их похищали с целью выкупа.³¹ Противники TNG изображают его как одну из многих факций, «факцию Арта» (Lewis 2002: 5).

TNG согласилось участвовать в мирной конференции в Эльдорете, послав число делегатов, равное другой союзной организации из оппозиции – SRRC. Фактически как TNG, так и SRRC представили по 65 делегатов (точные цифры всегда оспаривались и преуменьшались), однако TNG справедливо жаловалось, что группы, первоначально входившие в SRRC, начали получать самостоятельное представительство, так что относительная доля TNG снизилась. 4 ноября 2002 г. в своей газете TNG выдвинуло обвинение: «SRRC раскололось для сбора наибольшего количества делегатов на RRA (28), Пунтленд (28), SNF (14), Бенадир (2), SDU (2) и еще один блок из 65 делегатов, что в целом составляет 139 делегатов».³²

В отчаянии от того, что они воспринимали как маргинализацию TNG, на конференции в Эльдорете/Найроби некоторые из членов TNG призывали бойкотировать конференцию. Избранный в Арте президент Абди-кассим (Abdiqassim) большую часть времени находился в Могадишо; в Эльдорете и позднее – в Найроби его представлял премьер-министр Хассан Абшир (Hassan Abshir). Отношения между ними, однако, были напря-

³¹ Одним из таких случаев было похищение в Тиглоу (Tieglow), область Бакур (Baqoor), совершенное армией сопротивления Rahanweyn (RRA, Rahanweyn Resistance Army). Устное сообщение Андре ле Сажа (Andre Le Sage), 6 февраля 2003 г.

³² TNG Position Paper по конференции по национальному примирению в Эльдорете, Кения, 4 ноября 2002 г.

женными. 29 марта 2003 г. президент Абдикассим сделал совместное с военными вождями Османом Али Атто (Osman Ali Atto) и Мохаммедом Ханьяре (Mohammed Khanyare) заявление, призывая созвать альтернативную конференцию в Могадишо. Несколько представителей TNG в Найроби выступили 30 марта вместе с SRRC на пресс-конференции, протестуя против этого.³³

*Сомалийский Совет по Примирению и Восстановлению
(SRRC – The Somali Reconciliation and Reconstruction Council)*

SRRC был основан в Awasa, Эфиопия, в марте 2001 г.³⁴ Было время, когда Эфиопия предпринимала усилия для объединения и в военном отношении тех факций, которые она вооружала и поддерживала.³⁵ Председателем Совета стал Hussein Mohammed Aidiid, сын претендента на пост президента в 1990-х гг. и глава небольшого ополчения в Могадишо. Союз включал также «Osman'a Ali Ato, Muuse Sudi Yalahow, и Mohammed'a Siad'a Hersi, более известного как генерал Морган, а также Abdullahi Yussuf'a, президента Пунтленда».³⁷ Hussein Aidiid во время написания этого раздела (май 2003 г.) все еще является председателем SRRC, хотя и нет никаких оснований полагать, что он остается сильным игроком. Его военное влияние существенно сократилось уже к моменту основания SRRC, когда он потерпел поражение при Baidoa (Baydhaabo) от Армии сопротивления RRA (Rahanweyn Resistance Army) и эфиопов. Это поражение заставило его переметнуться на сторону победителей. Hussein Aidiid контролирует лишь пару кварталов около бывшего президентского дворца в Могадишо, однако он обеспечил себе некоторое состояние, получив 30 миллиардов сомалийских шиллингов от British American Banknote Company, подразделения Quebecor из Монреаля (Канада). Он не был единственным среди военных предводителей, печатавших сомалийские шиллинги за границей для трат внутри страны, где они вызвали быструю инфляцию³⁸,

³³ Hege Magnus (помощник автора на мирной конференции), отчет от 1 апреля, 2003 г.

³⁴ Somaliland Net (<http://www.somalilandnet.com/warya/2001/april/37286.shtml>).

³⁵ Somaliland Net (<http://www.somalilandnet.com/warya/2001/april/37331.shtml>).

³⁶ Somaliland Net (<http://www.somalilandnet.com/warya/2001/april/3269.shtml>).

³⁷ Годом позже, в мае 2004 г., Aidiid все еще рассматривался кенийскими хозяевами как необходимая часть мирной конференции. Mohammed Affey, кенийский посол в Сомали, и председатель конференции посол Kiplagat вмешались и освободили его из тюрьмы, куда он был помещен за отказ выплатить 15 миллионов кенийских шиллингов, взятых в долг (DAILY NATION, May 21, «Aideed sent to jail over Sh 15m debt», 26 мая, «How Aideed secured his freedom», Nationmedia.com/Daily Nation/NEWS).

³⁸ Согласно Литтлу (Little 2003), это вызвало 25% инфляцию в течение года. В иных отношениях сомалийский шиллинг был удивительно устойчивым, поскольку использованные купюры выбывали из обращения. Это один из примеров в истории, когда валюта продолжала использоваться при отсутствии центрального банка.

или для превращения в твердую валюту для закупки вооружений. Вторая попытка Hussein'a Aidiid'a напечатать шиллинги для своих нужд, однако, сорвалась, поскольку ему не удалось получить банковской гарантии для оплаты расходов на печать, в результате чего часть заказа не была доставлена. Его военный коллега Mohammed Deylaf и некоторые друзья по бизнесу перехватили сделку и оставшиеся 38 тонн валюты были доставлены. С тех пор *Ayr Hawiye*, субклан Deylaf'a из Hawiye, получил большее влияние за счет субклана Aidiid'a — *Habr Gidir* (UN 2003: 35, 41f.). После 11 сентября 2001 г. для Hussein'a Aidiid'a и других лидеров факций открылся новый источник финансирования: западные разведки поспешили заплатить им значительные суммы за весьма сомнительные данные о международном терроризме (UN 2003: 46). Когда я вместе с немецким дипломатом и бывшим членом ландтага (Saxon Landtag, земельный парламент) посетил Hussein'a Aidiid'a в его резиденции Soy Lodge около Eldoret, у него, казалось, не было финансовых нужд. Однако обращения к нему члена парламента как к «мистеру президенту» и «его высочеству» все же выглядели как чрезмерная учтивость.

SRRC остается рыхлым союзом, состоящим из факций лидеров военных ополчений, которые не находят общего языка друг с другом. Даже во время мирной конференции, после церемониального принятия перемирия и прекращения боевых действий, между некоторыми из них они продолжались или даже усилились.

В течение конференции некоторые факции, исходно рассматривавшиеся как составные части SRRC стали рассматриваться Техническим Комитетом IGAD (организацией-хозяином, см. ниже) в качестве самостоятельных образований и поэтому наделялись местами без соответствующего сокращения мест, отведенных для делегатов SRRC. TNG, разумеется, оспаривало такую практику, поскольку она сокращала относительную долю представительства TNG.³⁹ Эти новые единицы в списках делегаций представлены Пунтлендом, RRA, SNF и другими небольшими группами.

Пунтленд

Пунт — древнеегипетское наименование земли, в которой в античные времена собирали благовония. Территория на самом кончике Африканского Рога — северо-восточного угла Сомали, населенная под-

³⁹ Transitional National Government: Position Paper on the National Reconciliation Conference in Eldoret, Kenya, 4 November 2002.

группой *Herti* из семейства кланов *Darood*, восприняла это имя. «Хертиленд» («*Hertiland*») было бы более точным. *Herti* состоят, среди прочих, из *Majerteen* и *Dulbahante*. Доминирующим элементом в Пунтленде являются *Majerteen*. Многие из *Dulbahante* живут в соседствующем с запада Сомалиленде. Из-за существующего родства между *Dulbahante* и *Herti* самые восточные части Сомалиленда — *Sool* и *Sanag* — оспариваются Пунтлендом.

Притязания на *Sool* и *Sanag* основаны на клановой принадлежности (части) населения, а не на политической воле. Это может быть проиллюстрировано пресс-релизом правительства Пунтленда от 26 апреля 2001 г., подписанным «*Abdullahi Yusuf Ahmed, президент государства Пунтленд*», в котором попытки администрации тогдашнего президента Сомалиленда *Mohammed'a Ibrahim'a Egal'a* провести референдум были названы «немудрыми и провокационными». Клановые территории, на которые Пунтленд ссылается при проведении границ, провозглашаются более древними, чем колониальные границы, на которых был основан Сомалиленд. Притязания Сомалиленда на «территории *Harti[i]/Darood*», такие как *Sool* и *Sanag* и округ *Buhoodle* воспринимаются как агрессия против «территориальной целостности Пунтленда». ⁴⁰

Пунтленд претендует на государственную самостоятельность с собственным президентом (или двумя соперничающими президентами), однако в отличие от соседнего Сомалиленда, он не претендует на международное признание. Упор на самостоятельную государственность здесь служит как инструмент обретения большего веса в борьбе за власть в рамках Сомали в целом.

Армия сопротивления Rahanweyn
(*RRA – the Rahanweyn Resistance Army*)

RRA является одной из групп, которая, согласно сведениям TNG (см. выше), исходно включалась в квоту делегатов SRRC, а затем получила отдельную долю мест. *Rahanweyn* составляют основу более оседлого и земледельческого населения в области между реками Джуба (*Juba*) и Шабелле (*Shabelle*) в южном Сомали. С 1991 г. они были жертвами нападений ополчений *Hawiye* и *Darood*, а их заявленной целью была защита входящих в федерацию *Rahanweyn* (не кланов, а составных частей союза), а именно *Mirifle* и *Digil*, против агрессии с севера и востока. RRA состоит, в основ-

⁴⁰ Somaliland Net (<http://www.somalilandnet.com/warya/2001/april/3765.shtml>).

ном, из *Mirifle*. Присутствующие на конференции *Digil* не чувствуют, что RRA представляет их интересы, и жалуются на недостаточное представительство.

Мирные конференции могут приводить к росту военных столкновений. Точно так же, как в Пунтленде, вопрос о том, кто будет представлять эту территорию на мирных переговорах может привести к обострению борьбы между двумя претендентами на региональное президентство — Abdullahi Yusuf'ом и Jama Ali Jama: так и на юго-западе были столкновения между ополчениями председателя RRA Hassan'ом Mohammed'ом Nur'ом Shatigadud и его вице-председателем шейхом Adan'ом Madobe и Mohammed'ом Ibrahim'ом Habsade. Shatigadud потерял город Baidoa (Baydhaba), уступив его своим представителям 31 июля 2002 г.⁴¹ Сразу после соглашения о прекращении огня в Эльдорете 27 октября 2002 г. схватка вокруг Baidoa стала еще острее, как будто оба основных противника — Shatigadud and Habsade, находившиеся в числе подписавших это соглашение, хотели доказать миру, что у них есть мобильные телефоны. В последующий период силы Shatigadud'a были отеснены все дальше, а Madobe выступил в качестве новой сильной фигуры в Rahanweyn.

Между тремя соперниками внутри руководства RRA все еще существовало напряжение, когда автор посетил Huddur в области Vakoole в марте 2004 г. И шейх Adan (клан *Hadama*) и Shatigadud (клан *Hirin*) пользовались поддержкой Эфиопии. Ожесточенная борьба между этими двумя кланами, которая усилилась, несмотря на их союз, на это время немного утихла, и между ними возникло некоторое понимание. Третий претендент Habsade (клан), представляемый на местном уровне Saransur'ом (*Hadama*) был единственным, кто культивировал связь с TNG в Найроби.

Про-эфиопские предводители хотели встретиться с лидером *Majerteen'ov* «Морганом», бывшим генералом у Siad'a Barre⁴², известность которого как военного преступника, но не как обладателя независимой власти, превосходила аналогичную славу большинства из его коллег — полевых командиров. Ему удастся оставаться на сцене в качестве эфиопского наемника и союзника и собрата по клану Abdullahi Yusuf'a, «президента» Пунтленда. Habsade резко возражал против разрешения Моргану и его ополченцам участвовать во встрече в Huddur'e. Однако Saransur, его пред-

⁴¹ UNSOMALIA Press Releases 2002: RRA faction imposes condition for attending conference, Nairobi, 14 October (IRIN) [Часть RRA навязывает свои условия участия в конференции].

⁴² Умерший Mohammed Siad Barre являлся его тестем. О личных и клановых отношениях см.: Schlee 2002.

ставитель на месте, и его боевики оказались в итоге в меньшинстве, и местные старейшины уговорили их оставаться в укрепленном доме Saransug'a для того, чтобы избежать кровопролития.

Эта часть политики RRA осуждается в других регионах. Если внутренний мир в RRA и в областях Bay и Bakool сохраняется за счет позволения Моргану пройти через их территорию, то он может отправиться и прямо в Kismaayu, прибрежный порт, откуда он был изгнан в 1999 г. Ценою мира в одном регионе может быть война в другом.

Старейшины кланов *Digil* и *Mirifle* уже давно устали от инициируемых полевыми командирами стычек между клановыми ополчениями. Они начали оказывать давление на ополченцев и командиров нижнего звена, требуя компенсаций за убийства и раны, и существует тенденция к утверждению авторитета старейшин над ополченцами. Они, разумеется, не командуют, но обладают определенной степенью морального авторитета, который настолько высок, что к нему вынуждены прислушиваться даже полевые командиры. Важным форумом для этого остается региональная мирная конференция, организованная и финансируемая, в основном, местным населением, которая начала свою работу в Baidoa в октябре 2003 г. и затем переместилась в Waajid (Schlee 2004).

Сомалийский Национальный Фронт (SNF – the Somali National Front)

SNF состоит из *Marrehan*, клана бывшего диктатора Mohammed'a Siad'a Barre, которому пришлось бежать из столицы Могадисо в январе 1991 г. Он разбит на факции. Генерал «Морган», сам являющийся *Majerteen'om*, но женатый на дочери Siad'a Barre, иногда оказывается вовлеченным во внутри-Marrehan'ские раздоры. Эфиопия имеет также сильное влияние в Gedo, территории *Marrehan*, протянувшейся вдоль Juba, недалеко от эфиопской границы.

Администрация Jowhar (Jowhar Administration)

Jowhar – город на р. Shabelle, примерно в 100 км вверх по течению от Могадисо. Он находится под контролем предводителя *Abgal Hawiye* – Mohammed'a Omar'a Habib'a «Dheere».

Союз долины Juba (JVA, Juba Valley Alliance)

JVA выступает за силы *Marrehan*, находящиеся сейчас в распоряжении Kismaayu, после того, как его сводный брат из *Majerteen* «Морган» был изгнан из этого прибрежного города в 1999 г.

Отсутствующие представители Сомалиленда (Somaliland)

Через несколько дней после обретенной в 1960 г. независимости прежняя британская колония Сомалиленд на северо-западе присоединилась к территории к востоку и югу от Сомалиленда, переданной ООН под управление прежней колониальной власти — Италии. Эта территория практически одновременно вышла из-под опеки, и новой ее столицей стал Могадишо на юге; а не Hargeisa, столица той области, которая именовалась Сомалиленд. Люди с севера, как они стали называться, многие из них из семейства кланов Isaaq, были представлены в чередке правительств раннего периода независимости, однако с того момента, когда в 1969 г. к власти пришел Mohammed Siad Barre, их стали все более оттеснять. Они образовали движение сопротивления — Движение за спасение Сомали (SSM, Somali Salvation Movement).

К 1988 режим Siad'a Barre начал войну против кланов Isaaq, которая приобрела характер геноцида. Hargeisa бомбили с самолетов, их колодцы были отравлены. Население спаслось бегством, в основном, в Эфиопию. Одним из наиболее заметных генералов Siad'a Barre в то время был Mohammed Siad Hersi, известный также как генерал «Морган», о котором уже велась речь выше, в разделах о RRA и JVA. Он и ему подобные теперь представлены на сомалийском мирном процессе в Кении, и именно по этой причине Сомалиленд не присоединилась к этому процессу.

После падения режима Siad'a Barre в 1991 г. Сомалиленд восстановил свою независимость в границах прежней британской колонии.

Сомалиленд отрицает догму, что национальное объединение должно любой ценой производиться в соответствии с этническими разделениями. В июле 2002 г. президент Сомалиленда Dahir Riyaleh Kahin объяснил мне, что бывший Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос Гали, египтянин, подчеркивал в разговоре с ним важность сомалийского единства. Он ответил тому вопросом: «Что стало с Объединенной Арабской Республикой, которая включала Египет и Сирию?» И почему вообще все арабы не объединятся? Этот вопрос в особенности относится к представителям небольших эмиратов Персидского залива, когда они начинают призывать Сомали к восстановлению национального единства лишь на основании культурных сходств и диалектов.

Позиция Сомалиленда по отношению к сомалийской Конференции мира и примирения в Кении такова, что эта конференция может быть полезной для южного Сомали. Сам Сомалиленд, как они утверждают, уже обладает миром. Этот взгляд имеет свои основания. В Hargeisa отсутству-

ют схватки между ополчениями, нет похищений, грабежей; женщины не боятся ходить в золотых украшениях.⁴³ НПО переносят свои встречи и деятельность в Сомалиленд в тех случаях, когда ситуация с безопасностью на Юге не позволяет им свободно перемещаться.⁴⁴ Многие иностранные правительства демонстрируют признание Сомалиленда *de facto*. Единственным табу остается, по всей видимости, формальное дипломатическое признание.

В Сомалиленде уже имела место мирная передача президентства, когда бывший президент Igal передал власть своему вице-президенту Dahir'u Riyaleh'u Kahin'u из небольшого клана *Gadabursi*. В апреле 2003 г. в Сомалиленде состоялись президентские выборы. GTZ обеспечил оборудование и организационную поддержку. Это интересно, поскольку противоречит официальному непризнанию Сомалиленда. Результатом явилась оспариваемая победа бывшего президента малым числом голосов.

Для подобных мне международных советников и представителей прифронтовых государств обсуждение возможного образования Сомалиленда в качестве независимого государства было табу. С другой стороны, очевидно, что насильственная инкорпорация привела бы к катастрофе. В любом случае, сейчас не существует военной власти, которая могла бы контролировать хотя бы юг, не говоря уже о присоединяемом Сомалиленде. Когда меня неформально спрашивали о моих взглядах на эту проблему (это не было частью работы моего комитета), я обычно отвечал, что необходимо создать такие привлекательные социальные, экономические и политические условия на юге, которые бы были настолько привлекательными, что Сомалиленд захотел бы присоединиться. Реакцией был обычно слегка смущенный смех, поскольку такая возможность воспринималась как очень отдаленная. И все же настояние на приглашении Сомалиленда для участия в конференции (хотя он приглашался неоднократно) и жалобы на его неучастие всегда оставались позицией, многими поддерживаемой, и было также средством перекладывания вины на других, если ситуация принимала плохой оборот.

TNG настаивало на участии Сомалиленда. И хотя Сомалиленд не был представлен на предыдущей мирной конференции в Арте, где и было создано TNG, TNG в качестве единственного признаваемого правительства

⁴³ Сомалиленд платит за этот внутренний мир: в середине 1990-х гг. проходили тяжелые межклановые схватки, и для успокоения этих бывших боевиков Сомалиленд обеспечивает их занятостью и пенсиями, оставаясь «пленником своего мира, поскольку около 60% бюджета расходуется на клановые ополчения и армию» (Paul Simkin, личное сообщение).

⁴⁴ Одна из встреч была перенесена туда из Vaidoa во время нашего визита в июле 2002 г.

(ООН и Лигой арабских стран), приходится настаивать на том, что оно говорит от лица всего Сомали, если оно не желает превратиться в еще одну из многих факций. TNG возглавило список из 11 подписавших обращение к техническому комитету IGAD (плюс к семи другим международным и зарубежным организациям) от 23 октября 2002 г., в котором «международным, региональным и субрегиональным организациям» напоминалось об их резолюциях, требовавших уважения к суверенитету и территориальной целостности Сомали, и которые призывались «срочно известить делегации северных провинций и представителей гражданского общества, желающих на полных правах принять участие в сомалийском мирном процессе в Eldoret» и обеспечить их приезд. Это лишь один пример призывов к участию, обращенных к Сомалиленду, или, в данном случае, в обход правительства Сомалиленда — к любым организациям севера, желающим принять участие.

Abdullahi Yussuf, один из претендентов на президентство в Пунтленде, который в то время был более влиятельным, на праздновании соглашения о прекращении огня в State Lodge, Eldoret, 31 октября 2002 г. заявил в присутствии тогдашнего кенийского президента Даниэля арап Мои, что он был первым, кто много лет назад начал справедливую гражданскую войну в Сомали против режима Siad'a Barre. Теперь он хочет покончить с ней. А все, что случится в будущем — уже не его вина.⁴⁵ Этим заявлением он переложил вину за дальнейшие действия на других. Он прервал свое пребывание на конференции, и немного позднее военные действия начались в областях Sool и Sanag на крайнем востоке Сомалиленда на границе с Пунтлендом. Эти области, как упоминалось выше, оспаривались Пунтлендом на основе их кланового состава. Армия Сомалиленда, по всей видимости, успешно защищала этот регион, и в почти комическом перевертывании последовательности вторжений Пунтленд заявил в пресс-релизе от 9 декабря 2002 г., что перемещение военных сил Сомалиленда в Sool и Sanag, области, которые не считались никем принадлежащими Пунтленду, кроме самого Пунтленда, составляет нарушение «территориальной целостности государства Пунтленд». «Мы, следовательно, призываем сомалийскую конференцию в Eldoret, Технический комитет IGAD и международное сообщество решительно осудить враждебные действия руководства Северной Зоны [Сомалиленда] и принять все необходимые меры для наказания агрессоров, чтобы заставить их присоединиться к мирному

⁴⁵ Eldoret, 31.10.2001, полевой дневник, с. 23.

процессу». Разумеется, никто не полагал, что международное сообщество будет убеждено и примет предлагаемый курс действий, или что правительство Сомалиленда подчинится этим требованиям. Ясно, что Abdullahi Yusuf не хотел, чтобы Сомалиленд присоединился к конференции. Он хотел лишь переложить вину неучастия и вину за враждебные действия с Пунтлендом на Сомали.

Комитет лидеров, то есть представительство полевых командиров на конференции, выделил, согласно заявлению Abdullahi Yusuf'a, 50 делегатских мест (в то время было около 400 делегатов) и пять мест в Комитете (в то время – 23 места) Сомалиленду. Сомалиленд отверг это предложение. Маловероятно, что Сомалиленд примет какое-либо предложение ниже одной трети всех мест.⁴⁶ Планом объединенного парламента до объединения 1960 г. были 30 мест для экс-Сомалиленда и 60 мест для территории, бывшей под опекой итальянцев. Южане тогда увеличили свое представительство до 90 мест, в то время как северяне получили только три в дополнение к своим 30. Эта пропорция 33 к 90 оставалась до прихода к власти Mohammed Siad'a Barre в 1969 г. Как мне объяснил министр TNG из числа *Isaaq*, именно тогда север обманули, и представленность перестала быть пропорциональной. Некоторые бизнесмены из крупнейшего клана Сомалиленда – *Isaaq* – вполне влиятельны в Могадишо, и в рамках TNG есть группа, которая в целях объединения рассматривает возможность выделения президентства воссоединенного Сомали кому-нибудь из Сомалиленда или даже перевод столицы в Hargeisa, по меньшей мере до тех пор, пока ситуация в Могадишо не нормализуется.⁴⁷ Многие из *Darood*, однако, никогда не согласятся с президентом из числа *Isaaq*, и предложения прервать конференцию и послать делегацию в Hargeisa, как и обвинения в адрес Технического Комитета IGAD в том, что он не предпринял достаточных усилий, чтобы обеспечить участие Сомалиленда, не выглядят искренними. Некоторые из них могут рассматриваться как отвлечение внимания от провалов и ошибок, сделанных обвинителями.

Проблема с участием Сомалиленда может показаться странным приоритетом на фоне проблем на юге и то и дело вспыхивающих столкновений между ополчениями полевых командиров, представленных на конференции. Позиция, в соответствии с которой юг сначала должен решить собственные проблемы, на этом фоне выглядит оправданной.

⁴⁶ Источники: ICG 2003: 13f; список Комитета лидеров, представленный ниже.

⁴⁷ Разговор с министром TNG, Eldoret, 2 ноября 2002 г., дневник, с. 35f, 40.

Объединенный Сомалийский Конгресс (USC, United Somali Congress)
или то, во что он превратился

Объединенный Сомалийский Конгресс, который когда-то представлял союзную оппозицию *Hawiye* режиму Siad'a Barre, распался еще в начале 1990-х гг. USC нет в списке организаций с выделенными местами, однако он появляется в списке «лидеров» (полевых командиров) как объединение организаций. Не-*Hawiye* используют «USC» в качестве эвфемизма для обозначения *Hawiye* любых политических предпочтений (подразумевая, что все они одной масти, и ни один не лучше другого).

**Прифронтовые государства-члены Межправительственной
Организации по Развитию (IGAD frontline states)**

Джибути

Джибути был страной, предоставившей место для проведения мирной конференции в Арте, где сформировалось TNG. Джибути продолжает поддерживать TNG. Поставки оружия для TNG осуществляются через Джибути.⁴⁸

Эфиопия

С 1996 г. Эфиопия многократно осуществляла военное вмешательство в Сомали. Первое вторжение было направлено против Al-Itihaad, и с тех пор подразумеваемые связи Al-Itihaad с международным терроризмом служат удобным оправданием для Эфиопии для непосредственного, или с помощью вооружения факций внутри Сомали, вмешательства в дела этой страны (UN 2003).

Помимо этого, на конференции в Eldoret до и после ее переезда в Найроби, представители Эфиопии не соблюдали дипломатической сдержанности и вполне открыто занимались политикой силы. Некоторые воспринимали их как слишком агрессивных. Однажды я слышал, как эфиопский дипломат жаловался другому члену Технического комитета, что один из сомалийских «лидеров» превратился в «жертву». Под виктимизацией подразумевалось, что представительство его делегации было несправедливо сокращено. Этот член Технического комитета сначала не мог понять, поскольку человек, о котором шла речь, был известным массовым убийцей во времена до и после режима Siad'a Barre. Его знали под кличкой «мяс-

⁴⁸ UN 2003: 27-30.

ник Hargeisa», данной ему за ту роль, которую он сыграл в бомбардировке этого города в 1988 г. Слово «жертва» не слишком подходило для этого типа личности, и это и вызвало недоверие собеседника эфиопского дипломата. Подобные анекдоты могут быть рассказаны многими участниками конференции.

Кения

У Кении есть очевидный интерес в восстановлении мира в Сомали, поскольку она сталкивается с серьезной проблемой беженцев, и ее восточные границы подвергались многократным нарушениям. В качестве страны, принимающей конференцию, она выполняет роль председательствующего.

Председатель Технического комитета, кениец, заслужил критику сомалийских делегатов и потенциальных делегатов за ошибки в числе представителей различных групп и движений. Международное сообщество со скептицизмом относится к его поведению в отношении финансов.

Он был замещен в январе 2003 г. послом Betwell'ом Kiplagat'ом, личностью с выдающимися дипломатическими способностями и хорошей репутацией. К тому времени некоторые из проблемных тенденций, как, например, преувеличенная роль полевых командиров в переговорах, уже не могли быть исправлены.

Другие региональные силы

Лига Арабских Стран

Лига Арабских Стран финансировала предыдущий мирный процесс в Арте (Джибути) и продолжает поддерживать созданное в ее ходе правительство — TNG. Ее резолюция о финансовой поддержке усилий TNG's по восстановлению мира и стабильности в Сомали (включая не всегда выполняемые обязательства) позволило некоторым отдельным арабским странам поддерживать TNG на двусторонней основе (UN 2003: 31).

«Международное сообщество»

Италия

Италия играет ведущую роль в Европейском Союзе в вопросах, касающихся Сомали. Ее финансовое присутствие также значительно. Сомали подозревает Италию в слишком энергичном продвижении итальянских экономических интересов.

Европейский Союз

У Европейской Комиссии есть делегация в Найроби (эквивалент посольства), а в рамках этой делегации существует сомалийское подразделение.

Многие инициативы по развитию в Сомали координируются этой организацией. ЕС играл ключевую роль в финансировании мирного процесса и осуществлял роль критического наблюдателя финансового поведения администрации конференции.

США

Лидирующая роль США в «войне против террора» очевидна, а о связи между новым интересом к Сомали и террористской атакой на США 11 сентября 2001 г. уже шла речь выше.

Американские дипломаты постоянно присутствовали в качестве наблюдателей на конференции в группе представителей международного сообщества, которая регулярно встречалась с председательствующим на мирном процессе.

Мелкие игроки

Было несколько визитов норвежских дипломатов, представляющих ЕСЭ или Норвегию, а также один министр из Уганды, канадский наблюдатель и многие другие.

Германия оплатила большинство расходов конференции на этапе Eldoret (900 000€), и немецкие дипломаты надеялись, что поддержка Германией мирного процесса в Сомали становится видимой для всех. Это могло послужить одной из причин и для моего назначения. Когда я спросил, существует ли особая политика Германии по отношению к Сомали, мне ответили, что у Германии в Сомали нет материальных интересов и что я могу поступать так, как считаю нужным.

После представления «игроков» уместно привести краткую хронологию событий, предшествовавших мирному процессу. После окончания возглавляемой американцами интервенции UNOSOM (она фактически провалилась в 1993 г. и затем тянулась в урезанной форме до марта 1995 г.), организации ООН и международные НПО с частыми перерывами продолжали работу в распавшейся стране там, где позволяла ситуация с безопасностью. Техническая помощь осуществлялась в существенно урезанной форме. От представителей находящихся там организаций требовалась большая личная смелость. В политической сфере, однако, к Со-

мали в период с 1993 по 2001 гг. почти не проявлялось никакого интереса. Миру, казалось, было все равно. Политические обозреватели, привыкшие к миру с государствами, иногда интересовались, как можно жить без государства, однако их интерес скоро угас. 11 сентября 2001 г. случились террористические атаки на Нью-Йорк и Вашингтон. Международные террористы, как тогда подозревали, могли найти убежище где-нибудь вне досягаемости всякой государственной власти. Следовательно, необходимо было восстановить государственность в тех местах, где она ослабела. Внезапно появились деньги для мирных инициатив в Сомали.

Организацией, которую подозревали как сомалийскую часть, партнера или эквивалент аль-Каиды, была al Itihaad – «единство». Она функционировала в сомалийской части Эфиопии (прежде именуемой «Регион 5»). Она была децимирована эфиопами, понесла поражения от сил Mohammed'a Farah'a Aidiid'a (USC, рекрутированный из клана *Hawiye*, а в основном – *Saad*) в Kisimayu в 1991 г. и от Сомалийского демократического фронта спасения (Somali Salvation Democratic Front) на северо-востоке Сомали (теперь Пунтленд) в 1992 г. В итоге она обрела базу в области *Marrehan* вдоль долины Juba, но из-за вторжений эфиопов в Сомали с 1996 г. и участия al Itihaad в Национальном освободительном фронте Ogadeen (ONLF), действовавшем в «Регионе 5», что окончательно рассорило их с эфиопами, al Itihaad наконец отказался от самостоятельной военной активности. В эфиопско-эритрейской войне 1999-2000 гг. Эритрея некоторое время поддерживала ONLF и al Itihaad для открытия второго фронта против Эфиопии (Le Sage 2001). Таким образом, al Itihaad стал частью временного альянса с Эритреей, OLF (Oromo Liberation Front – Освободительный фронт оромо, оперировавший в южной Эфиопии из северной Кении и затем вытесненный из Кении) и силами Hussein'a Aidiid'a (Schlee 2002: 264, Schlee 2003, Schlee and Shongolo, в печати).

Al Itihaad и ее сестринская организация al Islaah вовлечены и в совершенно мирные предприятия: организацию приютов для сирот, школ и центров здоровья (Marchal 2001: 9). Al Itihaad вряд ли является террористической угрозой для остального мира, как это представляют. Бомбардировки американских посольств в Дар-эс-саламе и Найроби и бомбовая атака гостиницы в Момбасе, посещаемой израильянами, в последние годы способствовали укреплению подозрения, что несомалийские террористы вместе с оружием могут легко перемещаться по территории Сомали

(UN 2003: 32), однако до сих пор не было установлено никаких значимых связей Сомали с международным терроризмом. Недавно al Itihaad стало внедряться в бизнес, и за его деятельностью стоит наблюдать. Нет сомнений, что у него — исламистская ориентация. Однако до сих пор я не обнаружил никаких сведений о его связях с террористами или соответствующих намерений. Если и существуют агентства, располагающие такой информацией, они ее не обнародовали.

Сомалийцы, присутствовавшие в Eldoret и Mbagathi, соревновались по части «умеренности» или «традиционности» как мусульмане. Сцена «местной», то есть сомалийской, НПО является местом, где разворачивается антитеррористический дискурс. В качестве примера можно привести Ahl as Sunna wal Jamaa — объединение «исламских ученых», которые придают большую значимость «традиционному» Исламу. В этом контексте суфийский сомалийский ислам противопоставляется ваххабитской модернизации и радикализации. Я цитирую из брошюры этого движения, которая распространялась в Eldoret. Я оставил все ошибки в английском не для того, чтобы посмеяться, но потому, что редактирование изменило бы характер источника.

Ahl as Sunna wal Jamaa утверждают, что они «*the Ulama who kept the name of Islam from ugly names we hear today like extremists, hardliners, and terrorists*» [уламы, которые уберегли имя ислама от уродливых имен, которые мы слышим сегодня — экстремисты, твердолобые и террористы]. Переходное правительство, первоначально воплощавшее надежду, превратилось в net of extremists [сеть экстремистов]. К целям организации относятся «*to encourage and participate how to form a government which is free from extremist elements, [...] to send delegates inside and outside to make sure the extremists are not meddling their distorted ideologies within Somali community*» [содействие и участие в формировании правительства, свободного от экстремистских элементов]. Поскольку в Сомали нет государственной экономики, вся система образования, насколько она существует, финансируется за счет частных пожертвований и поддержки частных организаций, которые зачастую являются исламскими или исламистскими. Это, очевидно, стало основой следующего пункта программы: «*To open new Schools and colleges which Change the current extremist ones*» [открывать новые школы и колледжи, которые бы заменили прежние экстремистские]. Безопасность работников из программ по развитию остается центральным требованием западных стран, и отсюда следующий пункт: «*To encourage local people not to harm aid workers*» [поощрять местных людей,

чтобы они не причиняли вреда работникам программ помощи] (Datiert 21/03/02).

В другой подобной брошюре, датированной 20/05/2002, говорится: «*Somalia becoming safe haven to extremist who are powerful economically, military and politically though it is difficult to remove them easily from the power because of their involvement in Somali's affairs is over 90%*» [Сомали становится безопасным пристанищем для экстремистов, которые сильны в экономическом, военном и политическом отношениях, однако их трудно устранить от власти, поскольку их вовлеченность в дела Сомали достигает 90%]. Особенно часто жалуются на то, что молодое поколение идет по неверному пути: «*Most youngsters are under extremist group teaching their ideologies and distorted principles*» [Большинство юношей входят в группы экстремистов, где те обучают их своим идеологиям и искаженным принципам]. Однако некоторые категории молодежи при этом, кажется, несколько смешиваются, что и понятно, поскольку всем им, с консервативной точки зрения, приписываются одни и те же отклонения: «*The worst of them all are called Iyal tio who shave parts of their heads and wear trousers three sizes bigger than their own size*» [Худших из них называют *Iyal tio*, они брею часть головы и носят штаны на три размера больше собственного]. Молодые люди со странными прическами и в мешковатых брюках знакомы нам и по улицам западных городов. Но они скорее берут пример с *gangster rappers* из музыкальной программы MTV, чем с террористов из Саудовской Аравии.

Довольно об *Ahl as Сунна wal Јамаа*^c. Другие делегаты точно так же осуждали опасность терроризма и искали поддержки у представителей западных стран. Один сомалиец из Финляндии, товарищ по партии *Aydiid'a*, полагал, что ЕС в своих собственных интересах должен провести разоружение всех ополчений в Сомали. Это должно быть масштабной военной акцией. Если не удастся восстановить в Сомали государственный порядок, терроризм из Сомали распространится по бесчисленным мечетям и медресе европейской сомалийской диаспоры. Ему можно возразить, задав вопрос, среди каких сомалийцев будет распространяться радикальный ислам в Европе? Среди европеизированной молодежи с ее компьютерными играми и поп-культурой? Или среди его собственных детей, которые, как он сам жаловался, давно превратились в финнов и уже не интересуются Сомали? Или среди его поколения, в котором все стремятся перещегоолять друг друга в анти-террористической риторике?

Таким образом, «картина врага-исламиста», первоначально рассчитанная на консервативный (пост)-христианский мир, превратилась в новых условиях вознаграждения и оплаты в инструмент, с помощью которого мусульмане полемизируют друг с другом.

В условиях Сомали, можно наверняка заключить, al Itihaad является мелким игроком. Его роль в международном терроризме оценить труднее из-за скрытого характера подобной деятельности. Сомнения относительно его важности могут быть оправданны. Самым драматическим эффектом в истории, который оказался связан с al Itihaad, стала его реальная или только мнимая связь с терроризмом, способствовавшая тому, что международное сообщество возобновило дипломатическую деятельность в отношении Сомали и выделило значительные средства для мирного процесса. Денежный поток не был так постоянен, как хотелось бы кенийцам, но это зависело и от ненадежной отчетности. К ноябрю 2003 г. постоянный наблюдатель (Paul Simkin, личное сообщение) оценил, что около 80% финансирования поступило из ЕС, и что помимо ограниченного финансирования из США, остальные деньги пришли из Италии и стран Северной Европы. Помимо этих фондов, направляемых непосредственно для конференции, многие страны перераспределили свои программы помощи после 11 сентября 2001 г., направив деньги на разрешение конфликта. Подсобная деятельность, подобная моей роли на конференции, оплачивалась не из бюджета конференции, а из других источников, в моем случае – GTZ.

Первая фаза 14ой сомалийской мирной конференции была завершена в Eldoret 27 октября 2002 г. соглашением о перемирии. Подписавшими это соглашение стали «лидеры», как их стали называть на дипломатическом жаргоне. Большинство из них было известно как полевые командиры. Для некоторых из них подпись под соглашением была простым лицемерием, поскольку их отряды возобновили боевые действия пару дней спустя, как будто «лидеры» хотели показать, что у них есть мобильные телефоны и что они все еще могут приказывать.

Организация конференции на «фазе 2» заключалась в Техническом Комитете, в основном определявшем регламент и состоявший из представителей прифронтовых государств IGAD, который был хозяином конференции, а также «Комитете лидеров». Следующие ниже списки показывают состав этих органов.

В январе 2003 г. председательство Техническим Комитетом перешло от м-ра Elijah Mwangale, бывшего кенийского министра, к послу Bethwell'u Kiplagat'у. Состав ТК на начало 2003 г. представлен ниже.

Посол Kiplagat	Председатель и представитель Кении.
Посол Abdulaziz	Глава делегации Эфиопии.
Посол Ismael Guled	Представитель Джибути.
М-р Peter Marwa	Представитель секретариата IGAD .
М-р Yamani	Зам. представителя Эфиопии.
М-р Shaoul	Член делегации Эфиопии.
М-р Kibio	Член делегации Кении.

Комитет лидеров

Точно так же, как вопросы представительства и общего числа оспаривались на уровне простых отдельных делегатов, оспаривался и состав Комитета лидеров (эвфемизм для обозначения представительства полевых командиров). В списке присутствуют подписавшие Декларацию Eldoret, т.е. соглашение о прекращении боевых действий, которое было церемониально, но без большого эффекта принято в начале конференции Eldoret.⁴⁹

	Имя	Титул, политическая принадлежность, (клановая принадлежность)	Примечания
1	Hassan Abshir	Премьер-министр TNG (Darood>Majerteen> °ise Mahmuud)	Находится в Могадишо.
2	Abdullahi Yusuf	Президент сомалийского штата Пунтленд (Darood>Harti>Majerteen>Omar Mahamuud>Reer Mahad)	Находится в Galka°yo (Mudug).
3	Abdalla Deerow Isaaq	Спикер Переходной Национальной ассамблеи	Парламент 'Арта', который был переведен в Могадишо и подвергся изменениям состава.
4	Hussein Moh. Farah Aidiid	Сопредседатель SRRC (Hawiye>Habr Gidir>Saad>Jalaaf)	
5	Полковник Hassan Mohammed Nur 'Shatigudud'	Председатель RRA (Mirifle>Siyyet>Hareyn)	Схватки с силами Madobe's (№ 23) около Baidoa продолжались и во время конференции.

⁴⁹ Источники: Список, представленный Техническим Комитетом; неопубликованные материалы Andre Le Sage; Abbink 2003: 352f.

	Имя	Титул, политическая принадлежность, (клановая принадлежность)	Примечания
6	Mohammed Afrah	Председатель USC (Hawiye>Murosade)	Находится в Могадишо.
7	Полковник Hassan Abdulla Qalad	Председатель НРА	
8	Mawlid Ma'ane Mohamuud	Председатель SAMO/SRRC Nakuru	Nakuru – город в Кении, место предыдущей встречи.
9	Musa Sude Yalahow	Председатель USC/SSA/SRRC (Hawiye>Abgal>Wa'budan>David>Qubeys?)	Находится в Могадишо; SSA объединяет <i>Abgal</i> и <i>Murosade Hawiye</i> . Прежде возглавлялся <i>Ali Mahdi</i> .
10	Omar Mohamuud Mohammed 'Finish'	Председатель USC/SNA (Hawiye>Abgal>Dauud >Irobe)	Находится в районе медины в Могадишо. SNA прежде возглавлялась <i>Aidiid</i> 'ом.
11	Osman Hassan Ali 'Atto'	Председатель USC/SNA/SRRC Nakuru (Hawiye>Habr Gidir>Saad>Hilowle)	
12	Mohammed Sayyid Aden	Председатель USC/SRRC	
13	Полковник Abdirazaak Isaaq Bihi	Председатель SNF (Darood>Marrehan>Reer Dini)	Северные <i>Gedo</i> , поддерживаются Эфиопией. SNF прежде поддерживала бывшего президента <i>Mohammed'a Siad'a Barre</i> .
14	Генерал Mohammed Siad Hersi 'Morgan'	Депутат председателя SPM (Darood>Herti>Majerteen>Abdi Rahin)	Прежде владел <i>Kismaayo</i> (ср. № 15). Сейчас выступает наемником у других (Эфиопии, Пунтранда ⁵⁰).
15	Barre Adeb Shire= Barre Hirale??	Председатель JVA (Darood>Marrehan>Reer Dini?)	Альянс долины <i>Juba</i> удерживает <i>Kismaayo</i> , который он захватил у 'Моргана', № 14.
16	Mohammed Omar Habib 'Dheere'	Председатель Jowhar Administration (Hawiye>Abgal>Harti >Warsangeli=	Укрепление в Среднем <i>Shabelle</i> .
17	Abdullahi Sheikh Isma'il	Председатель SSNM/BIREM	SSNM объединяет <i>Biimal</i> и других южных <i>Dir</i> .
18	Hilowle Imam Omar	Сопредседатель SRRC	

⁵⁰ О роли «Моргана» в 1990-х гг., см. Schlee 2002: 265f.

	Имя	Титул, политическая принадлежность, (клановая принадлежность)	Примечания
19	Abdulaziz Sheikh Yusuf	Председатель SPM	В 1990-х гг. сомалийское патриотическое движение ассоциировалось с именем Omar 'Jess' ⁵¹ .
20	Генерал Aden Abdullahi Nur 'Gabiyow'	Председатель SPM (Darood>Ogadeen> Aulihan)	
21	Mohammed Aden Wayel	Председатель SPM/Nakuru	
22	Д-р Sharif Salah Mohammed Ali	«От имени гражданского общества» («On behalf of Civil Society»)	
23	шейх Aden Mohammed Nur 'Madobe'	Переходный председатель RRA (Mirifle>Saagal>Hadama)	Вытеснил 'Shatigudud' (№ 5), заняв с помощью военной силы лучшее положение после перемирия.

Помимо Технического Комитета и Комитета лидеров, существовало еще шесть комитетов, которые решали технические вопросы, а именно:

1. федерализм и проект Хартии;
2. демобилизация, разоружение и реинтеграция;
3. земля и права собственности;
4. экономическое восстановление, строительство институтов и мобилизация ресурсов;
5. разрешение конфликтов и примирение;
6. региональные и международные отношения.

Эти комитеты должны были готовить проекты резолюций для обсуждения лидерами и пленарным собранием. Международные эксперты были присоединены к комитетам для обеспечения направляющей структуры.

В «Предложениях для процесса и структуры Фазы 2» от 1 ноября 2002 г. заявлялось, что «должны быть приняты меры по технической, практической и политической подготовке *до формального разделения власти*» (курсив в оригинале). Это было вполне осмыслено. Необходимо было определить конституционные институты и региональные и административные

⁵¹ Schlee 2002: 265f.

единицы; главным содержанием мирного соглашения было описание деятельности будущего правительства по установлению послевоенного порядка еще до раздела власти. Иными словами, следовало сначала определить власть, прежде чем делить ее.

Фактически же в Комитете лидеров начали торговаться (хотя формальных решений и не было принято) параллельно работе шести тематических комитетов. У последних, состоявших из более квалифицированных сомалийских делегатов и несомалийских ученых, создалось впечатление, что любое их решение не будет иметь в итоге большого значения, по сравнению с параллельным обсуждением, развернувшимся в группе 23 «лидеров», квалификация которых ограничивалась, по большей части, размером вооруженной силы, которую они были способны мобилизовать. Что если разделение на регионы, предлагаемое комитетом 1, станет отличаться от сделки, совершенной тем временем полевыми командирами? Что станет с хитроумными правилами реституции собственности, разработанными в комитете 3, если эти командиры заявляют, что они не расстанутся с награбленным?

Полевые командиры — это люди, которые используют оружие для захвата добычи, для вымогания денег у легального и нелегального бизнеса, простых граждан и иностранцев или для защиты нелегальных источников доходов, таких как оплата за сброс отходов или продажа прав на рыбную ловлю⁵², которые им не принадлежат. Эти нелегальные доходы используются затем для приобретения еще большего количества оружия, чтобы играть на более широкой арене. На конференцию были приглашены в качестве «лидеров» те, чья военная сила была наибольшей, то есть наиболее успешные игроки в этой игре.

Верно, что предыдущий процесс в Арте провалился во многом из-за того, что его результаты не были приняты полевыми командирами и что мирный процесс должен вовлекать ту власть, которая имеется. Однако это привлечение могло принять и иную форму. Вместо того, чтобы смотреть, как они восседают в роскошных резиденциях в окружении своих приспешников и милостиво соглашаются на аудиенции с длинной чередой дипломатов и зарубежных журналистов, которые затем с гордостью перечисляют, с каким числом командиров им удалось поговорить вместо того, чтобы ощущать их нависающее над мирным процессом серое присутствие, их следовало выдвинуть на первый план и заставить давать объ-

⁵² О довоенных оценках перспективы вылова рыбы см.: Somalia v. Janzen 1991, Mohamed & Touati 1991.

яснения перед массами делегатов, матерями их жертв, группами правозащитников. В таком случае, все это обрело бы смысл. Это вовлекло бы их в мирный процесс и оказало бы на них давление, чтобы они приняли его результаты, вместо того, чтобы отдать этот процесс в их руки и сделать его площадкой для их игр во власть.

В качестве миротворцев полевые командиры имеют плохой послужной список. В отчете ICG (Международной Кризисной Группы) от 6 марта 2003 г. резюмируется: «... лидерство на конференции было предложено тем же самым лидерам факций, которые провалили реализацию предыдущего мирного соглашения» (IGC 2003: 3). Это произошло и после заключения рассматриваемого перемирия.

Нехватка легитимности помешала бы этим фигурам придти к миру, даже если бы из намерения были искренними. TNG не способно эффективно действовать в качестве правительства даже в собственной столице — Могадишо; и эту роль не может выполнить ни один из полевых командиров. Альянс долины (Juba Valley Alliance, JVA), правящий в Kismaayu, воспринимается местным населением как оккупирующая сила. Различные факции Армии сопротивления (Rahanweyn Resistance Army, RRA) сражаются друг с другом в Baidoa, в то время как их лидеры проводят время в одной компании в Eldoret/Nairobi. У Пунтленда нет законного президента и в нем правит сила, если он вообще управляется, с тех пор как в июле 2001 г. истек срок действия демократического мандата Abdullahi Yusuf'a.⁵³

Искренность приверженности мирному процессу этих «лидеров» может быть поставлена под вопрос, если упомянуть их военные акции и жестокости, совершенные во время мирной конференции, зачастую в то время, когда зачинщики сидели вместе, и уже после подписания мирного соглашения. В декабре 2002 г. Abdullahi Yusuf'у пришлось временно покинуть конференцию, и сразу после этого в области Sanag Сомалиленда вспыхнули боевые действия (заметки автора). В июне 2003 г. «столкновения между ополчениями лидеров-соперников в RRA Shatigudud'a и Habsade вылились в серию актов мести, включая похищения и изнасилования девушек» (Menkhaus 2003: 32). Вооруженный конфликт продолжался в медине Могадишо между ополчениями Omar'a Finish'a и Musa Sude (Menkhaus 2003: 32). Обнаружилось, что Пунтленд, который часто превозносился как место с относительно высоким уровнем права и порядка, находится на плохом счету в отношении произвольных арестов и задер-

⁵³ IGC 2003: 3, и беседы.

жаний (Menkhaus 2003: 34), в то самое время, когда конференция еще продолжалась. Все это говорится здесь не за тем, чтобы отметить каких-либо полевых командиров как особенно плохих, но для того, чтобы подчеркнуть сомнения, что международное сообщество имело дело с необходимыми людьми, а если это было неизбежно, то вряд ли стоило предоставлять им такую выдающуюся роль.

Одним из серьезных недостатков мирного процесса стало то обстоятельство, что Комитет 1 по федерализму и подготовке проекта Хартии, который также именовался комитетом по конституционным вопросам, предложил два конкурирующих проекта, один из которых вряд ли был федералистским и предполагал установление сильной центральной власти. Это было особенно неудачно, так как для работы остальных комитетов необходимо было больше знать о тех региональных и конституционных рамках, в которых должна была разворачиваться планируемая ими деятельность, будь то реституция собственности, демобилизация, или что-то еще. (Как можно планировать арбитражные суды и их координацию с административной и юридической системами, если вы не знаете, сколько будет административных единиц, какие типы судов и на каком уровне будут организованы? Как можно планировать демобилизацию, если вы не знаете, будет ли полиция федеральной или государственной, какого типа и размера будут армия и флот, чтобы охватить демобилизованных ополченцев?..)

Предпочтения более федералистской или более централистской моделей могли отражать интересы полевых командиров, выражаемые делегатами в комитетах. Наиболее сильные могли предпочесть концентрацию власти, поскольку надеялись, что эта власть будет принадлежать им. Трудно сказать, насколько тесными были связи между тем, что происходило в тематических комитетах и Комитете лидеров, и насколько лидеры проявляли активный интерес к деятельности этих комитетов. Здесь могло сказаться и их общее безразличие к правовым вопросам и другим подобным тонкостям. Кроме того, вовлеченные в подготовку проектов резолюций люди, как правило, были более образованны, чем некоторые из их политических «лидеров», и компенсировали свою реальную подчиненность за счет интеллектуального превосходства.

Один из сомалийских юристов, представивший большой объем материалов для одного из проектов, как-то представил автору своего «босса». Позднее автор спросил его, что это за человек. Тот с пренебрежительным жестом ответил, что он не говорит ни по-английски, ни по-итальянски и

вообще не играет особой роли. Тот выступал в качестве депутата от одного из полевых командиров, в делегацию которого входил и юрист. Сам полевой командир, фигура с весьма подпорченной репутацией, уехал в Сомали для продолжения своей основной деятельности.⁵⁴

В июле 2003 г. резолюции комитетов 2-6 были приняты на пленарной сессии. Обсуждение проекта федеральной конституции, объединенной версии двух конкурирующих проектов, подготовленных Комитетом 1, только начались и продолжались до августа. Я уже говорил, что если бы хронологический порядок был иным, работа других комитетов значительно бы выиграла. Но даже теперь, для того, чтобы не ставить под удар согласованный документ, решение многих проблем было отложено. Проект (Переходная Федеральная Хартия...), утверждает, например, что федерализм будет основываться на существующих государствах, (Ст. 88.0, §1, с. 41 «Существующие государства и региональная администрация [sic] станут неотъемлемой частью Переходного Федерального правительства Сомали»). Любой наблюдатель сомалийской политики не может не заметить, что остается неясным, сколько таких федеральных государств существует. Некоторые из них, которые, кажется, демонстрируют некий модус существования, оказываются вовлеченными в вооруженные приграничные стычки друг с другом. Иными словами, не существует федеральных государств с общепринятыми границами, которые можно было бы использовать в качестве строительных блоков федерации. Единица, в наибольшей степени напоминающая государство – Сомалиленд, не принимала участие в конференции; а другим единицам предстоит еще долгий путь, для того чтобы стать государствами.

Посол Kiplagat, заслуженный кенийский дипломат, принявший председательство на конференции в январе 2003 г., после того как многое уже шло по неверному пути, а репутация всего предприятия пострадала от плохой организации и коррупции, проявил незаурядные способности в исправлении сложившейся ситуации. Остается посмотреть, завершится ли процесс и будет ли принята переходная конституция в дополнение к пяти программным документам, а также будет ли сформирован парламент и избрано правительство. Если все это произойдет, то правительство станет частью мирного соглашения и будет вынуждено осуществлять его.

Но даже в случае успешного завершения мирной конференции, останется множество неясностей относительно ближайшего будущего. Смо-

⁵⁴ Eldoret 3 февраля 2003 г., дневник, с. 41.

жет ли правительство установить свой контроль в Сомали? Будет ли оно после избрания соблюдать все части мирного соглашения? В соответствии с бытовой мудростью, мы должны быть готовыми к худшему. Таким худшим случаем будет ситуация, при которой мирный процесс испарится без следа, оставив Сомали в прежнем или худшем состоянии. Но не должны ли мы также быть готовыми к лучшему? Что если в ближайшем будущем появится сомалийское правительство, основанное на достаточно широком согласии и желающее реализовать политику, намеченную мирным процессом в Eldoret/Mbagathi? Для международного сообщества будет большим позором, если оно окажется не в состоянии оказать эффективную поддержку такой реализации.

3. Личный опыт в «Комитете по земле и правам собственности»

Автор является антропологом, проводившим исследования с 1974 г. в большинстве скотоводческих сообществ в Восточной и северо-восточной Африке. Он исследовал межэтнические клановые отношения, в которые вовлечены и сомалийские группы (Schlee 1994 [1989]), а также закономерности альянсов в недавней сомалийской истории (Schlee 2002) и вопросы, связанные с развитием (MoLD: 1991, 1992). Он был без предупреждения назначен экспертом на мирную сомалийскую конференцию в Eldoret в октябре 2002 г.

Он работал в качестве эксперта (Resource Person) в Комитете 3: Земля и права собственности, для которого он разработал перечень проблем и повестку, в целом отразившиеся в документе, разработанном комитетом в течение нескольких последующих месяцев. Работа заключалась также в идентификации тех вопросов, которые останутся открытыми, и в обсуждении проблем согласования сомали и английской версий документа. С января по март 2003 г. в осуществлении этой задачи ему помогал студент-ассистент Hege Magnus из Норвегии. Их работа в Eldoret, и позднее - в Найроби, оплачивалась GTZ.⁵⁵ Назначение автора произошло в ответ на инициативу представителя GTZ в головном офисе IGAD в Джибути. Предложение IGAD о его назначении было поддержано немецким посольством в Найроби и, наконец, кенийским Министром иностранных дел.

Перспектива рассмотрения в данном разделе сформирована опытом участия автора в работе Комитета по земле и правам собственности. Следующие цитаты приводятся из резюме отчета этого комитета, который ав-

⁵⁵ Общество технического сотрудничества (Gesellschaft für technische Zusammenarbeit), общественно финансируемая немецкая корпорация по развитию.

тор передал в Технический комитет 7 февраля 2003 г. При его обсуждении сомалийский председатель этого комитета настоял, чтобы резюме отражало согласованную в комитете позицию «в каждом слове и абзаце». Его использование в данном случае удобно, поскольку оно значительно короче, чем полный документ:

«Комитет 3 по земле и правам собственности рассматривал проблему, являющуюся существенной для установления послевоенного порядка и необходимым условием длительного мира [...⁵⁶].

Я рад, что могу сказать, что с самого начала своей работы комитет принял принципы реституции собственности и компенсации за утрату собственности. Не было ни одного голоса, который бы заявил, что ради мира лучше забыть и простить, а не восстанавливать справедливость.⁵⁷ Справедливость является необходимым условием примирения. Могут быть люди, которые используют примирение в качестве извинения для того, чтобы терпеть несправедливость, которые говорят, «давайте сохраним status quo, давайте простим и забудем все ради мира» за счет жертв. Но такие взгляды в нашем комитете не выражались. Этот комитет был единогласен в своем убеждении, что продолжение несправедливости и оставление собственности в руках тех, кто отнял ее силой, посеет семена для последующих конфликтов. Длительный мир может строиться только на справедливости, а она означает возврат собственности тем, у кого ее отняли силой.

Отчуждение земель и других форм собственности началось в Сомали не в 1991 г. Комитет настоял на включении в документ исторического обзора, который повествует об экспроприациях колониального периода. Что касается правительств постколониального периода, их законы были оставлены в силе. Земельные сделки, заключенные в то время, не пересматриваются. Однако и тогда было злоупотребление властью. Правительственные чиновники или их партнеры незаконно приобретали земли, принадлежащие мелким собственникам, и эти земли должны быть возвращены.

⁵⁶ Пропущенные здесь абзацы содержат информацию о процессе работы и выражение признательности за вклад в нее Abdurrahman'a Aden'a Ibbi и Mohammed'a Sheikh'a Ali. Упоминается также председатель комитета Ali Ismail Abgidir.

⁵⁷ Задачей комитета была разработка правил и плана действия по вопросам собственности после учреждения нового правительства. Это предложение означает, что это новое правительство должно дать приоритет решению спорных вопросов собственности, для того чтобы могло быть достигнуто настоящее примирение и установлен стабильный и мирный послевоенный порядок. Все примечания к этой цитате были добавлены позже. Документ, переданный в Технический комитет, не содержал никаких примечаний.

Разумеется, что именно период после 1991 г. стал свидетелем беспрецедентного насильственного изъятия земель и другой собственности. Но в отличие от воров, которые прячут наворованное, в Сомали сегодня есть люди, приобретшие земли и другую собственность под дулом автомата и с помощью всех видов нарушений прав человека, подчинивших бывших собственников земли и превративших их в рабов, которые открыто пользуются незаконно приобретенной собственностью, нарушая все принципы справедливости учение ислама и все нормы человеческой порядочности. Этим людям придется вернуть все взятое силой.

С технической точки зрения, в отношении решений этих проблем и их реализации, комитет решил рекомендовать следующее:

Поскольку ни один из судей не сможет рассмотреть всех случаев оспариваемой собственности, которые следует ожидать в Сомали, необходимо создать специальные комитеты.

Для решения проблем колониального наследия правительство учредит комитет, в котором будет представлен ряд министерств и эксперт по колониальной истории, публичному и международному праву. Этот комитет проведет исследование британского и итальянского колониализма в Сомали. Он проведет оценку нарушений прав собственности, совершенных правительством или отдельными лицами, имевшими правительственные посты, или лицами, близкими к ним. Он оценит нарушения прав собственности и экологический вред и рассмотрит вопрос о выплаченных и невыплаченных компенсациях.

Для устранения несправедливостей, причиненных постколониальными правительствами в период с 1960 по 1991 гг. региональные и местные суды рассмотрят намеренные или обычные нарушения в области распоряжения землями и прав собственности, совершенные правительством или отдельными лицами, имевшими правительственные посты, или лицами, близкими к ним.

Относительно нарушений прав собственности в период после 1991 г. необходимо сначала призвать всех, кто незаконно распоряжается собственностью⁵⁸, вернуть эту собственность законным владельцам к определенному сроку. Неподчинившиеся должны быть подвергнуты наказанию.

На уровне района (district) должны быть организованы два типа комитетов:

⁵⁸ Понятия «законно» и «незаконно» не обсуждались комитетом в релятивистской или деконструктивистской манере. Разделялось мнение, что собственность, приобретенная силой или за счет злоупотребления правительственной властью, считается незаконной.

1. тип «А» по разрешению земельных и поселенческих конфликтов, включая городские земли и другие виды собственности;
2. тип «В» по разрешению споров относительно крестьянских земель, там, где они существуют и оспариваются.

Помимо различных ветвей администрации, в этих комитетах должны быть представлены полиция, местные старейшины и влиятельные люди. Эти комитеты обладают властью вызывать стороны в конфликте и его свидетелей, а также обращаться к экспертной помощи. В течение 10 дней решение комитета может быть оспорено в компетентной судебной инстанции, в противном случае оно считается окончательным.

Другой проблемой является правительственная собственность, которая оказалась в других руках. Федеральное правительство призвано сформировать комитет с задачей возврата в собственность всех владений, таких как общественные здания, национальные заповедники, корабли, самолеты, транспортная инфраструктура и все правительственные промышленные предприятия. Те, кто получил прибыль от нелегального использования этой собственности, должны отчитаться за нее или быть осужденными по полной силе закона.

Такие же комитеты для возврата государственной собственности будут сформированы на уровне регионов и районов. Есть много случаев, когда офисы, банки, отели, станции заправки и другие службы, принадлежавшие правительству, были нелегально присвоены другими.

Особое внимание следует уделить собственности Итальянской администрации по опеке, которую необходимо вернуть народу Сомали. Часто такая собственность попадала в руки влиятельных лиц, которые уничтожали свидетельства ее происхождения, доказывающие ее общественный статус. В таких и подобных случаях для установления истины важным станет устное свидетельство⁵⁹, позволяющее региональным правительствам вернуть эту собственность.

Особой проблемой для периода после 1991 г. являются оккупированные и оспариваемые области. Мы говорим об оккупации в тех случаях, когда местное население было изгнано, в то время как на оспариваемых территориях исходное население все еще есть, но отеснено и запугано. Такие вопросы должны решаться федеральным правительством. Оно должно назначать нейтральную и беспристрастную администрацию в ос-

⁵⁹ Следует добавить, что использование устного свидетельства остается проблематичным. Для установления истины его следует критически перепроверять. Критика источников, используемая в академической устной истории, может служить примером.

париваемые области на переходный период, не превышающий 6 месяцев. Глава государства назначает комитет, составленный из ключевых министров и полиции, для решения подобных вопросов.

Все ополчения, силой удерживающие оккупированные территории, должны их покинуть, так чтобы собираемые свидетельства об их истинной принадлежности могли быть собраны не под угрозой.

Здесь комитет призывает международное сообщество и IGAD сохранить свою заинтересованность в Сомали и обеспечить этому правительству поддержку в установлении мира, закона и порядка, чтобы оно было способно разоружить и демобилизовать ополчения.

Вопрос о правах собственности тесно связан с ее продуктивным использованием. Земли, которые прежде были справедливо конфискованы в общественных интересах, должны использоваться продуктивно. Если они не распределены между безземельными, они должны использоваться для привлечения иностранных инвесторов в целях производства для международных рынков. Минеральные ресурсы должны быть поставлены под контроль государства. Если федеральное правительство получает от них выгоды, оно должно предоставить региональной администрации, на чьей территории их добывают, право на участие в планировании, заключении контрактов и доле в прибылях.

Управление землями и пастбищами должно быть в руках региональной администрации. Если земля востребована федеральными органами, запрос на ее конкретное использование должен поступать в региональную администрацию; она должна возвращаться после такого использования. С другой стороны, если федеральное правительство устанавливает грубые нарушения федерального закона или конституционных принципов со стороны региональной администрации, у него есть право обратиться в национальный парламент и получить разрешение на вмешательство.

Документ, который мы вручили, содержит гораздо больше деталей, чем я мог из-за нехватки времени представить здесь. Он рассматривает также вопрос, как поступать со строительными объектами, которые были возведены, расширены или изменены без соответствующих процедур, если они не противоречат общественным интересам; он гарантирует частную собственность существующим радио и телекомпаниям и предприятиям телекоммуникации и т.д. [...]».

Отчет Международной кризисной группы, появившийся месяц спустя, был критичным по отношению к конференции в целом, однако в нем нашлось несколько добрых слов о работе Комитета 3, хотя и были указа-

ния на некоторые остающиеся проблемы. Он цитируется ниже с комментариями:

«Комитет по земле и собственности мудро подошел к своей работе, сделав попытку классификации различных типов споров о земле и собственности и возможных механизмов их разрешения, вместо произвольного определения рамок исторического периода, который надлежит рассматривать».

На самом деле вопрос о временных рамках занял существенное место в повестке, которую автор разработал для комитета. Комитет не только согласился включить в рассмотрение период правления Siad'a Barre, но выразил желание рассматривать вопросы собственности с 1912 г., времени начала колониального правления.

«Сосредоточенность исключительно на спорах после падения режима Barre позволила бы получить преимущества тем, кто выиграл от прежнего режима, и наказала бы «освободителей». Ограничение рассмотрением случаев периода независимости было бы более взвешенным, однако потребовало бы сложного бюрократического и юридического аппарата для изучения состояния земель при прежних правительствах. (Значительная часть довоенной документации была потеряна или уничтожена, а проблемы земельной собственности были чрезвычайно политизированы при этих правительствах.) Включение в период рассмотрения времени, когда происходила демаркация клановых границ при колониальном режиме, как заметили некоторые члены комитета, открыло бы ящик Пандоры взаимно неразрешимых притязаний».

Это было одной из причин, почему в отчете не упоминалось ни одного наименования кланов. Уровень согласия о принципах земельной собственности никогда не был бы достигнут, если бы в официальном отчете была попытка приписывания коллективной вины какому-нибудь клану или группе или указано на территориальные приобретения клана за счет другого, даже при использовании нейтральной для внешнего наблюдателя фразеологии. Для читателя-сомалийца и так ясно, о чем идет речь в разных разделах отчета.

«Принимая во внимание чувствительность задачи, которая описана в проекте как «коренная причина продолжающейся гражданской войны», не удивительно, что комитет в качестве приоритета избирает также определение ущерба, нанесенного колониальными практиками и установление размера репараций с прежних колониальных держав, вопроса, не вызвавшего возражений ни у одного из членов комитета».

В проекте также говорится, что земельные сделки колониальных правительств, законные или незаконные, подверглись пересмотру в более позднем законодательстве, так что, следовательно, нет необходимости отменять все и возвращаться к доколониальной собственности времен 1912 г. Степень, до которой бывшие колонизаторы признают и компенсируют причиненный ущерб, остается действительно неопределенной. Для делегатов; однако, важным моральным пунктом было то, что несправедливости в Сомали не начались с момента независимости. Мне не удалось бы исключить упоминаний колониального периода, даже если бы я пытался.

«Несколько более проблематичной является предлагаемая в нем система национальных и местных комитетов, которая потребует ведущей роли устойчивого и нейтрального центрального правительства. При дальнейшем рассмотрении может появиться более прагматическая система, предоставляющая большую ответственность местным властям».

Она и в самом деле может появиться. Следует, однако, пояснить, что в задачи комитета входила разработка политики, реализуемой *после* переезда в Могадишо сформированного в ходе мирного процесса правительства, и даже разработка действий, которые оно должно осуществить в месяц 1, месяц 2 и т.д., хотя было неизвестно, когда это произойдет и какого типа будет это правительство. В конце концов, Комитет 1 по конституционным проблемам работал параллельно с нами и в условиях низкого уровня внутреннего согласия, так что мы не могли себе сколько-нибудь точно представить форму будущего правительства, будь оно более централистским или федералистским.

«Самое смелое и потенциально наиболее противоречивое утверждение комитета, это то, что все ополчения, силой оккупирующие территории, должны их покинуть до переговоров или арбитража. Хотя в отчете не упомянуты конкретные случаи, эта рекомендация имеет особое значение для ополчения *Nabr Gidir'a*, рассеянного между Могадишо и *Kismaayo*, и для его партнеров из *Marrehan* в альянсе долины *Juba*. Несмотря на его трудность, вопрос этот, коль скоро он предъявлен, следует рассмотреть. Нижняя *Shabelle* и Нижняя *Juba* вряд ли увидят устойчивый мир, если их лидеры приходят к власти силой. И теперь, когда сомалийцы ясно выразили свое мнение, международное сообщество, до сих пор воздерживавшееся от занятия позиции, должно почувствовать себя свободнее и занять ее».

4. Прокламируемые потребности:

что Сомали ожидает от международного сообщества

Этот раздел основан на оценке отчетов перечисленных комитетов, которые имели дело с разработкой политики, а именно:

2. демобилизация, разоружение и реинтеграция;
3. земля и права собственности;
4. экономическое восстановление, строительство институтов и мобилизация ресурсов;
6. региональные и международные отношения.

Отчет Комитета 5 Разрешение конфликтов и примирение не был доступен в секретариате конференции.

Из этих отчетов извлечены потребности в технической помощи при реализации политики, выработанной в комитетах. Дополнительными источниками послужили заметки, сделанные при обсуждениях с сомалийскими делегатами. Там, где эти потребности выражены достаточно ясно, но на общем уровне, я ставлю более специфические вопросы относительно конкретных шагов.

Демобилизация, разоружение и реинтеграция

Этот отчет является самым коротким из четырех, и его рекомендации, соответственно, носят общий характер. Он обращается за помощью к международному сообществу в двух областях. 1. Он одобряет присутствие международных наблюдателей при реализации резолюций Совета безопасности ООН № 733 от 23 января 1992 г. и № 1407 от 3 мая 2002 г. для прекращения притока вооружений в Сомали. 2. Он обращается с просьбой к международным военным силам для обеспечения безопасности новому правительству. Эти силы должны быть расквартированы в правительственной штаб-квартире и в таких стратегических пунктах, как аэропорты (с. 4).

Мы вернемся к теме *Демобилизация, разоружение и реинтеграция* при рассмотрении «Продолжающихся программ в области технической поддержки».

Земельные права и права собственности

Этот отчет касался, помимо прочего, оспариваемых областей, в которых значительная часть населения была изгнана пришедшими из других регионов ополчениями. Для оценки коллективных прав (таких как право на пастбища) в этих областях, нужно было рассмотреть определенные ти-

пы свидетельств. Поскольку такие свидетельства могли быть обнаружены в архивах за рубежом или в университетских библиотеках, нужно было оценить необходимость исследований. Упомянутые типы свидетельств включают книги по истории, карты и другие документы, относящиеся к оспариваемым местностям, документацию о границах между сомалийскими общинами, проведенным колониальной администрацией и другие колониальные документы. Здесь необходимы и советы экспертов (с. 23f).

Реституция сельскохозяйственной собственности ее прежним владельцам оставит большое число нелегальных оккупантов без средств к существованию. Многие из них пришли из скотоводческих регионов. Для возврата их к производительной деятельности, области, в которые они будут направлены, должны быть охвачены программами развития, такими как восстановление стад и пастбищ, программа торговли скотом, небольшие ирригационные программы, а также развитие ремесел и промышленности. Комитет 3 на своем собрании 28 марта 2003 г. при обсуждении роли международного сообщества в реконструкции Сомали привлек внимание будущего правительства и международного сообщества к тем неизбежным социальным последствиям, которые вытекают из процесса восстановления законной собственности.

Комитет 3 обсудил экологические проблемы, такие как неправильное использование открытых пастбищ и территориальных морей Сомали для захоронения токсических отходов. В соответствии с защитой морской среды и контролем над морскими ресурсами, заявлено, что «Поскольку на начальной фазе существования нового правительства не будет устанавливаться налог на доходы, необходимо определить источники финансирования и экспертизы» (с. 32). «Комитет 3 по земле и правам собственности будет признателен за любую экспертизу, касающуюся следующих проблем:

- планирование и бюджет (включая такие вопросы как требуемое число лодок и их стоимость);

- опыт других стран, сталкивавшихся с подобными проблемами. Помимо подготовки персонала и технической помощи, потребуются оборудование и инструменты для измерения радиации и других форм токсичных загрязнений» (с. 33).

Отчет комитета 3, был суммирован выше, в разделе «Личный опыт...».

Вывод: Личный опыт подчеркивает значение реституции собственности и проясняет некоторые процедурные вопросы, однако он не помогает при решении некоторых проблем технического характера, например:

1. Как необходимо вести учет земельным правам и где должны храниться записи? С приходом современной технологии типа GPS процедуры описания местонахождения и измерения площади стали намного легче, однако и здесь необходим учет для будущего использования. Мы вернемся к этой проблеме в разделе *Продолжающиеся программы в области технической поддержки*.

2. Кто должен обеспечивать проведение в жизнь решений о реституции собственности, принятых арбитражными комитетами и, позднее, обычными судами? В Косово это было оставлено на усмотрение местной полиции, а та зачастую ничего для этого не делала.⁶⁰ Необходимо ли создавать службу принуждения, подобную судебным приставам? Необходимо учреждение, которое *должно* будет следить за исполнением решений по реституции собственности, соблюдением сроков и изъятием имущества. Отказ от подчинения решениям об изъятии должен рассматриваться как правонарушение и соответствующим образом наказываться. Упорядоченное изъятие требует персонала и материальных ресурсов, таких как загоны для скота, в тех случаях когда его нужно эвакуировать с изымаемых земель и складские помещения для движимого имущества изгоняемых по суду.

Эту деятельность, правильное документирование решений и их исполнение необходимо проводить последовательно. Следует избегать несистематического и избирательного применения и случаев, когда соответствующие программы исчерпывают фонды. Это может подорвать доверие ко всему процессу реституции. Справедливость перестает быть таковой, если применяется избирательно.

Для эффективного решения вопросов о собственности требуются более детальное исследование и планирование. Сейчас нет статистических сведений об ожидаемом числе случаев. Как нужно оценивать эффект прецедентов? Будет ли рассмотрение одного типичного случая решать массу подобных, коль скоро незаконные оккупанты воздержатся от апелляций? Или, быть может, прецеденты помогут хотя бы ускорить всю процедуру? Или, напротив, каждый из случаев потребует длительного рассмотрения? Здесь нужен опыт других стран.

*Экономическое восстановление, развитие институтов
и мобилизация ресурсов*

Комитет «Земельные права и права собственности» констатировал необходимость восстановления скотоводства и соответствующего рын-

⁶⁰ Я благодарю Daniel Lewis, UN-Habitat, за это замечание.

ка в связи тем, что кочевникам-скотоводам придется оставить занятые ими силой сельхозугодия. Это вполне соответствует действиям и мерам, предложенным комитетом по *Экономическому восстановлению, развитию институтов и мобилизации ресурсов*. Первые из четырех рекомендаций относятся к восстановлению скотоводческого производства, а именно: 1. организация ветеринарных служб, включая сертификацию экспорта скота; 2. поощрение экспорта мяса и мясопродуктов; 3. развитие поддерживающей инфраструктуры — площадок передержки, маршрутов перегона, карантинных станций мест подкормки, с привлечением частного сектора; и 4. улучшение и консервация открытых пастбищных земель (с. 10).

Отчет предоставляет также детали фискальной политики. Поскольку прибыль и финансирование влияют на все секторы правительства и экономики, мы вернемся к их рассмотрению в разделе *Вопросы, общие для всех комитетов (расходы и налоги)*.

Региональные и международные отношения

В отчете комитета по *Региональным и международным отношениям* подчеркивается важность интеграции и активного участия Сомали в региональных и международных организациях. Это рассматривается как средство снижения напряженности и опасности конфликтов, поскольку создает возможность для консультаций при появлении каких-либо проблем.

В терминах содействия росту опыта предлагается приглашать сомалийские делегации с визитами в национальные и международные учреждения для знакомства с парламентской работой или деятельностью правительств. Определена проблема нехватки квалифицированного персонала в Сомали в области дипломатии.

5. Продолжающиеся программы в области технической поддержки

Демобилизация, разоружение и реинтеграция

Существуют различия между резолюциями мирного процесса в Eldoret/Mbagathi и тем, что представляется как преобладающее мнение экспертов по *демобилизации, разоружению и реинтеграции (DDR)*. Резолюции мирного процесса предоставляют хронологический приоритет разоружению, поскольку «новое правительство не сможет выполнять свой долг до тех пор, пока оружие находится в руках людей».⁶¹

⁶¹ Конференция по национальному примирению Сомали, отчет комитета по разоружению (Somali National Reconciliation Conference, Disarmament, Demobilization and Reintegration, draft report, Dec. 3, 2002).

Кроме того, Комитет 3 по *Земле и правам собственности* считает, что арбитражный процесс на оккупированных землях не может начаться, пока их не покинут занимающие их ополчения (с. 23). Все это создает впечатление, что пока оружие на руках, о деятельности правительства не стоит и говорить. С другой стороны, политический документ международных экспертов⁶² утверждает в разделе *Усвоенные уроки*, что «Мир и существование эффективно функционирующей власти является необходимым условием для реализации деятельности по DDR». Это делает хронологический порядок обратным: здесь заявляется, что функционирующее государство является условием разоружения, вместо того, что разоружение должно быть завершено до того, как государство начнет функционировать. Кроме того, в числе условий для DDR обнаруживается «Земельная комиссия» (с. 23). Это означает, что конфликты по поводу земли должны быть разрешены *до того*, как начнется разоружение. Хронологический порядок этих процессов или их взаимодействие при одновременной реализации нуждаются в дальнейшем обсуждении.

Компромиссной позицией может явиться не требование функционального правительства в качестве необходимого условия разоружения, но наличие добровольного и обязательного мирного соглашения. Это предполагает, что DDR не станет первым шагом в деэскалации. Существуют примеры нежелательных последствий разоружения, и несбалансированного разоружения в ситуациях, грозящих насилием, следует избегать. В 1993 г. тот факт, что американцы и бельгийцы разоружили Ahmad'a Omar'a 'Jess'a в Kismaayu и тем самым позволили его сопернику Mohammed'у Sa'id'у Hirsi «Моргану» занять город, содействовал активизации союзника Jess'a — Aydiid'a, что, вероятно, и явилось одной из причин последовавшей катастрофы UNOSOM (Schlee 2002: 265f). Найтон (Knighton 2003) описывает, как программы разоружения сделали беззащитным против грабежа и насилия правительственными войсками Karamojong'a в Уганде. Никто не должен быть принужденным сдать оружие в опасной ситуации. Определенный уровень закона и порядка является необходимым для DDR, и только тогда DDR сможет сделать свой вклад в установление мирных и справедливых условий.

Сменим рассмотрение с национального на провинциальный уровень. В мирных переговорах, происходящих между различными кланами

⁶² UNDP Somalia, Somali Aid Coordination Body/Governance Working Group 2001.

Rahanweyn и их вооруженными отрядами в Waajid, на повестке стоит не разоружение этих отрядов, но их подчинение старейшинам. Происходили безобразные межклановые столкновения, например, между *Hadama* и *Harin*, приведшие к жестоким убийствам и уродованию женщин, а также столкновения между *Eelay* и *Tunni*. Делегаты с мирной конференции отправились туда и призвали виновных дать *sabeen*, примиряющий подарок, открывающий путь к переговорам о компенсации.

Как и среди европейских наций, у которых применяются различные законы для времен войны и мира, и убийство на поле боя не осуждается так же, как убийство после войны, так и во многих необъявленных войнах в Африке, способы регулирования, которые хорошо работают при низких уровнях насилия, не используются во время эскалации. Если убийства становятся слишком многочисленными и анонимными (с использованием полуавтоматического оружия), они никогда не обсуждаются в юридических рамках. Начало переговоров о компенсации, инициированные в этом случае Rahanweyn, являются хорошим индикатором в двух отношениях: случаи не так многочисленны, чтобы не рассматривать их индивидуально, и есть желание примирения, в противном случае единственной альтернативой приему компенсации была бы месть.

Эти переговоры о компенсации ставят преступников, боевиков и их командиров низшего звена в положение ответственности перед старейшинами. Фигурам, видимым для международного сообщества — «полевым командирам» — удавалось до сих пор стоять в стороне от этого процесса, который способен серьезно ограничить их власть *de-facto*, но они не удержались от лицемерных похвал в адрес мирных усилий старейшин кланов. Здесь на местном уровне происходит тот же переход, который неоднократно наблюдался в Европе, когда при переходе от абсолютизма к демократии армия приводилась под контроль общества.

Старейшины Rahanweyn не дожидаются результатов мирной конференции в Найроби. Они пытаются остановить кровопролитие, убрать блокпосты на дорогах, гарантировать безопасность торговцам в пределах области своего влияния. Они принимают на себя и некоторые из законодательных функций. Идет обсуждение о переформулировке и унификации обычного права (*xeer*), касающегося компенсации. Существует система выплат за убийства и ранения, зависящая от двусторонних межклановых соглашений. Компенсация за убийство человека, которая будет равна 100 верблюдам по расценкам северного Сомали, здесь может быть все-

го 44 или даже 27 верблюдов.⁶³ Сейчас обсуждается установление единого размера компенсации в 100 верблюдов, чтобы поднять порог для потенциальных убийц. Если группа отказывается платить, то преступник должен быть расстрелян.⁶⁴

GTZ IS «Проект по улучшению систем земледелия» организует деревенские семинары как часть своего «Процесса развития интеграции общин» (Muchoki et al. 2003). Участники одного из таких семинаров хотели обсуждать именно изменения в обычном праве. Власть регулирования, по всей видимости, наконец, возвращается на низовой уровень, в то время как верхние ее эшелоны остаются нефункциональными (Schlee 2004b). Проект GTZ как в Waajid, так и в других деревнях облегчает такие обсуждения, предоставляя пищу, транспорт (в добавок к ресурсам, поставляемым местным населением) и некоторые другие материальные блага, но не устанавливая повестки обсуждений и не пытаясь влиять на их течение. Местные сомалийцы должны иметь ясное чувство «собственности» относительно этих процессов. Как только они станут ассоциироваться с иностранным влиянием, они утратят их доверие и поддержку и могут превратиться в простой фасад по привлечению помощи, как и многие другие НПО.

Земельные права и права собственности

Взгляд комитета 3, что несправедливость в вопросах земельных прав началась не с 1991 г., и его настойчивость в рассмотрении вопросов собственности с начала колониального периода поддерживается результатами недавних исследований. В монографии о Geledi (Afgooye), Лулинг (Luling) включает раздел о земле и землевладении следующим абзацем:

«За всеми этими переменами скрывалась сила или угроза ее применения. Захват земли итальянскими колонистами основывался на открытой военной силе, хотя и переведенной на язык договоров и соглашений. Второй земельный захват в годы Siyad'a Barre происходил в легальных формах, но и здесь присутствовала сила. С распадом государственных институтов в начале 1990-х гг. захваты земель осуществлялись с помощью неприкрытой силы ополчений различных клановых группировок, боровшихся за контроль. В Afgooye и большей части нижней Shabelle все кон-

⁶³ Интервью с Mohamed'ом Ahmad'ом Yare Dheere, Huddur, 6 марта 2004 г. в приложении к: Schlee 2004b.

⁶⁴ Интервью с Sharif'ом Yusuf'ом Sharif'ом Ahmad'ом, Waajid, 8 марта 2004 г. в приложении к: Schlee 2004b.

тролировали *Habar Gidir*, к которым относились как к новым “колонистам”» (Luling 2002: 163).

Примирение между *сомали* и другими *сомали*, как между сомали и другими нациями, должно основываться на правде. Оно не может быть основано на сокрытии прошлого. Даже в тех случаях, когда старые права на землю не могут быть соблюдены, поскольку они были включены в последующие законодательные акты и стали необратимыми, важно пролить свет на то, что происходило. Требуется больше исторических исследований для строительства этой основы для прощения.

По отношению ко всем подобным несправедливостям, которые могут быть исправлены, международное сообщество имеет ясную политику. Есть общее согласие, что устойчивый мир может быть построен на обнаружении истины и восстановлении справедливости, а не на плохом и преходящем компромиссе между большим или меньшим числом правонарушителей, у которых на данный момент оказалась власть. «Агентства по развитию ООН и международные НПО все более применяют «правовой» подход к постконфликтному развитию в Сомали» (Menkhaus 2003: 37). Ничья собственность не может рассматриваться как находящаяся в безопасности, если существует угроза жизни и нет институтов, куда можно обратиться в случае нарушений прав, относящихся к физической безопасности, достоинству или материальной собственности. Права на собственность должны рассматриваться в более широком контексте правового порядка, и именно от установления такого порядка следует ожидать развития благосостояния. «Правовой подход к развитию только тогда обретет значение, когда к социально-экономическим, гражданским и политическим правам обратятся одновременно» (UNDP 2001: 182).

Комитет 3 по *Земельным правам и правам собственности* предложил создание арбитражных комитетов, которые в ограниченный период будут рассматривать споры о собственности. Оставшиеся случаи могут рассматриваться обычными судами, к которым можно апеллировать и в тех случаях, когда результат арбитража не удовлетворяет. Это подразумевает существование юридических институтов. Последние исследования показывают, однако, что такое существование не может приниматься автоматически. Мы рассмотрим этот вопрос ниже, в разделе *Экономическое восстановление, развитие институтов и мобилизация ресурсов*, поскольку юридические институты необходимы не только для прав собственности, но и для всего общественного и экономического развития в целом.

Заслуживают внимание также несколько более технических программ. Отчет Агентства по развитию ООН по Сомали под заглавием *Capacity Building for Governance* [Развитие возможностей управления], датированный июнем 2001 г. (UNDP 2001), обращается ко многим из описанных выше проблем в разделе *Земельные права и права собственности* под параграфом *Заявленные потребности*. В нем рекомендуется пересмотр кадастров, в которых отмечены согласованные с соседями границы каждой фермы для избежания конфликтов в будущем. Кроме того, предлагается создание земельной базы данных для управления землями. Пионерская работа в этой области была проделана в Сомалиленде (см. ниже: *Уроки Сомалиленда*).

Целый раздел упомянутого документа посвящен *Развитию возможностей для споров о земле*. Особые измерения, которых достигла проблема отчуждения земель в Южном Сомали, отражены в следующем утверждении: «В случае Южного Сомали крупномасштабная карта фермерских хозяйств, созданная с помощью аэрофотосъемки, является неоценимым инструментом для разрешения будущих сложных проблем с возвращением земель в сельскохозяйственных областях междуречья. Аэрофотосъемка не в состоянии, разумеется, отразить немаркированные границы» (UNDP 2001).

*Экономическое восстановление,
развитие институтов и мобилизация ресурсов*

В отношении важности скотоводства и торговли скотом, функционирующей инфраструктуры и по многим другим вопросам существует высокая степень согласия между документами процесса Eldoret/Mbagathi и программами организаций технического сотрудничества. Помимо рекомендаций, сделанных комитетами в Eldoret/Mbagathi, важная область муниципальной администрации была рассмотрена суборганизацией ООН НАВИТАТ.

Недостаточное внимание получил лишь один тип институтов — судебные. Как было описано выше, Комитет 3 по *Земле и правам собственности* более или менее принимал за данность существование судов, которые должны были продолжить работу арбитражных комитетов после отведенного для их функционирования времени. Поэтому здесь уместно рассмотреть состояние судебной системы в Сомали.

Отчет по человеческому развитию Сомали 2001 описывает Сомалиленд и Пунтленд как наиболее развитые области «Сомали» (в широком

смысле). Однако то, что сообщается об их правовых системах, не вдохновляет: «Только 19 из 35 судей в Сомалиленде имеют юридическое образование; у остальных есть некоторое образование и опыт в применении норм *шариата*. Большинство окружных судей умеют читать лишь на сомали и арабском, и не смогут выполнять гражданские и криминальные процедуры, с документами на английском или итальянском языках. Существует нехватка полных собраний законодательства, и офисы обычно плохо оборудованы. Оплата судей чрезвычайно низка и составляла эквивалент \$4-5 в месяц в 1999 г. [...] Пунтленд также страдает от нехватки квалифицированных судей. Только 18 из 44 судей имеют степени зарекомендовавших себя университетов. Большинство из них знает *шариат*, но не имеет опыта судопроизводства» (UNDP 2001: 176). В июле 2002 г. автору рассказали в Hargeisa, что многие предпочитают шариатские суды государственным, поскольку первые быстро выносили приговор, а во вторых дела длились бесконечно. Кое-где старейшины снова взяли на себя исполнение судебных функций. По поводу *Afgooy* мы читаем: «После падения правительства Siyad'a Barre традиционная система осталась главной поддержкой закона во времена беззакония» (Luling 2002: 200).

Здесь уместно предупреждение, что не следует романтизировать традиционные формы разрешения конфликтов в Сомали и приписывать им установление справедливости и гармонии. Внимательное прочтение работы Льюиса (Lewis 1961), безусловного адвоката сомалийских подходов, обнаруживает, что закон, основанный на компенсациях (арабское *diya*, сомалийское *mag*), не слеп⁶⁵ по отношению к социальному положению судящихся и очень чувствителен к власти. Существует перечень выплат за кровь от 100 верблюдов за убийство мужчины или мальчика и 50 — за убийство женщины⁶⁶, до фиксированных низких выплат за все виды повреждений и ран. Однако исполнение всех этих компенсационных выплат зависит от различных соображений, в том числе от демографического размера и вооруженности группы. Большая выплачивающая *diya* группа может так организовать выплаты, чтобы индивидуальные вклады были малы и порог использования насилия низким. Им тогда будет легко убивать время от времени любого члена соперничающего клана, например,

⁶⁵ В отличие от повязки на глазах у «Юстиции» в ее аллегорических изображениях в европейской традиции.

⁶⁶ Эти цифры относятся к одному из вариантов обычного права, бытующему на севере и в центре Сомали. Среди *Digil* и *Mirifle* на юге существуют межклановые соглашения с иными цифрами. Мы вернемся к этим местным формам хеег (контракта, обычного права) в разделе *Продолжающиеся программы в области технической поддержки / Демобилизация, разоружение и реинтеграция*.

во время типичных стычек в сухой сезон по поводу порядка очереди стад к колодцу, и тем самым удерживать на расстоянии другие кланы, сохраняя за собой лучшие пастбища и стратегические колодцы рядом с ними. Выплаты *diya* не причиняют им ущерба, поскольку экономические выгоды агрессивного поведения перевешивают случайные выплаты за убийство. С другой стороны, если они сильны, им даже не приходится платить *diya*. Целью выплаты *diya* в сомалийском обычном праве является предотвращение мести, поскольку пострадавшая группа имеет право на отмщение, если им не предложили заплатить *diya* или они не приняли это предложение. Право, однако, не предполагает автоматически возможности его исполнения. Как и в доколониальном сомалийском обществе (а теперь и во многих других местах) не существовало особых институтов, обеспечивающих выполнения закона, независимых от кланов и групп, выплачивающих *diya*⁶⁷, то есть от сторон в тяжбе. Тот, кому не отказано в компенсации и кто сохраняет право мщения, должен организовать его сам. Это означает, что сильная группа, если она уверена, что ее противники не осмелятся мстить, может и не предложить компенсации.

Часть выплаты *diya* может быть отменена в знак братства и готовности примирения. Это правило, предназначенное для выражения таких благородных чувств как великодушие, может употребляться во зло сильными группами, оказывающими давление на слабые группы, чтобы те отменяли часть требований. Дискуссия происходит примерно так: «Если вы (будучи бедными и малочисленными) требуете у нас сейчас полной выплаты *diya*, то что случится, если, наоборот, кто-нибудь из вас убьет одного из наших и мы потребуем выплаты *diya* (случай довольно гипотетический, поскольку слабая группа позаботится о том, чтобы не атаковать сильную)? Сможете ли вы тогда заплатить 100 верблюдов? Лучше отнесите к нам по-братски (формула, используемая независимо от того, состоят ли группы в родстве) и примите меньшую плату в качестве *sabeen* (подарок примирения, даваемый до или вместо *diya*) для того, чтобы смягчить вашу боль!» О конкретном случае такого рода см. в: Schlee 2002.

Обеспечение условий для лучшей и более быстрой работы юридических институтов (учитывая, что часто идеализируемое обычное право приводит не только к желательным результатам) должно стать приоритетом в повестке программ развития.

⁶⁷ Выплачивающая *diya* группа может представлять собой часть клана, или быть составленной из генеалогических подразделений различных ветвей клана, или даже из различных кланов, которые связаны контрактными отношениями.

Региональные и международные отношения

Потребности, которые рассматривались в Eldoret/Mbagathi комитетом по Региональным и международным отношениям в некоторой степени отражены во внимании, уделяемом UNDP и Европейскими проектами развитию возможностей управления. В них, однако, нет специальных программ для подготовки дипломатов и укрепления в глазах общественности и представительных органов роли региональных и международных институтов. Предложения комитета заслуживают тщательного рассмотрения со стороны международного сообщества.

6. Уроки Сомалиленда

У Сомалиленда нет бюджета, который заслуживал бы упоминания, и он остается международно непризнанным. Несмотря на эти обстоятельства, Сомалиленду удалось привлечь многие международные организации, помогающие восстановлению страны, опустошенной войной, имевшей характер геноцида, которая была развязана против него военным режимом в Могадишо 1988 г. Сомалиленд смог предложить этим организациям то, чего не смог обеспечить в последнее десятилетие юг — относительный мир и определенную степень безопасности. Размещение проектов в относительно мирных зонах оказывается не только в интересах отдельных работников программ помощи, но и является эксплицитной политикой международного сообщества, предоставляющего «дивиденды мира» таким островкам спокойствия, чтобы заставить подражать им остальных. Из обсуждений автора в сообществе работников по развитию ясно, что всякая техническая помощь в тех зонах, где вспыхивает насилие, немедленно прекращается.⁶⁸

Льюис (Lewis 2002) приписывает успехи сомалилендцев тому факту, что им предоставили делать это самим, тогда как на юге большинство воинственных и скандальных элементов общества постоянно вознаграждались международным сообществом приглашениями на мирные конференции, оплатой билетов на самолет и покрытием их расходов на гостиницы.

Нехватка средств, не помешавшая Сомалиленду преуспеть, постоянно подчеркивается в работах о нем. В одном из отчетов говорится: «Замечено, что следует одобрить СЗ Сомали за демобилизацию при ограничен-

⁶⁸ Принципы Европейской Комиссии гласят: «Комиссия в глобальном отношении будет придерживаться подхода дивидендов мира. Его упреждающее использование формирует определяющий принцип всех административных и правительственных учреждений...» (ЕС 2002, с. 19f).

ных ресурсах».⁶⁹ В другом отчете мы читаем: «Хотя он и продолжает страдать от серьезных проблем оспариваемой власти, коррупции и слабой администрации, Сомалиленд имеет систему управления более высокого качества, чем любая другая часть Сомали».⁷⁰ И это происходит несмотря на то, что «служащим платят так мало, что им приходится в течение дня работать и на других работах».⁷¹

Относительный мир позволил провести исследования и накопить практический опыт развития институтов, на которых сможет учиться юг, когда и там условия станут сравнимыми. В области *Демобилизация и реинтеграция* солидное исследование Оденвальда и соавторов (Odenwald et al. 2002) показывает связи между травматическим опытом и длительным использованием ката (*qat*) в развитии психических заболеваний, которые стали массовым явлением среди экс-комбатантов и приводит не только к человеческим трагедиям, но и к огромным проблемам для семей и экономики в целом.

Важным модельным проектом, обеспечивающим безопасность земельных прав, является проект обзора кадастров, выполненный под руководством Джона Дрисдейла (John Drysdale) в Gebiley. Здесь можно поучиться тому, как современные технологии обзора вместе с компьютерными базами данных обеспечивают решения проблем, о которых шла речь выше в разделе *Земельные права и права собственности (глава Прокламируемые потребности: что Сомали ожидает от международного сообщества)*. В более широком контексте городского планирования Европейской Комиссии в сотрудничестве с программой ООН Habitat существует программа, в рамках которой состоялся Консультативный Форум по городской стратегии и управлению в Сомалиленде (Hargeisa 30-31 августа 2003 г.), который удалось посетить автору. Результатом встречи явилось признание того, что существует неиспользованный потенциал увеличения эффективности муниципалитетов за счет обмена опытом в организационных рамках Ассоциации муниципалитетов Сомалиленда. Города-побратимы на других континентах также могут предоставлять интеллектуальные стимулы и материальную поддержку для муниципального развития.⁷²

⁶⁹ UNDP Somalia, Somali Aid Coordination Body/Governance Working Group 2001, p. 19.

⁷⁰ UNDP Human Development Report Somalia 1998, p. 87.

⁷¹ UNDP Human Development Report Somalia 1998, p. 91.

⁷² О будущей деятельности ЕС по городскому развитию см.: Atkinson 2003.

7. Вопросы, общие для всех комитетов (расходы и налоги)

Все комитеты, работавшие над различными техническими вопросами в мирном процессе Eldoret/Mbagathi, должны были разработать временные рамки и бюджет мероприятий, которые они предлагают в своих резолюциях. Это было сделано. Источники средств не рассматривались. Предполагалось, что деньги поступят от внешних доноров.

В комитете по *Земельным правам и правам собственности* автор не смог провести свое предложение, чтобы часть расходов на арбитраж оплачивала проигравшая сторона; для того чтобы снизить количество неоправданных тяжб и обеспечить некоторую прибыль. В противном случае даже наиболее богатые полевые командиры будут использовать арбитражный процесс для защиты награбленного за счет других, главным образом, международного сообщества.

Скудость собираемых налогов и опора на внешние источники финансирования были характерны для сомалийского государства и в другие исторические периоды. «...колониальные государства в Джибути, британском Сомалиленде и итальянском Сомали даже отдаленно никогда не были самодостаточными — все они нуждались в субсидиях от колониальных властей, которым не удавалось собрать достаточное количество налогов у бедных и ускользающих групп кочевнического населения. Недостаток экономической самостоятельности государства в Сомали оставался проблемой в течение всего периода независимости, когда Сомали опиралась на иностранную поддержку, и сегодня составляет значительную проблему для тех, кто желает восстановить в Сомали центральное государство»⁷³ (UN 1998: 26). «...При обретении независимости сомалийское государство могло покрывать только 69% своего бюджета; субсидии Италии и Великобритании покрывали остальные расходы». Зависимость

⁷³ Поскольку колонии в Сомали никогда не были окупаемыми для их колонизаторов, уместно задать вопрос, не был ли колониализм в этом регионе основан на ошибке в расчетах, или же существовали причины, которые нельзя извлечь из анализа затрат и расходов отдельных изолированных колоний. В случае британцев многие из их колониальных завоеваний в Африке оправдывались их желанием обеспечить защиту индийских владений. После открытия Суэцкого канала Аден обрел стратегическое значение для защиты маршрута в Индию, а британский интерес к Сомалиленду был вызван его возможностями давать скот, забиваемый для аденского гарнизона. Египет, находящийся на половине пути к Индии, был преобразован в полуколонию, а британские интересы в той области, которая стала затем Суданом, Угандой и Кенией (с железной дорогой в Уганде) идеологически оправдывались необходимостью обеспечить безопасность истоков Нила, жизненной артерии Египта. Сомалийские территории Кении, несамостоятельные в финансовом отношении, были инкорпорированы в эту колонию в качестве буферной зоны против итальянской и эфиопской экспансии. Наблюдатели мирного процесса в Eldoret/Mbagathi могут задать вопрос, не влияли ли эти геополитические соображения XIX века на позицию некоторых региональных государств по отношению к Сомали. Для Италии, позднего участника колониального раздела, при занятии того или иного участка иссушенной земли в северной или восточной Африке, помимо прибыли, всегда важен был престиж.

от внешних источников постепенно росла: «...К середине 1980-х гг. 100% сомалийского бюджета развития и около 60% регулярного бюджета финансировалось за счет иностранной помощи. Иностранная помощь составляла огромную долю — 57% валового дохода страны» (UN 1998: 57). Скудость доходов, вероятно, будет родовым дефектом нового сомалийского государства, и не только в его начальной стадии. Однако в отличие от ситуации 1980-х гг., теперь нет блоков стран, возглавляемых супердержавами, которые соревновались за влияние в «третьем мире». Отчет Human Development Report, Сомали 1998, предсказывает разочарование для тех, кто ожидает внешнего финансирования: «Подобно новым карго-культам, сомалийские политические лидеры верят, что если им всем вместе удастся слепить международно признаваемое государство, то деньги снова потекут в их чемоданы. Немногие из них поняли изменившийся характер международной политики после окончания холодной войны и провала вмешательства в Сомали. Немногие понимают, что впервые в истории государству Сомали придется в основном полагаться на внутренние ресурсы» (с. 28). С тех пор, как это было написано (1998), ситуация еще раз изменилась. После 11 сентября 2001 г. международное сообщество пытается именем борьбы с терроризмом бороться с безгосударственностью; и для восстановления и поддержания государственности в Сомали некоторые деньги, вероятно, найдутся. Но ситуация 1980-х вряд ли повторится.

Отчет Комитета по Экономическому восстановлению, развитию институтов и мобилизации ресурсов мирной конференции в Eldoret/Mbagathi требует «эффективной и оперативной федеральной фискальной структуры», которая определит власть сбора налогов на различных уровнях управления и обеспечит формулу для раздела доходов между ними (с. 6). В области налоговой политики, как и денежной, помощь ожидается от внешних агентств («власти Швейцарии и/или Всемирный Банк МВФ») (с. 7).

В настоящее время многие лица и учреждения, подобные школам, поддерживаются за счет поддержки сомалийской диаспоры, которая оценивается в сумму от 550 миллионов до одного миллиарда долларов в год. Много беспорядков возникло при закрытии банка Al-Barakaat, осуществлявшего основные трансферты, за его предполагаемую связь с аль-Каидой в ноябре 1991 г. С тех пор образовались фирмы-наследники. Поэтому некоторые надежды возлагаются на диаспору, хотя в перспективе они неоправданны, поскольку новое поколение сомалийской диаспоры теряет

интерес к Сомали, и новый поток переводов потребует предварительно новых волн беженцев. С другой стороны, сообщество, занимающееся развитием, надеется на приток человеческого капитала и частичный возврат диаспоры, что, разумеется, сократит объем переводов.⁷⁴

Международное сообщество разделяет впечатление, что в этой области необходима помощь. Хорошее управление, транспарентность и подотчетность являются приоритетами во многих документах помощи по развитию. Налоговым органам необходимо собирать, хранить и использовать большие массивы данных. Эту черту они разделяют с другими ветвями правительства. Неясность многих программных документов, выработанных на конференции в Eldoret/Mbagathi, говорит сама за себя. Очевидно, что не хватает статистических сведений и других типов необходимой информации. «Одной из трагедий жестоких внутренних конфликтов стало разрушение институциональной памяти публичного сектора, которая находилась в административных и информационных центрах. [...] Сомалийским правительственным чиновникам придется столкнуться со многими проблемами при формулировании эффективной политики. Во-первых, отсутствуют данные и информация, кладущиеся в основу альтернатив такой политики» (UNDP Somali et al., июнь 2001, с. 17-18).

Предстоящей задачей является не только сбор данных, но и поиск оптимальных методов их обработки. Использование сомалийцами мобильных телефонов и Интернета демонстрирует, что они могут перепрыгнуть целые стадии развития «выпрыгнув из бедной коммуникационной инфраструктуры» (UNDP Somali et al. июнь 2001, с. 20). Рекомендуемые технологии не должны включать те, которые медленно развивались, наслаиваясь на предшествующие, в Европе или Америке. В Сомали так основательно разрушена вся инфраструктура, что появился шанс начать с нуля. Все, что они имели, было давно продано в виде металлолома. Может случиться так, что современная информационная и телекоммуникационная технология будет не только производительней, но и будет стоить дешевле.

8. Рекомендуемые действия при успехе процесса в Мбагати

Даже если процесс в Mbagathi придет к успешному завершению, то есть в случае, если оставшиеся факции найдут формулу разделения власти и парламент изберет переходное правительство, успех этого правительства в установлении своей власти в Сомали и удержании у власти будет

⁷⁴ О мирном процессе и диаспоре, переводах и проблемах второго поколения, а также о неформальной банковской деятельности см. в: Schlee 2004.

под вопросом, если международное сообщество не окажет ему массовой поддержки.

Здесь не рассматривается чрезвычайно политизированный вопрос о миротворческих силах с мандатом международной организации подобной ООН или АУ, поскольку в этом разделе рассматриваются более скромные проблемы технического сотрудничества, а не международная политика и дипломатия.

Однако именно для области технического сотрудничества оказываются важными последствия такого военного вмешательства. Легальная экономика в Сомали мала, а регулярные формы сбора доходов практически отсутствуют. Местный бюджет, следовательно, будет некоторое время чрезвычайно мал. Сравнительные исследования послевоенных государств показали, что большая доля их скромных бюджетов используется на военные расходы.⁷⁵ Если военные расходы могут сохраняться на низком уровне за счет присутствия иностранных войск, оплачиваемых из зарубежных источников, это позволит правительству использовать дополнительные средства на невоенные цели. Демобилизованные сомалийские ополчения, в военной форме или без нее, смогут направить свою активность на общественно полезную деятельность и приобрести мирные профессии.

Общим правилом для послевоенных стран, в особенности принадлежавших к числу «наименее развитых» и имевших и до войны низкий уровень экономического роста, является низкая способность к принятию значительной экономической помощи. «Самое раннее, когда экономическое восстановление начнет облегчать бремя сохранения мира – середина послевоенного десятилетия. В этот период темпы роста обычно нетипично высоки, и могут быть еще более высокими, если удастся привлечь помощь для этих целей» (Collier et al. 2003: 167).

По контрасту с другими послевоенными обществами, от экономики Сомали следует ждать не роста, а даже некоторого сокращения в послевоенный период. Большие сегменты нынешней экономики страны остаются нелегальными по международным стандартам, или нарушают импортные квоты соседних государств. Поскольку эти соседние государства вовлечены в мирный процесс, они будут стремиться к такому

⁷⁵ Существует корреляция между уровнем военных расходов в послевоенных государствах и риском возврата к состоянию войны. Помимо отвлечения средств от программ мирного развития, высокие военные расходы создают недоверие у оппозиции, которое оборачивается новыми военными расходами (Collier et al. 2003: 152).

послевоенному порядку, при котором уважаются их таможенные законы. При успехе, такая политика приведет к краху значительной части экономики Сомали.

Нелегальную торговлю трудно обложить налогом, поскольку она не прозрачна, а налогообложение создаст проблемы легитимности. Такие налоги могут трактоваться как форма легализации этой торговли. Государства иногда заинтересованы в поддержании того, что они могут облагать налогами, что может рассматриваться и как соучастие нелегальной деятельности. Исчезновение нелегальной торговли может и не повлиять на сбор налогов непосредственным образом, однако приведет к кризису уровня жизни, и затем к возникновению социальных и внутривластных проблем.

Массивная экономическая помощь в ситуации слабого институционального контроля может привести к коррумпированию и привязанности к помощи самого государства. Это было характерно для Сомали конца 1980-х гг. и привело в итоге к кризису с применением насилия. На одной из стадий война в Сомали была войной из-за поступивших в помощь денег. Никто не захочет идти этим путем еще раз, зная куда он ведет (Hancock 1991: 198; Schlee 2002: 256).

Если не массивную экономическую помощь, то что можно рекомендовать на ранней послевоенной стадии? В дополнение к поддержанию мира — весьма дорогостоящей военной операции, требующей длительной выдержки от тех, кто ее будет осуществлять, — следует обеспечить функционирование институтов для экономического восстановления еще до того, как сами сомалийцы преодолеют остаточный риск возвращения к конфликту.

Помимо миротворческого военного вмешательства, многие меры, требуемые различными комитетами мирного процесса в Eldoret/Мbagathi, и многие из осуществляющихся в Сомали программ должны быть интенсифицированы.

Требуются умения и знания. В плане образования в Сомали потеряно одно поколение. Утрачены записи и архивы. Знания для управления страной должны быть заново собраны и систематизированы, и люди, которые их будут применять и расширять, должны получить необходимые навыки. Фокусом помощи в первый послевоенный период должно стать *управление и развитие способностей* того типа, о которых шла речь выше, в разделах 4-6.

Работа в областях подготовки персонала и организации библиотек документов, необходимых для реализации программ (подобная начатой

Somali Aid Coordination Body) и исследование местных условий для реализации мер, предложенных в резолюциях Eldoret/Мбагати, должна быть немедленно предпринята и интенсифицирована, еще до организации переходного правительства. В противном случае, правительство может оказаться в ловушке некомпетентности и очень скоро утратит доверие.

9. Существующие возможности при провале процесса в Мбагати

При существующем намерении международного сообщества, в особенности, «Запада» не терпеть безгосударственности на любой территории, остается, по существу, лишь две возможности в случае провала мирного процесса Мбагати.

Первой является военное вмешательство без участия сомалийского переходного правительства как партнера. Страна будет оккупирована, ополчения разоружены, иностранная военная администрация установлена. Затем в длинном процессе будут создаваться условия для развития организаций гражданского общества и консультативных органов на разных уровнях управления и другие элементы демократического общества. Власть будет постепенно передаваться представительным сомалийским институтам. В итоге этого процесса будет достигнута «Независимость» уже во второй раз в истории Сомали.

Такая интервенция без согласия Сомали и мандата мирной конференции встретит длительное сопротивление. Следовательно, ей необходимо быть массовой и длительной. Это потребует больших расходов. На фоне трудностей, с которыми недавно столкнулись оккупационные войска в Ираке, маловероятно, что международное сообщество или какая-то его часть станет поощрять применение силы в Сомали вне консенсуса в настоящий момент, но и такое вероятно.

Другой возможностью является отказ от цели восстановления государственности в Сомали в краткосрочной перспективе. Вмешательство будет ограничено технической помощью, а эта помощь будет осуществляться на основе «дивиденда мира». Это означает, что сотрудничество будет ограничено областями с относительным миром, в которых функционируют некоторые институты и установлен определенный порядок. Причины этому будут прагматическими (безопасность сотрудникам помощи) и программными (стимулирование общин к миру). Если такая форма вмешательства, которое уже происходит, будет усилена, это позволит удержаться от скатывания к безгосударственности в некоторых регионах Сомали и позволит

удержать насилие на сегодняшнем уровне и постепенно сокращать его за счет создания островов относительного мира. При таком сценарии программы развития должны быть дополнены компонентами анализа и медиации конфликтов с локальным или региональным фокусом.⁷⁶

Значение Сомалиленда как отдельной единицы и степень, в которой он de-facto признается международным сообществом, как и его шансы на официальное признание и его способность привлечения технической помощи, а также его роль в будущем политическом порядке на Африканском Роге – все это может возрасти при провале процесса в Мбагати. «Из-за небезопасности большей части [Сомали] и продолжающегося отсутствия национального правительства сообщество международной помощи с 1995 г. было вынуждено разместить свои штаб-квартиры в Найроби, Кения. И хотя условия безопасности в Сомалиленде благоприятны, сам факт, что притязания администрации на суверенность не признаются, делает проблематичным для агентств ООН и большинства НПО открытие их представительств в Hargeisa, в силу чего штабы полевых операций в Сомалиленде также расквартированы в Найроби» (Menkhaus 2003: 44). Провал процесса в Мбагати снизит такие сомнения. Кроме того, размышления о будущем мире в этом регионе в целом может принять за исходную точку Hargeisa, а не Могадишо.⁷⁷

10. Рекомендуемые действия при любом исходе процесса в Мбагати

Можно определить и действия, которые потребуются независимо от исхода процесса в Мбагати, независимо от изменения ситуации в Сомали

⁷⁶ Примером может служить финансируемый ЕС проект по «Улучшению систем земледелия в регионах Вау и Вакоол в Сомали», который управляется международной службой GTZ.

⁷⁷ Здесь рассматривалась проблема признания Сомалиленда только через призму сообщества помощи и дипломатии. Для других игроков анализ недостатков и преимуществ такого исхода даст совершенно иную картину. Иностранцы предприниматели в непризнанных политических единицах не смогут апеллировать к международному арбитражу и международным судам. Стаховые компании также воздерживаются от деятельности в них. Непризнание мешает Сомалиленду даже присоединиться к почтовому союзу или взаимодействию со Всемирным Банком. Тяжбы, основанные на законах Сомалиленда, не рассматриваются в окружных судах США, поскольку те отвергают «рассмотрение тяжб, основанных на законах образований, чья суверенность не признана правительством США» (Reno 2003: 29f).

Поскольку Сомалиленд не может аннулировать соглашения прежних правительств Сомали, компании, сотрудничающие с правительством Сомалиленда в области добычи минеральных ресурсов, могут столкнуться с тяжбами со стороны партнеров этих правительств, хотя и не проявляющих себя сегодня, но способных защищать свои контрактные права в судах за пределами Сомалиленда. В число этих прежних контракторов входят могущественные мультинациональные нефтяные компании. Лишь китайские компании берут на себя риск и извлекают прибыль из ниши, оставленной этими контракторами. Персональные сети связей также заполнили те коммерческие ниши, которые в иных условиях были бы заняты экономическими силами, принадлежащими к легальной и более формальной сфере. Китайские и сомалийские сети могут оказаться среди проигравших, если Сомалиленд получит официальное международное признание (Reno 2003: 30f).

к лучшему или худшему. Они включают создание цифровых и обычных архивов с результатами исследований, проведенных в связи с реализацией проектов развития 1980-х гг., правительственные документы, научные отчеты и прочее, что может потребоваться при реализации последующей политики. Сохранение общественной памяти важно для любых будущих попыток восстановления мира и строительства функционирующих институтов на любом из уровней — локальном, региональном, или национальном.

Значительная часть знаний существует не зафиксированной на бумаге или в компьютерах, но только в головах людей. Целое поколение в Сомали не имело возможности получить образование, и образованные сомалийцы из диаспоры⁷⁸ смогли бы играть важную роль. Там, где возможно, даже если это касается отдельных регионов, необходимы специальные программы по возвращению квалифицированных членов диаспоры для выполнения определенных задач (не ясно определенные программы реиммиграции могут оказаться неудачными, привлекая тех, кто откладывал возвращение, дожидаясь специального финансирования).

Другие задачи, которые международное сообщество должно решать в той или иной форме независимо от исхода мирного процесса и независимо от изменения ситуации в Сомали — это интересы самого этого сообщества. Они включают экологический мониторинг (вредные вещества, если они сбрасываются, попадают в пищевые цепи и часто возвращаются к источнику происхождения). Торговля оружием и наркотиками также должны как-то отслеживаться, независимо от того, что будет происходить в Сомали.

⁷⁸ В сомалийской диаспоре есть сильная тенденция, работающая против репатриации. Из-за дрящегося беззакония в Сомали, критерии выбора страны проживания на Западе от краткосрочных сменились на долгосрочные. Если в начале 1990-х гг. социальные службы и здравоохранения были важными факторами, позднее, когда сомалийцы поняли, что их проживание может стать постоянным, важную роль стал играть статус. Они предпочитали страны, где они могут быстро получить безопасное проживание и паспорт тем, где краткосрочные материальные выгоды могли быть выше, но получение статуса более проблематичным (Alim 2002). Условия изгнания часто оказывались более благоприятными для женщин в рамках баланса власти в браке. Женщины могут бояться утраты этого статуса, если мужа намереваются вернуться в Сомали. Другая линия раздела пролегает между поколениями. Дети в диаспоре не настолько подчинены родителями, как они должны будут при возвращении в Сомали (Griffith 2002: 108-118, Schlee 2004a). Пожилые сомалийцы активно интересуются процессом в Eldoret/Mbagathi и жалуются, что их дети не заботятся о будущем Сомали. Они описывают своих детей как «финнов», или «канадцев», или по иным странам проживания. Попытки взять детей с собой в Сомали, даже просто на каникулы, часто не удавались и заканчивались конфликтом (Schlee 2004a).

О методах: что значит быть специалистом по разрешению конфликтов

Введение

Эта глава написана на основе консультационного отчета. Консультативная работа была частью меморандума о взаимных намерениях между Институтом социальной антропологии им. Макса Планка и международной службой GTZ относительно компоненты по разрешению конфликтов и примирению Проекта по улучшению земледельческих систем (IFSP), в регионе Вау и Вакоол.

Целью анализа было определение роли специалиста по анализу конфликтов в интегрированном многосекторном проекте по развитию в области, изобилующей конфликтами. Поскольку конфликты не являются отдельной сферой жизни, такие специалисты не действуют в изоляции от людей, работающих в других сферах: школьном образовании, строительстве дорог, водоснабжении, безопасности пищи и т.д.. Они прикрепляются к ветви администрации, НПО, национальному или международному агентству по развитию. У них есть роль обеспечения других видов деятельности за счет работы над вопросами безопасности, которые могут иметь большое значение. И наоборот, более широкий контекст их проекта или учреждения обеспечивает им транспорт, офисные услуги и другие удобства. Опыт организации компоненты по анализу конфликтов в данном конкретном проекте может, следовательно, подсказать способы организации подобного в других видах деятельности.

Я прибыл в Huddur, столицу области Вакоол и основную базу проекта 3 марта. Обратный билет в Найроби был запланирован на 17 марта, но состоялся на день раньше.⁷⁹ В период этих 13 дней я сопровождал работников проекта в их поездках в деревни El Lehele и El Garas, на региональную мирную конференцию в Waajid, а также принял участие в семинаре с 20 участниками из El Lehele по разрешению конфликта, проводимом в начальной школе Huddur'a.

⁷⁹ Причиной раннего отъезда было распоряжение местной администрации (назначенного RRA окружного комиссара) от 15 марта оставить Huddur всему международному составу проекта, поскольку там скопились вооруженные отряды и ожидался приход новых, так что стычки были неминуемы. Зам. руководителя проекта и я отправились тогда в Waajid, на 90 км к западу, и улетели в Найроби оттуда на следующий день, поскольку не было ясно, состоится ли полет в Найроби из Huddur'a, хотя к этому времени напряженность в Huddur'e, казалось, спадает. Позднее выяснилось, что все полеты в и из Huddur'a в этот период были отменены.

В терминах условий контракта целью консультирования было «совершенствование стратегий миротворчества с помощью анализа взаимосвязи бенефициантов и проекта, а также обзор процесса реализации с точки зрения его влияния на примирение для устойчивого сельского развития, как на микро-, так и на мезоуровнях».

Должность специалиста по анализу конфликтов предназначается для выпускника университета (уровень магистра). В данном конкретном проекте было запланировано совмещение с программой подготовки доктора наук в Институте им. Макса Планка. Предполагалось, что он/а будет специалистом по социальным наукам со знанием современной теории конфликтов. В этой главе будет рассматриваться не теория, а полевые методы.

Процесс УИРО (Участие в Интегрированном Развитии Общины) и анализ конфликта: наложение и взаимодополнение методов

Работа специалиста по анализу конфликтов является существенной компонентой Проекта по улучшению земледельческих систем (IFSP) в области Вау и Вакооl. Поскольку проект реализуется в области без легитимной государственной власти⁸⁰, постоянно обновляемый анализ местной и региональной социальной и политической ситуаций необходим для избежания проблем в реализации программы развития и обеспечения безопасности персонала.

Все составные части IFSP имеют человеческий фактор, однако компонента анализа конфликтов остается единственной, которая имеет дело исключительно с человеческой средой проектной деятельности. Она должна быть глазами и ушами проекта. Уже на ранней стадии было предложено, чтобы этот аналитик выучил местный язык — сомали. Обучение языку должно иметь высокий приоритет. Оно должно осуществляться с помощью сомалийца-билингва (из персонала проекта или извне) и за счет проведения максимального времени в непосредственном общении с сомалийцами, с постепенным переходом от использования переводчиков к общению на языке. Многие местные сомалийцы пожилого возраста го-

⁸⁰ Местный губернатор является назначенцем одного из претендентов на власть из региона *Digil* и *Mirifle* шейха Adan Madobe, претендующего на председательство RRA (армии сопротивления Rahanweyn). Внутри RRA то и дело происходят столкновения между фракциями. Huddug относительно спокоен, поскольку горячей точкой противоречий является Baydhaabe (Baidoa). Однако Huddug остается под влиянием этой борьбы за власть. Местных выборов здесь никогда не было, и местные власти, следовательно, должны рассматриваться как фракция, находящаяся у власти благодаря временному военному преимуществу.

ворят также по-итальянски, что открывает еще один канал для прямого общения.

Сила проекта IFPS заключена в его приверженности «реализации деятельности строго в рамках Участия в Интегрированном Развитии Общины (УИРО)».⁸¹ Процесс УИРО начинается с прогулки по деревне и картирования ресурсов местной общины, а затем продолжается серией семинаров для определения приоритетов развития и их реализации с участием населения – организационным, трудовым и финансовым. Он может быть длительным, но приводит к стимулированию внутренних ресурсов в терминах планирования и идей внутри общин и, как можно надеяться, общинной инициативы и поддержке будущей материальной реализации мер развития. Процесс УИРО с его перечнем ресурсов, социальных структур и проблем является также важным источником информации для специалиста по анализу конфликтов. Однако он должен дополняться иными методами.

В добавление к организованным групповым обсуждениям в процессе УИРО для анализа конфликтов требуется набор методов. Как и следует ожидать, высказывания на публичных собраниях, особенно на таких, где речь идет о внешнем вмешательстве типа проекта по развитию, до определенной степени согласованы, или подвергаются давлению группы, цензуре и самоцензуре, поэтому требуются разговоры с отдельными людьми разных полов и возрастов, и с представителями разных кланов и статусных групп.

Типы собираемой от индивидов и малых групп информации, с требуемой степенью анонимности, включают:

– история перемещений населения в регионе с упором на недавние изменения состава населения, вызванные насилием периода безгосударственности⁸²;

– условия жизни, экономическая деятельность и политический статус групп меньшинств (т.е. всех остальных, помимо клана у власти).

Эта информация является необходимой для ряда направлений деятельности в проекте. Определенные знания в этой области требуются для составления комитетов, которые готовят Общинные планы действий (ОПД) и земельные усовершенствования, поскольку любые усовер-

⁸¹ Muchoki, Jackson, Julius Muchemi and Gunter K. Wessel: «Participatory Integrated Community Development Process», доклад, представленный на семинаре в Найроби вместе с другими финансируемыми ЕС проектами, без даты.

⁸² *Hawiye* и *Darood*, с которыми сражались местные *Rahanweyn* с 1991 г., были изгнаны, а их территории отданы прежним владельцам. Однако в области проживают люди, перемещенные из других местностей.

шенствования такого рода увеличивают стоимость земель и затрагивают чувствительный вопрос земельной собственности. Исследование этих проблем с помощью набора методов (группового и индивидуального интервью, включенного наблюдения повседневной деятельности и экономики, неформальная беседа с записью) следует проводить постоянно и параллельно другой деятельности по проекту, чтобы обеспечить своевременную коррекцию и дополнения этой деятельности.

Открытые исследовательские методы должны использоваться специалистом по анализу конфликтов как только местность станет безопасной, то есть еще до того, как начнется формальная процедура процесса УИРО. Такое исследование может легко привести к идентификации групп, которые иначе могут оказаться непредставленными, или проблем, которые иначе остались бы неупомянутыми.

Методы, описанные выше, применяются параллельно процессу УИРО в дополняющей манере. Специалист по анализу конфликтов участвует до определенной степени в процессе УИРО, но ему необходимо оставлять время на иные формы сбора данных.

Рекомендованные методы должны привести к следующим результатам:

— Поскольку разрешение конфликтов и примирение являются частью процесса УИРО, общины будут связывать разрешение конфликтов с другими аспектами развития. Они станут рассматривать разрешение конфликтов как необходимое условие всех форм развития.

— Поскольку специалист по анализу конфликтов не ограничен процессом УИРО как источником знаний, он будет использовать широкий спектр методов социальных наук, в особенности открытые и полуструктурированные интервью для глубинного понимания местных конфликтов и их тонкостей и контекста.

— Это глубинное понимание позволит ей/ему определить, в каких местностях и видах деятельности другие члены команды будут находиться в безопасности, как улучшить их восприятие в общинах и как сделать их роль более приемлемой с помощью разъяснения их вклада в мир и развитие.

Материальная поддержка деятельности аналитика

Перемещение по области дорого из-за необходимости использования автотранспорта и вооруженной охраны. Однако соображения стоимости не должны здесь приниматься в расчет, поскольку мобильность и знаком-

ство с регионом необходимы для анализа конфликтов. Ситуация, при которой каждый член проекта проживает в укреплении за колючей проволокой и должен всякий раз, покидая его, обеспечиваться транспортом и охраной, не способствует спонтанным визитам. Аналитику придется делать сознательные усилия для проведения максимального времени среди сомалийцев и в разговорах с ними.

Часть встреч, требующих неформального характера и непринужденной атмосферы могут проходить и в штабе проекта (внутри укрепления), если в распоряжении аналитика окажутся средства, необходимые для проявления сомалийского гостеприимства, которые включают:

- хижину или навес с матами и подушками для гостей;
- еду для приглашенных старейшин, не более одного — двоих на прием, чтобы сохранять элемент конфиденциальности;
- чай. Возможно также, что здесь придется отменить общий для компаунда запрет на жевание ката (*qat*, *miraa*).

По мере расширения проекта за границы Huddur'a и его окрестностей станет необходимым сбор сведений о клановом родстве, недавней истории, экономических стратегиях и т.п. для большого числа поселений, поэтому задача должна быть разделена с местными исследователями и консультантами. Однако аналитик, помимо координации этой деятельности, должен сам продолжать сбор первичных данных по следующим причинам:

- для определения вопросов, которые окажутся релевантными и должны быть включены в программу сбора данных его помощниками;
- для контрольной проверки данных, собранных другими;
- для оценки чувствительных мест и возможных искажений. Что люди скрывают (табуированные темы)? Каково влияние опрашиваемого (иностранца или местного исследователя) на ответы, а также их зависимость от клановой принадлежности и политических симпатий?

Резюме: аналитик должен быть мобильным и много говорить с людьми за пределами компаунда. Нельзя экономить на транспорте и безопасности (автомобиль, водитель, охрана). Ей/ему потребуются средства для проявления сомалийского гостеприимства.

С расширением сферы проекта и охватом им десятков деревень, деятельность специалиста по анализу конфликтов должна перейти к местному персоналу и местным и международным консультантам. Сам аналитик

будет заниматься координацией и надзором, хотя будет должен продолжать сбор первичных материалов по указанным выше причинам.

В распоряжении аналитика должен быть минидисковый и кассетный диктофоны для выборочного транскрибирования интервью. Точное воспроизводство фразеологии на сомали при ведении мирных переговоров, часто цитируемой поговорки или исторической традиции, в которой обосновываются притязания на землю, может быть очень важным как для правильного анализа ситуации, так и совершенствования языковых навыков аналитика и роста его компетентности в местных делах.

При планировании компоненты анализа конфликтов следует иметь в виду, что аналитик не должен быть привязан к рутинной деятельности, как, например, организации рабочих встреч в десятках деревень, но быть «глазами и ушами» проекта; он/а должен/на быть мобильной и иметь гибкий график (свободу использования времени и перемещений), а также свободу в выборе методов.

Рабочие семинары по разрешению конфликтов

В течение моего двухнедельного визита у меня была возможность принять участие в поездке персонала проекта в деревню El Lehele для организации семинара по разрешению конфликтов. Я также проводил по несколько часов в каждый из дней проведения этого семинара, проходившего с 10 по 14 марта в начальной школе Huddur'a, за исключением одного дня. Степень открытости, доверия и активного участия со стороны общины, привнесенная процессом УИРО, действительно впечатляла. Явились все 20 представителей общины, избранные на основе субклановых подразделений. Поскольку повестку выработывала сама община, обсуждаемые вопросы привлекли всеобщий интерес и горячо дискутировались.

К тому времени мирная конференция в Найроби тянулась уже полтора года, а ее исход был неопределеннее, чем когда-либо. Было чувство, что мирные усилия в Сомали не должны останавливаться и ждать исхода мирного процесса на национальном уровне, но упор должен быть перенесен на региональный и местный уровни. Вместо ожидания создания нового правительства в Найроби, события, которого могло и не произойти, людям нужно было организовать свою жизнь, начиная с низового уровня. На этом рабочем семинаре община деревни El Lehele взяла на себя государственные функции.

Они поставили в повестку дня пересмотр обычного права (*xeer*). Они провели его документацию с помощью персонала проекта⁸³ и обнаружили недостатки. Тем самым они занимались процессом законодательства. Приведу пример. В соответствии с традицией, владелец огороженного поля имеет право убить нарушителя, обнаруженного на его земле и оставившего не запертым вход на поле, не заботясь о том, что скот может повредить посевы. Большинство проголосовало теперь, чтобы такого нарушителя не убивали, а налагали на него штраф в размере трехлетнего верблюда. Вред же, который может быть причинен скотом, будет оплачен не нарушителем, а владельцем скота. Альтернатива, что этот вред полностью, или наполовину должен оплачиваться тем, кто оставил вход на поле открытым, была отвергнута. Точно так же был пересмотрен и закон об адюльтере (*xeerka gogodhaafka*). Право мужа убить любовника, застигнутого с его женой, было заменено компенсацией в размере трехлетнего верблюда.

Использованный при дебатах метод представлял собой довольно изощренную казуистику. Люди придумывали истории и обсуждали поведение фиктивных персонажей из этих историй. Многие из участников обсуждения предстали как прирожденные юристы.

В области есть многокилометровые огороженные поля, прежде бывшие общинными пастбищами, но теперь захваченные богатыми людьми из Raahanweyn. Участники семинара колебались при обращении к этой теме, желая оставить ее для рассмотрения будущим правительством. Прозвучало возражение: богатые принадлежат клану *Hadama*, как и губернатор, и окружной комиссар, а также все присутствующие. Так чего же ждать, откладывая решение? Возвращения правительства *Marrehan* (Siad'a Barre)? Это вызвало смех.

Другой важной темой обсуждения была торговля скотом. Она касается вопросов безопасности, которые выходят далеко за рамки El Lehele на региональный и национальный уровни, поэтому я рассмотрю ее в следующем разделе «Географический масштаб и уровни организации».

Опыт семинара в El Lehele чрезвычайно обнадеживает, и этот формат может быть рекомендован для использования повсюду, где он применим. Поскольку повестка таких собраний (в соответствии с принципами УИРО) устанавливается самими общинами, нельзя запланировать темы будущих обсуждений на подобных встречах, однако возникновение сюже-

⁸³ Jery Sheikh'a Hussein'a и Abdullahi Sahal'a.

тов, связанных с безопасной торговлей скотом (*suuq-geynta xoolaha*) в других селах неизбежно, поскольку аналогичные проблемы существуют во всей области. Эта тема (вместе с ее более широкими национальными и международными импликациями) заслуживает особого внимания аналитика.

Местные общины создают институты с правительственными функциями: они согласовывают нормы (законодательство), призывают к ответу тех, кто их нарушает (юрисдикция) и определяют и реализуют собственную политику (исполнительная власть). Будущее национальное правительство, когда и если оно появится, должно будет принять эти институты как данность и примет их с охотой, поскольку они обеспечивают мир и развитие. Важное измерение общей политической власти в Сомали будет находиться на низовом уровне. Установление диктатуры и произвола станет затруднено. Системы вытеснения и угроз, подобные практикуемым нынешними полевыми командирами, будет трудно поддерживать:

Географический масштаб и уровни организации

Различные уровни географического охвата (локальный субнациональный, региональный, национальный, международный) обнаруживают множественные взаимосвязи в области анализа конфликтов. Происхождение насильственных конфликтов может локализоваться на одном уровне, а затем конфликты могут распространяться на другой уровень. В случае областей Вау и Вакоол можно показать, что здешние конфликты обрели свою динамику под влиянием субнационального уровня (конфликт лидеров внутри армии сопротивления Rahanweyn /проектируемого регионального государства Юго-Западного Сомали), но этот уровень связан с другими, а именно:

- международным уровнем (Ливия или Эфиопия поддерживает ту или иную факцию).⁸⁴
- национальный уровень (борьба региональных сил за признание и представительство на мирном процессе в Eldoret/Mbagathi);⁸⁵
- местный уровень (борьба лидеров на региональном уровне, вызывающая стычки между местными кланами).⁸⁶

⁸⁴ интервью с Sharif Yusuf Sharif Ahmad, Ashraaf, в Waajid, 8 марта 2004 г.

⁸⁵ Schlee 2003.

⁸⁶ интервью с Sheikh Miris Mohammed Hussein Hadamo, Gaaljeel, at Waajid, 8 марта 2004 г. и с Marian Ruun Siraaji Ali, Eelay, at Waajid, 8 марта 2004 г.

Помимо отслеживания этих взаимосвязей между различными уровнями конфликта, разрешение конфликтов лечение от их последствий может потребовать работы на разных уровнях.

Можно надеяться, что в недалеком будущем IFSP добьется существенного прогресса в помощи разрешению местных конфликтов и увеличении продуктивности местных фермерских систем. Проект нашел правильный путь. Тогда станут еще более очевидными ограничения, вызываемые насильственными конфликтами или их последствиями. Тогда следующими задачами станут содействие:

- соглашениям о свободном перемещении товаров, включая скот;
- обеспечение безопасности, возможно совместными силами различных факций, маршрутов перегона скота и дорожного транспорта;
- установление условий, при которых эти меры безопасности могут быть постепенно минимизированы.

Региональные измерения этих аспектов торговли скотом, которые следует рассмотреть в перспективе разрешения конфликтов, выходят за пределы Сомали. Скот из области Vakoal через сомалийский регион Эфиопии достигал Сомалиленда (Berbera), но сейчас Эфиопия заблокировала этот маршрут. Экспорт скота из Сомалиленда сократился, поскольку в Сомалиленде молодежь из числа Ogadeen была арестована и изгнана.⁸⁷ Из мести за это в сомалийском регионе Эфиопии стали отнимать животных, предназначенных для экспорта из Сомалиленда.⁸⁸

Для разрешения этой проблемы следует установить связь со старейшинами Ogadeen в сомалийском регионе Эфиопии. Администрация Сомалиленда должна быть осведомлена, что ее клановая и изоляционистская политика вредит экспортной торговле Сомалиленда. Таким образом, повседневные заботы местных скотоводов и торговцев оказываются непосредственно связанными региональными и международными проблемами.

Поскольку район в значительной степени зависит от импорта зерна и в силу этого должен экспортировать скот, эта проблема относится к неотложным. Облегчение экспорта будет иметь положительное влияние на цены производителя. Сейчас закупщики покупают дешево, но разница

⁸⁷ В добавление к клановой и изоляционистской политике правительства Сомалиленда налогообложение может быть причиной переориентации экспорта скота из Berbera в Bosaso. (Christoph Langenkamp, устное сообщение, 18 марта 2004 г.).

⁸⁸ Информация Abdullahi Sahal в El Lehele, 6 марта 2004 г.

цен для городов остается большой; риск перевозки скота в любое место остается высоким.⁸⁹

В этой связи не удивительно, что председатель в El Lehele настаивал на том, чтобы проблема торговли скотом была поставлена в повестку семинара, проходившего в Huddur'e с 10 по 14 марта 2004 г. Он пояснил, что люди часто пытаются продать скот на местных рынках, но часто не находят покупателей. Но когда они собираются домой, перекупщики скупают животных по бросовым ценам и увозят их, никто не знает куда.

Решением этой проблемы может явиться принятие взаимных соглашений о свободном передвижении по маршрутам перегона скота и создание смешанных эскортных из различных кланов и ополчений. Участники семинара в El Lehele говорили даже о соглашениях по выплате *xeer* общинами в качестве материальной ответственности за безопасность стад торговцев. «Ответственность» означает здесь, что украденные или отнятые разбоем должны быть возмещены или оплачены общиной. Община затем постарается возместить потерю, выследив воров или разбойников. При

⁸⁹ Связь между безопасностью и поступлениями скота на различные рынки иллюстрируется Петером Д. Литтлом (Peter D. Little), рассмотревшем кенийские рынки, значение которых возросло для сомалийских поставщиков с тех пор, как произошел развал государства в Сомали, и с того времени как порт Kismayu и его окрестности попали в руки ополчений соперников. «Между 1988 и 1998 гг. разница в ценах между сомалийскими и кенийскими рынками (измеренная в долларах США) выросла на 20%, что говорит о росте риска и стоимости сделок на сомалийской стороне. При ограниченном выборе торговли в Сомали принуждены продавать животных на рынки приграничных государств, что отчасти объясняет, что цены у них росли не так быстро как у их кенийских коллег, имевших более широкий выбор. В терминах стоимости сделок, дополнительные расходы включают затраты на валютные сделки (4-6%), поскольку сомалийский торговцы обменивают свои деньги на доллары на неформальных денежных рынках, а затем переводят их в Сомали по банковским сетям, чтобы избежать путешествия с большим количеством наличных денег. О трудностях валютных сделок и путешествий с деньгами ср. также интервью с Abdikarim'ом Hajj Hassan'ом в приложении к этому отчету. Петер Д. Литтл добавляет к описанию стоимости сделок, что они также включают «более высокую плату за транспортировку из-за необходимости найма охраны для сопровождения животных. Безопасность составляет особую проблему на пути между Могадишо и Dinsoor'ом и Baidoa, а также между этими двумя городами и кенийской границей» (Little 2003: 99).

С точки зрения проблем обмена денег на пригодную для сделок валюту (подвергшийся инфляции сомалийский шиллинг слишком объемный для больших сделок) и трудностей доступа к банковской системе, в особенности в сельской местности, необходимо вновь рассмотреть старые предложения об устройстве банков, пригодных для обслуживания периферийных скотоводческих областей, как возможную область для проектов развития. Скотоводы вынуждены продавать животных в то время, когда им необходимо зерно, когда цены на скот низки, а пастбища истощены, то есть в сухой сезон. Банковские услуги могут позволить им продавать животных раньше и хранить доходы в безопасном месте, что сократит риск перевыпаса для пастбищ сухого сезона (Schlee 1982, Kenya Range Management Handbook 1991).

Трудности обращения с большим количеством сомалийских шиллингов, необходимых даже при скромной сделке, кстати говоря, не имеют отношения к периоду безгосударственности. Основная инфляция произошла в 1980-х гг., когда ценность шиллинга упала на 98%. Поскольку в период безгосударственности уже не было поступлений свежих банкнот, шиллинг оставался удивительно стабильным. Импорт валюты полевым командиром Hussein'ом Aydiid'ом, а затем бизнесменами, поддерживавшими TNG, сопровождаемый скандалом с международными фирмами, печатающими валюту, обесценил сомалийский шиллинг еще на 25% в период с 1999 по 2001 гг. (Little 2003: 149f.).

перемещении стада на территорию соседней общины, безопасность стада должна обеспечиваться сходными обязательствами соседей, и так далее, до конечного рынка.

В области взаимодействия различных уровней конфликта для анализа конфликтов в рамках проекта (компонента б) рекомендуется отслеживание следующих видов деятельности:

- просмотр СМИ и отслеживание событий на различных уровнях (национальном, международном), влияющих на политику и общинные отношения в Вау и Вакоол;

- поддержание связей с экспертами по политическим вопросам и проблемам безопасности в агентствах и НПО (службы безопасности ООН, UNDP, Сомалийского подразделения ЕС и другие);

- полуструктурированные и открытые интервью со знающими старейшинами, лидерами кланов, знатоками местных законов (*xeer*) для документирования недавней истории и текущих событий и их восприятия с местной перспективы;

- наблюдение за собраниями и обсуждениями на всех уровнях социальной и политической организаций, сначала с помощью переводчика, а затем опираясь на приобретенные языковые умения в сомали;

- содействовать контактам между миротворцами различных местностей и регионов для оживления экономических связей и открытия торговых путей.⁹⁰

Фокусировка на этих вопросах должна помочь достичь следующих результатов: проект получит возможность определить свою деятельность в более широком контексте. Он сможет оценить влияния и ограничения своей деятельности в региональном, национальном и международном измерениях. Он также сможет оценить и учесть восприятие своей деятельности на уровне деревни и района со стороны игроков этих уровней более широкого географического охвата.

Проект облегчает различные формы взаимодействия (и строительство институтов) и за пределами местного и районного уровней.

Торговля скотом становится безопаснее, следовательно, стоимость сделок в торговле скотом (цена риска, оплата охраны, вымогательства) снизится, а потребительские цены и доходы законных торговцев возрастут.

⁹⁰ Экспорт скота в Кению, в том числе из области Вау и Вакоол уже выигрывает от такого межкланового сотрудничества. Окружной совет Нагаг'а доминируемый *Aulihan Ogadeen* и Окружной совет *Afmadow* (Mohammed Zubeug Ogadeen) сотрудничали при возврате украденных товаров, включая скот и обеспечивая безопасный проход для торговцев, несмотря на существующий между этими кланами конфликт по поводу пастбищ (Little 2003: 156).

Экспорт скота создает богатство, которое можно использовать для импорта. Нехватка еды, возникающая из отрицательного баланса импорта зерна (особенно в Вакоол'е) может быть устранена. Материальные стандарты жизни возрастут. Способом измерения здесь могут быть обычные индикаторы развития (питание, здоровье, образование). Меры стимулирования развития в каждом из этих секторов упадут на более питательную почву, если на местном уровне люди смогут получать большие прибыли.

Мирные отношения между регионами также будут содействовать росту богатства, не имеющего криминального происхождения. Сохранение и увеличение этих источников богатства станет объектом растущей политической заинтересованности. Баланс богатства и власти постепенно перейдет от криминальных элементов⁹¹ к элементам, которые укрепляют общественное богатство или, по меньшей мере, не вредят ему.

Региональная мирная конференция

Мирные переговоры, проходившие на руинах госпиталя в Waajid'e между всеми кланами *Digil* и *Mirifle*, включая и местную часть клана *Ashraaf*, длятся там уже три месяца, после переговоров такой же длительности в Baïdoa. Положительными результатами стало исчезновение блокпостов и улучшение общей ситуации с безопасностью. Старейшинам и традиционным лидерам (*malaqs*) удалось заставить командиров ополчений признать ответственность и поставить ополчения под контроль кланов, хотя эта цель еще не полностью достигнута.

Помимо характера мирной конференции, собрание Waajid'e имеет характер мобильной единицы посредничества. Делегации старейшин посылаются из Waajid'a в те места, где случилось насилие.

Принципы вмешательства в таких ситуациях описаны в докладе Магнуса (Magnus 2003) *Поддержка мирных инициатив и примирения в области Bay и Vakoal. Предлагаемое вмешательство GTZ IS*, датированного прошлым ноябрем. Внешние агентства не призывают к присоединению к одной из сторон в политических диспутах, но они могут значительно облегчить проведение таких переговоров с помощью относительно скромных средств как обеспечение делегатов транспортом и едой.

Меры, предлагаемые Магнусом для поддержки этого мирного процесса, включают:

⁹¹ Примерами имеющих в сомали большое влияние преступников могут служить вымогатели, наркодельцы, иностранные наемники и преступники в области экологии (т.е. люди, продающие не принадлежащие им права на вылов рыбы, или права на сброс ядовитых веществ, а также коммерческую сверхэксплуатацию таких общественных ресурсов, как леса).

1. тренинги-семинары;
2. участие в статусе наблюдателей;
3. обмен опытом с Сомалилендом;
4. изучение местных механизмов разоружения и реинтеграции;
5. реконструкция и реабилитация местной физической инфраструктуры;
6. установление и укрепление местных и региональных административных органов и органов самоуправления.

В целом можно сказать, что пока процесс Mbagathi еще длится, а его результат становится все менее определенным, такие местные и региональные инициативы являются наиболее удачными объектами поддержки. Более быстрые и ощутимые результаты здесь могут достигаться с помощью небольшой доли тех средств, которые требует конференция типа проходящей в Найроби. Ценно так же то, что инициатива этой конференции принадлежит старейшинам, женщинам и традиционным лидерам и что «полевые командиры» будут вовлечены лишь на более поздней стадии и им придется считаться с данностью или играть подчиненную роль. Сомалийский мирный процесс должен «вовлекать» полевых командиров (и здесь организаторы сомалийского мирного процесса в Eldoret/Mbagathi до известной степени правы), но их привлечение должно означать, что их заставят признать ответственность, рассмотрят их деяния, поставят их под контроль и давление общественности; и оно не должно означать, что их станут обхаживать и тешить, предоставлять им привилегии и право вето всего, включая власть блокировать мирный процесс.

Сторонники мира обретают больше власти за счет процессов, подобных проходящему в Waajid'e. К сторонникам мира относятся те, кто устал от произвольного насилия и заинтересован в создании обстановки, при которой можно обеспечить проживание за счет мирного труда. Соответственно, сторонники войны при этом ослабляются. К этим сторонникам относятся люди, выигрывающие от насилия — те, кто создает опасность для того, чтобы продавать «безопасность» и те, кто получает деньги за продолжение боевых действий или доходы от беззакония и криминальной деятельности.

Люди берут на себя функции государственного управления. Демократические институты, созданные на низовом уровне, обеспечат систему сдерживаний и противовесов для будущего национального правительства, а до тех пор, пока такое правительство не возникло, они смогут обеспечить определенную степень мира и стабильности за счет заключения друг с другом межрегиональных договоров.

Библиография

Abbink, Jon 2003. Dervishes, moryaan and freedom fighters: Cycles of rebellion and the fragmentation of Somali society, 1900-2000. In: Abbink, J., de Bruijn, M., van Walraven, K. (eds.). *Rethinking Resistance: Revolt and violence in African history*. Leiden, Boston: Brill: 328-356.

Abun-Nasr, Jamil M. 1965. *The Tijaniyya: a Sufi order in the modern world*. London: Oxford University Press.

Ahlzweig, G. 1994. *Muttersprache-Vaterland: die deutsche Nation und ihre Sprache*. Westdeutscher Verlag: Opladen, Germany.

Alim, Abdulkadir M. 2002. *The changing nature of the global refugee and immigration movement: The case of Somali people*. Doctoral thesis. Faculty of Sociology, University of Bielefeld.

Allen, Tim 1994. *Ethnicity and Tribalism on the Sudan-Uganda Border*. In: Fukui, K. and J. Markakis (eds.). *Ethnicity and conflict in the Horn of Africa*. London: James Currey: 112-139.

Anderson, T. and Simmons, R. T. (eds.) 1993. *The political economy of customs and culture*. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield.

Andrzejewski, B. W. 1972. Allusive diction in Galla hymns of praise of Sheikh Hussein of Bale. *African Language Studies* XIII: 1-31.

Andrzejewski, B.W. 1974. Sheikh Hussein of Bale in Galla oral traditions. In: *IV Congresso Internazionale di Studi Etiopici* (Roma, 10-15 aprile 1972). Roma: Accademia Nazionale dei Lincei: 463-480.

Asad, T. 1972. Market model, class structure and consent: a reconsideration of Swat political organisation. *MAN* 7,1: 74-94.

Atkinson, Adrain and Couté, Pierre 2003. *Feasibility and Design Study for an Urban Development Programme in Somalia*. Draft Urban Strategy. August 2003.

Bartels, Lambert 1983. *Oromo religion: myths and rites of the Western Oromo of Ethiopia, an attempt to understand*. Berlin: Reimer.

Barth, F. 1959. *Political leadership among the Swat Pathans*. London: Athlone Press.

Barth, F. (ed.) 1969. *Ethnic Groups and Boundaries*. London: Allen & Unwin.

Barth, F. 1981. Features of person and society in Swat: collected essays on Pathans. London: Routledge & Kegan Paul.

Baxter, P. T. W. 1965. Repetition in Certain Boran Ceremonies. In: Foites, M. and Dieterlen, G. (ed.). African Systems of Thought. London: Oxford University Press.

Baxter, P.T.W. 1970. Stock Management and the Diffusion of Property Rights among the Boran. In: Proceedings of the Third International Conference of Ethiopian Studies, 1966, 3:116-27. Addis Ababa: Institute of Ethiopian Studies, Haile Sellassi I University.

Baxter, P.T.W. 1979. Boran Age-Sets and Warfare. In: Turton, D. and Fukui, K. (ed.) Warfare among East African Herders. Semi Ethnological Studies. Osaka: National Museum of Ethnology: 69-94.

Baxter, P.T.W. 1987. Some observations on the short hymns sung in praise of Shaikh Nur Hussein of Bale. In: Al-Shahi, Ahmed (ed.). The diversity of the Muslim community: Anthropological essays in memory of Peter Lienhardt. London: Ithaca Press: 139-152.

Baxter, P. T. W. and Blackhurst, Hector 1978. Vercingetorix in Ethiopia: Some Problems Arising from Levine's Inclusion of the Oromo in His Delineation of Ethiopia as a Culture-Area. *Abbay* 9: 159-66.

Boddy, Janice 1989. Wombs and alien spirit: women, men, and the Zar cult in Northern Sudan. Madison: University of Wisconsin Press.

Braukämper, Ulrich 1984a. On food avoidances in Southern Ethiopia: religious manifestation and socio-economic relevance. In: Rubenson, Sven (ed.). Proceedings of the Seventh International Conference of Ethiopian Studies 1982, Lund. Addis Abeba: Institute of Ethiopian Studies: 429-45.

Braukämper, Ulrich 1984b. Notes on the Islamicisation and the Muslim shrines of the Harar Plateau. In: Labahn, Thomas (ed.). Proceedings of the Second International Congress of Somali Studies, Vol. II: Archaeology and History. Hamburg: Helmut Buske Verlag: 145-174.

Braukämper, Ulrich 1989. The sanctuary of Shaykh Husayn and the Oromo-Somali connections in Bale (Ethiopia). *Frankfurter Afrikanistische Blätter* 1: 108-134.

Campbell, J. K. 1964. Honour, Family and Patronage: A Study of Institutions and Moral Values in a Greek Mountain Community. Oxford: University Press.

Cashman, Greg 1993. What causes war? An introduction to theories of international conflict. Lanham, Boulder, New York, Oxford: Lexington Books.

Cerulli, Enrico 1933. Ethiopia Occidentale II. Sindacato Italiano Arti Grafiche: Rome.

Collier, P., Elliot, V.L., Hegre, H., Hoeffler, A., Reynal-Querol, M. and Sambanis, N. 2003. Breaking the conflict trap: Civil war and development policy. World Bank and Oxford University Press.

Cooper, R. L., Spolsky, B. (eds.) 1991. The Influence of Language on Culture and Thought. Mouton de Gruyter, Berlin.

Dahl, Gudrun 1989. Possession as Cure. The Ayaana cult of Waso Borana. In: Jacobson-Widding, A. and Westerlund, D. (eds.). Culture, experience and pluralism: Essays on African ideas of illness and healing. Uppsala: Almqvist and Wiksell: 151-165.

de Silva, Purnaka L. 2002. 'Combat modes, mimesis and the cultivation of hatred: Revenge/counter revenge killings in Sri Lanka'. In: Schlee (ed.). Imagined Differences: hatred and the construction of identity. Munster, Hamburg, London: Lit Verlag, New Brunswick, London: transaction publishers: 215-239.

Dench, G. 1986. Minorities in the Open Society: Prisoners of Ambivalence. Routledge and Kegan Paul: London.

Dizdarevic, Svebor 1993. In der Geiselhaft der Milizen. Eine bosnische Kritik des Vance-Owens-Plans. Blatter fur deutsche und internationale Politik 1993/5: 553-557.

Dombrowski, W. and Pasero, U. (eds.) 1995. Wissenschaft, Literatur, Katastrophe. Festschrift fur Lars Claussen. Opladen: Westdeutscher Verlag.

Donham, Donald L. 1999. Marxist Modern: an ethnographic history of the Ethiopian revolution. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, Oxford: James Currey.

Dow J. R. (ed.) 1991 Language and Ethnicity. Benjamins: Amsterdam.

Duesenberry, J. 1960. Comment on 'An Economic Analysis of Fertility'. In: Universities National Bureau Committee for Economic Research (ed.). Demographic and Economic Change in Developed Countries. Princeton, N.J.: Princeton University Press: 231-240.

Durkheim, Emile 1983 [1893]. *The Division of Labor in Society*. New York: The Free Press.

EC 2002. European Commission Strategy for the Implementation of Special Aid to Somalia, 2002-2007. February 2002.

Edwards, D. B. 1996. *Heroes of the Age: moral fault lines on the Afghan frontier*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.

Elwert, G. 1989. Nationalismus and Ethnizität. *Über die Bildung von Wir-Gruppen*. *Kolner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie* 3: 440-64.

Elwert, G. 1995. Gewalt und Märkte. In: Dombrowski, W. and Pasero, U. (eds.). *Wissenschaft, Literatur, Katastrophe. Festschrift für Lars Claussen*. Opladen: Westdeutscher Verlag: 120-138.

Elwert, G. 1997. 'Gewaltmärkte. Beobachtungen zur Zweckrationalität der Gewalt'. In: Trotha, T. v. (ed.). *Soziologie der Gewalt*, *Kolner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, Special issue, 37/1997*: 86-101.

Elwert, G. 2002. Switching and other forgotten features of we-groups. In: *Imagined Differences: hatred and the construction of identity*. (ed) Schlee, G., 33-54. Münster, Hamburg, London: Lit Verlag, New Brunswick, London: transaction publishers.

Esser, H. 1999. *Inklusion und Exklusion*. Lecture at Bielefeld University, 11.02.99.

Evans-Pritchard, E. E. 1954. *The Sanusi of Cyrenaica*. Oxford: Clarendon Press.

Evers, H.-D. and Schlee, G. 1995. *Die Strukturierung sozialer Welten: Zur Konstruktion von Differenz in den Handlungsfeldern Markt und Staat*. Bielefeld: Sociology of Development Research Centre, Working Paper No. 231.

Falge, Christiane 2001. *Religious identity and conversion among Nuer in Ethiopia and the USA*. Max Planck Institute for Social Anthropology. Report 1999-2001. P.O. Box 110351, 06017 Halle/Saale, Germany.

Fardon, Richard, Bimsbergen, Wim van and Dijk, Rijk van (eds.) 1999. *Modernity on a shoestring: Dimensions of globalization, consumption and development, in Africa and beyond*. Leiden: African Studies Centre, London: Centre of African Studies & EIDOS.

Fardon, R., Furniss, G. (eds.) 1994. African Languages, Development, and the State. Routledge: London.

Firth, Raymond 1973. Symbols Public and Private. London: Allen and Unwin.

Fishman, J. A. 1989. Language and Ethnicity in Minority Socio-linguistic Perspective. Multilingual, Clevedon, PA.

Freeman, Deena and Alula Pankhurst (eds.) 2001. Living on the edge: marginalised minorities of craftworkers and hunters in Southern Ethiopia. Addis Ababa University: Department of Sociology and Social Administration.

Fukui, K. & Markakis, J. (eds.) 1994. Ethnicity and conflict in the Horn of Africa. London: James Currey.

Fukui, K., Kurimoto, E. and Shigeta, M. (eds.) 1997. Ethiopia in Broader Perspective. Papers of the XIIIth International Conference of Ethiopian Studies. Kyoto: Shokado Book Sellers.

Gellner, Ernest. 1981. Muslim Society. Cambridge: Cambridge University Press.

Gluckman, M. 1966. Custom and conflict in Africa. Oxford: Basil Blackwell.

Graebner, F. 1911. Methode der Ethnologie. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung.

Grafrath, B. 1997. Evolutionare Ethik? Philosophische Programme, Probleme und Perspektiven der Soziobiologie. Berlin, New York: de Gruyter.

Griffith, David J. 2002. Somali and Kurdish refugees in London: New identities in the Diaspora. Aldershot: Ashgate.

Guidi, I. 1973. Historia gentis galla. In: Conti-Rossini, C. (ed.) Historia Regis Sarsa Dengel. Louvain, 1907. Reprint.

Haarmann, H. 1986. Language in Ethnicity. A View of Basic Ecological Relations. Mouton de Gruyter: Berlin.

Haberland, Eike 1963. Galla Sudathiopiens. Stuttgart: Kohlhammer.

Hancock, Graham 1991 (1989). Lords of poverty. London: Mandarin.

Hallpike, C. R. 1977. Bloodshed and vengeance in the Papuan mountains. The generation of conflict in Tauade society. London: Oxford University Press.

Hardin, G. 1968. The tragedy of the commons. *Science* 162, 1243-48.

Harrison, Simon 1993. The mask of war: Violence, ritual and the self in Melanesia. Manchester: Manchester University Press.

Hechter, M. 1987. Principles of group solidarity. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.

Hobsbawm, E. J. and Ranger, T. (eds.) 1983. The invention of tradition. Cambridge: University Press.

Holt, P. M. 1961. A modern history of the Sudan. From the Funj sultanate to the present day. London: Weidenfeld & Nicolson.

Humboldt, W. von 1988. On Language: The Diversity of Human Language Structure and its Influence on the Mental Development of Mankind. Cambridge University Press, Cambridge, UK.

IGC (International Crisis Group) 2003. Negotiating a Blueprint for Peace in Somalia. IGC Africa Report No 59, 6 March 2003. Mogadishu/Brussels.

Janzen, Jorg 1991. Somalias Küstentischerei: Gegenwertige Situation und zukünftige Entwicklungsmöglichkeiten. *Die Erde*, 122: 131-143.

Jensen, A. E. 1936. Im Lande des Gada. Stuttgart: Strecker und Schroder.

Kaiser, Birgit Mara 2002. Exclusivist rhetorics: the constitution of political identities in present-day Algeria. In: Schlee, Gunther (ed.). *Imagined Differences: hatred and the construction of identities*. Munster, Hamburg: Lit Verlag; New Brunswick and London: transaction Publishers: 183-214.

Kenney, Mary C. 2002. Targeting the victims of violence: The role of folk histories and voluntary associations in Northern Ireland. In: Schlee, Gunther (ed.). *Imagined Differences: hatred and the construction of identities*. Munster, Hamburg: Lit Verlag; New Brunswick and London: transaction Publishers: 241-249.

Klare, Michael T. 2001. Resource wars: the landscape of local conflict. New York: Metropolitan Books.

Knighon, Ben 2003. The state as raider among the Karamojong: 'here there are no guns, they use the threat of guns'. *Africa: Journal of the International African Institute* 73 (3): 427-455.

Lang, Hartmut 1977. *Exogamie und interner Krieg in Gesellschaften ohne Zentralgewalt*. Hohenschäftlarn: Kommissionsverlag Klaus Renner.

Leach, Edmund 1954. *Political Systems of Highland Burma*. London: Athlone Press.

LePage, R. B., Tabouret-Keller, A. 1985. *Acts of Identity: Creole Based Approaches to Language und Ethnicity*. Cambridge University Press: Cambridge. UK.

Le Sage, Andre 2001. Prospects for Al Itihad & Islamic radicalism in Somalia. *Review of Afrian Political Ecomomy* 28: 472-477.

Levine, Donald N. 1974. *Greater Ethiopia: The Evolution of a Multiethnic Society*. Chicago and London: University of Chicago Press.

Lewis, B. 1998. *The Multiple Identities of die Middle East*. Weidenfeld and Nicholson: London.

Lewis, Ioan (ed.) 1977. *Symbols and Sentiments: Cross- cultural Studies in Symbolism*. London, New York, San Francisco: Academic Press.

Lewis, I. M. 1978. *Ecstatic religion: an anthropological study of spirit possession and shamanism*. Harmondsworth: Penguin.

Lewis, I.M. 1961a. *A Pastoral Democracy: a study of pastoralism and politics among the northern Somali of the Horn of Africa*. London: Oxford University Press.

Lewis, I. M. 1961b. Force and fission in Northern Somali lineage structure. *American Anthropologist* 63: 94-112.

Lewis, I. M. 1982. *The Somali lineage system and the total genealogy*. Ann Arbor: University Microprints (reproduction of a typescript from 1957).

Lewis, I. M. 2002. *Mohamad Siyad Barre's Ghost in Somalia*. Paper given at Rome. Walta Information Center, file://H:\Lewis.htm, dated 4/23/2003.

Little, Peter D. 2003. *Somalia: Economy without state*. Oxford: James Currey, Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, Hargeisa: Btec Books for the International African Institute.

Lockwood, William G. 1975. *European Moslems: economy and ethnicity in Western Bosnia*. New York: Academic Press.

Luling, Virginia 2002. *Somali Sultanate: The Geledi city-state over 150 years*. London: HAAN.

Machiavelli, N. 1975. *The discourses of Niccolo Machiavelli, translated from the Italian with a new introduction and notes by Leslie J. Walker*. S.J. London and Boston: Routledge and Kegan Paul, 2 volumes.

Magnus, Hege T. (GTZ IS, IFPS Bay and Bakool) Nov. 2003. *Support of the Bay and Bakool Peace and Reconciliation Initiative. Proposed Interventions by GTZ IS*. Unpublished paper.

Marchal, Roland 2001. *Islamic political dynamics in the Somali civil war*. Paper for the conference on "Islam in Africa: A global, cultural and historical perspective" at the Institute of Global Cultural Studies, Binghamton University.

Max Planck Institute for Social Anthropology 2003. *Report 2002-2003*. Halle/Saale (Germany), P.O. Box 11 03 51, D- 06017 Halle or: www.eth.mpg.de.

Meillassoux, Claude 1986. *L'Anthropologie de l'esclavage*. Paris: Presses Universitaires.

Menkhaus, Kenneth 2003 (August). *Somalia: A situation analysis and trend assessment*. UNHCR Protection Information Section, Department of International Protection, WRITENET paper.

Mohamed, Ahmed Farah, Touati, Jasmin 1991. *Sedentarisierung von Nomaden - Chancen und Gefahren einer Entwicklungsstrategie am Beispiel Somalias*. Verlag Breitenbach (later: Verlag für Entwicklungspolitik): Saarbrücken, Fort Lauderdale.

MoLD (Ministry of Livestock Development, Republic of Kenya) 1991, 1992. *Kenya Range Management Handbook, Volumes II, 1: Marsabit District (1991), II, 3: Wajir District (1992), II, 4: Mandera District (1992)*, Nairobi.

Montville, Joseph V. (ed.) 1989. *Conflict and peacemaking in multiethnic societies*, Lexington, Mass.: Lexington Books, MA.

Muchoki, Jackson, Julius Muchemi and Gunter Wessel (GTZ, IFSP) c. 2003. *Participatory Integrated Community Development Process*. A paper presented to an experience sharing meeting, held in Nairobi, Kenya, with GAA, DRC, and CEFA (Somalia EC funded projects).

Mutie, Pius Mutuku 2003. 'In spite of Difference': Making sense of the Co-existence between the Kamba and the Maasai peoples in Kenya. Doctoral thesis. University of Bielefeld, Faculty of Sociology, Sociology of Development Research Centre.

Nadel, S.F. 1951. *Foundations of Social Anthropology*. London: Cohen & West.

Nageeb, Salma 2004. *New Spaces and Old Frontiers: Women, Social Space, and Islamization in Sudan*. Lexington Books: Lexington.

Nahl, Andreas van 1999. Market expansion, globalized discourses and changing identity politics in Kenya. In: Fardon, Richard et al. (eds.). *Modernity on a shoestring: Dimensions of globalization, consumption and development, in Africa and beyond*. Leiden: African Studies Centre, London: Centre of African Studies & EIDOS: 303-313.

Novib Somalia (Principal Consultant: Brigitte Fahrenhorst) 2002. *EU Assistance towards Somalia: Development Policy and Coherence*. 2nd draft, September 2002.

Odenwald, Michael, Schauer, Mararete, Lingenfelder, Birte and Elbert, Thomas in cooperation with Hinkel, Harald 2002. Report of the vivo mission within EC/GTZ Demobilisation and reintegration Programme in Somaliland. SO/7-6410-99/10. Demobilisation in North-West Somalia. Technical Report 1/2002.

Owens, Jonathan 1995. Language in the Graphics Mode: Arabic among the Kanuri of Nigeria. *Language Science*, Vol. 17, 2: 181-199.

Pfaff-Czernecka, Joanna 2001. Distanzen und Hierarchien. Kampf um ethnische Symbole in Nepals Öffentlichkeit. In: Horstmann, Alexander and Schlee, Gunther (eds.). *Integration durch Verschiedenheit*. Bielefeld: transcript:235-267.

Portes, A. 1994. The informal economy and its paradoxes. In: Smelser, N. J. and Swedberg, R. (eds.). *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton, N.J.: Princeton University Press: 426-449.

Ra'anan, U. 1989. The nation-state fallacy. In: Montville, J. V. (ed.) *Conflict and Peacemaking in Multiethnic Societies*. Lexington Books: Lexington, MA: 5-20.

Rahman, Afazlur 1980. *Islam: Ideology and the way of life*. London: The Muslim Schools Trust.

Rahman, Fazlur 1982. Islam and modernity. University of Chicago Press.

Reno, William 2003 (February). Somalia and survival in the shadow of the global economy. QEH Working Paper Series - QEHSWPS100.

Riker, William H. 1962. The theory of political coalitions. New Haven and London: Yale University Press.

Samatar, Abdi Ismail and Samatar, Ahmed I 2003a. International Crisis Group Report on Somaliland: An Alternative Somali Response, August 13, 2003 (www.somali-civilsociety.org/downloads/somalireponsetoICEReport.pdf).

Samatar, Ahmed I. and Samatar, Abdi Ismail 2003b. Somali Reconciliation: Editorial Note. *Bildhaan: An International Journal of Somali Studies*, Volume 3: 1-11.

Schimmel, Annemarie 1995 (1985): Al-Halladsch- "O Leute, rettet mich vor Gott". *Texte islamischer Mystik*. Freiburg: Herder.

Schlee, Gunther 1979. Das Glaubens- und Sozialsystem der Rendille. *Kamelnomaden Nordkenias*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.

Schlee, Gunther 1982. Zielkonflikte und Zielvereinheitlichung zwischen Entwicklungsplanung und Wanderhirten in Ostafrika. In: Scholz, Fred and Janzen, Jorg (eds.). *Nomadismus - ein Entwicklungsproblem?* Berlin: Dietrich Reimer Verlag: 96 - 109.

Schlee, Gunther 1984. Nomaden und Staat. Das Beispiel Nordkenia. *Sociologus* 34/2: 140-161.

Schlee, Gunther 1987a. L'Islamisation du passe: a propos de l'effet reactif de la conversion de groupes somalis et somaloïdes a l'islam sur la representation de l'histoire dans leurs traditions orales." In: Mohlig; W. and Jungraithmayr, H. (ed.) *La litterature orale en Afrique comme source pour la decouverte des cultures traditionnelles*. *Collectanea Instituti Anthropos*, No. 36. Berlin: Reimer: 269-99.

Schlee, Gunther 1987b. Rendille Ornaments as Identity Markers. *Kenya Past and Present* 20:31-37.

Schlee, Gunther 1988. Camel management strategies and attitudes towards camels in the Horn. In: Stone, J.C. (ed.). *The exploitation of animals in Africa*. Aberdeen: Aberdeen University African Studies Group: 143-154.

Schlee, Gunther 1990. Holy Grounds. In: Baxter, P. T. W. with Hogg, R. (ed). Property. Poverty and People: Changing Rights in Property and Problems of Pastoral Development. Manchester: Department of Social Anthropology.

Schlee, Gunther 1994a[1989]. Identities on the move: Clanship and pastoralism in northern Kenya. Nairobi: Gideon S. Were, Hamburg, Munster, London: Lit Verlag [originally: Manchester: University Press].

Schlee, Gunther 1994b. Der Islam und das Gada-System in Nordost-Afrika. *Sociologus* 44, 2: 112-135.

Schlee, Gunther 1994c. Loanwords in Oromo and Rendille as a mirror of past interethnic relations. In: Fardon R, Furniss G (eds.) *African Languages, Development, and the State*. Routledge: London: 191-212.

Schlee, Gunther 1994d. Ethnicity Emblems, Diacritical Features, Identity Markers: some East African Examples. In: Brokensha, D. (ed) *River of Blessings: essays in honor of Paul Baxter*. New York: Maxwell School of Citizenship and Public Affairs Syracuse: 129-143.

Schlee, Gunther 1995. Ethnizität und interethnische Beziehungen in Kenia: Vorbemerkungen zu den Fallstudien von Falkenstein und Odak. *Zeitschrift für Ethnologie* 120, 2: 191-200.

Schlee, Gunther 1996. Regelmäßigkeiten im Chaos: die Suche nach wiederkehrenden Mustern in der jüngsten Geschichte Somalias. In: Schlee, G. and Werner, K. (eds.). *Inklusion und Exklusion: die Dynamik von Grenzziehungen im Spannungsfeld von Markt, Staat und Ethnizität*. Köln: Rudiger Koppe Verlag: 133-159.

Schlee, G. 1997. Cross-cutting ties and interethnic conflict: the example of Gabbra, Oromo and Rendille. In: Fukui, K., E. Kurimoto & M. Shigeta (eds.). *Ethiopia in Broader Perspective*. Papers of the XIIIth International Conference of Ethiopian Studies. Kyoto: Shokado Book Sellers: II, 577-596.

Schlee, Gunther 2000. Identitätskonstruktionen und Parteinahme. *Sociologus* 10:64-89.

Schlee, Gunther and Alexander Horstmann (eds) 2001. *Integration durch Verschiedenheit: Lokale und globale Formen interkultureller Kommunikation*. Bielefeld: transcript Verlag, 407 p.

Schlee, Gunther 2001b. "Language and Ethnicity," in *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, 1st edition edition, vol. 12. Edited by N. J. Smelser and P. B. Baltes, pp. 8285-8288. Amsterdam, Paris, New York, Oxford, Shannon, Singapore, Tokyo: Elsevier Science Ltd.

Schlee, Gunther (ed.) 2002. *Imagined Differences: hatred and the construction of identity*. Munster, Hamburg, London: Lit Verlag, New Brunswick, London: transaction publishers.

Schlee, Gunther 2002. *Regularity in Chaos: The politics of difference in the recent history of Somalia*. In: Schlee, Gunther (ed.): *Imagined differences: Hatred and the construction of identity*. Munster, Hamburg, London: Lit Verlag; New Brunswick and London: transaction publishers: 251-280.

Schlee, Gunther 2003a. *Redrawing the map of the Horn: The politics of difference*. *Africa: Journal of the International African Institute* 73 (3): 343-368.

Schlee, Gunther 2003b. *Support for the Somali Peace Process [in Eldoret/Mbagaathi]*, draft, November 20, 2003.

Schlee, Gunther 2003c. *Introduction: Identification in violent settings and situations of rapid change*. *Africa* 73:333-342.

Schlee, Gunther 2003d. "Interethnische Beziehungen". In Fischer, Hans and Beer, Bettina (eds): *Ethnologie - Einfuhrung und Uberblick*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag: 375-390.

Schlee, Gunther 2003e. *Competition and Exclusion in Islamic and Non-Islamic Societies: an essay on purity and power*. Max Planck Institute for Social Anthropology Working Paper No 52 No., 25 p. Max Planck Institute for Social Anthropology, Halle/Saale.

Schlee, Gunther. 2004a. "Somalia und die Somali-Diaspora vor und nach dem 11.September 2001," In: Lehmann, Hartmut(ed.): *Koexistenz und Konflikt von Religionen im vereinten Europa*, Gottingen: Wallstein Verlag: 140-156.

Schlee, Gunther 2004b. *Conflict analysis in Bay and Bakool*. Report on a two-week consultancy in the framework of the conflict resolution and reconciliation component of the Improvement of Farming Systems Project (IFSP), Bay and Bakool Region, March 3 to 17, 2004. Max Planck. Institute for Social Anthropology, PO Box 11 03 51, 06017 Halle/Saale, Germany.

Schlee, Gunther 2004c. Taking sides and constructing identities: reflections on conflict theory. *Journal of the Royal Anthropological Institute* 10:1:135-156.

Schlee, Gunther and Abdullahi Shongolo. Forthcoming. Islam and Ethnicity in northern Kenya.

Schlee, Gunther und Abdullahi Shongolo 1995. Local war and its impact on ethnic and religious identification in southern Ethiopia. *GeoJournal* 36, 1: 7-17.

Schlee, G. and Werner, K. (eds.) 1996. *Inklusion und Exklusion: die Dynamik von Grenzziehungen im Spannungsfeld von Markt, Staat und Ethnizität*. Köln: Rudiger Koppe Verlag.

Schlesinger, I. M. 1991. The wax and wane of Whorfian views. In: Cooper, R. L., Spolsky, B. (eds.). *The Influence of Language on Culture and Thought*. Mouton de Gruyter: Berlin.

Simons, Anna 2000. Mobilizable male youths, indigenous institutions and war. VAD - German African Studies Association, 17th Biennial Conference, (CD), Leipzig.

Smelser, N. J. and Swedberg, R. (eds.) 1994. *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Spencer, Paul 1973. *Nomads in alliance: symbiosis and growth among the Rendille and Samburu of Kenya*. London: Oxford University Press.

Stone, J. C. (ed.) 1988. *The exploitation of animals in Africa*. Aberdeen: Aberdeen University African Studies Group.

Thomason, S. G., Kaufman, T. 1988. *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. University of California Press: Berkeley, CA.

Turton, D. 1994. Mursi political identity and warfare: the survival of an idea. In: Fukui, K. and Markakis, J. (eds.). *Ethnicity and conflict in the Horn of Africa*. London: James Currey: 15-31.

UN 2003. United Nations Security Council. Report of the panel of experts on Somalia pursuant to Security Council resolution 1425 (2002). (compiled by Hogendoorn, Ernst Jan, M'Backe, Mohamed Abdulaye, Mugaas, Brynjulf. S/2003/223).

UNDP 1998. *Human Development Report, Somalia 1998*. (compiled by Menkhaus, Ken and Marchal, Roland).

UNDP 2001. Human Development Report, Somalia 2001. (compiled by Bradbury, Mark, Menkhaus, Ken and Marchal, Roland).

UNDP Somalia, Government of Italy, Government of Norway, June 2001. Capacity Building for Governance (CBG). (Project Document : SOM/01/003/A/01/34).

UNDP Somalia, Somali Aid Coordination Body/Governance Working Group 2001. Talking Peace in Somalia. Somali Civil Protection Programme Workshop: Demobilisation and Reintegration in Somalia.

Watson, Elizabeth E. 1998. Ground Truths: land and power in Konso, Ethiopia. A Dissertation submitted for the degree of Doctor of Philosophy; University of Cambridge.

Werner, Karin 1997. Between Westernization and the Veil: contemporary lifestyles of women in Cairo. Bielefeld: transcript.

Wimmer, A. 1995. Interethnische Konflikte: ein Beitrag zur Integration aktueller Forschungsansätze. *Kolner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie* 47, 464-493.

Whorf, B. L. 1962. Language, Thought, and Reality: Selected Writings. Wiley: New York.

